

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ *и культура*

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-06-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
porov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-06-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Лаврова Светлана Витальевна — доктор искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, член Союза композиторов России, проректор по научной работе и развитию Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Штейнер Евгений Семенович — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Трубочкин Дмитрий Владимирович — доктор искусствоведения, проректор Высшей школы сценического искусства, профессор кафедры зарубежного театра Российского института театрального искусства. Малый Кисловский пер., 6, Москва, 125009

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института открытого образования Московского государственного областного технологического университета (МГОТУ), «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfur@mail.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056 Астрахань, улица Татищева 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет м. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – Доктор философских наук, доцент, Зав. кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ" Кафедра: философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7/9

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Берд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской

государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Denness Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Обермайр Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фрейденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Усачев Александр Владимирович - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии социальных наук и журналистики, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина" 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, дом 28.1 E-mail: a.usacev@mail.ru

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, igorbelyaev@list.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге,, профессор, 460040, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, Y.Griber@gmail.com

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Володина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Касаткина Светлана Сергеевна - доктор философских наук, Череповецкий государственный университет, профессор , 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Шекснинский проспект, 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, jvlarin@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, Oskar46@mail.ru

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, krasfilmanager@gmail.com

Петров Владислав Олегович - доктор искусствоведения, ФГБОУ ВО "Астраханская государственная консерватория", профессор кафедры теории и истории музыки, г. Астрахань, ул. Волжская, 43, кв. 9, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. ул. Волжская, 43, petrovagk@yandex.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, Infotatiana-p@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, skorokhod71@mail.ru

Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, профессор, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор истории антропологических учений, руководитель сектора

Council of editors

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Svetlana V. Lavrova — Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Music Education, member of the Union of Composers of Russia, Vice-Rector for Research and Development of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2, Zodchego Rossi str., St. Petersburg, 191023. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Vice-Rector of the Higher School of Performing Arts, Professor of the Department of Foreign Theater The Russian Institute of Theatrical Art. Maly Kislovsky Lane, 6, Moscow, 125009

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Open Education of the Moscow State Regional Technological University (MGOTU), "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University"". 141070, Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61.

Popov.eug@yandex.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056 Astrakhan, 20a Tatishcheva Street, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, M. I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Rostov region, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET" Department: Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7/9

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny pereulok, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Cognitive Theory Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Obermayr Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the

Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. Gonchamaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Usachev Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Social Sciences and Journalism, I.A. Bunin Yelets State University 399770, Lipetsk region, Yelets, 28.1 Kommunarov str. E-mail: a.usacev@mail.ru

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Mikhail Ivanovich Zhabsky — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Portnova Tatiana Vasilyevna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6 obur@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 12 Studentskaya str., Vladimir, Vladimir Region, 600005, Russia, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, igorbelyaev@list.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Laboratory of Color, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, Y.Griber@gmail.com

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna - Doctor of Philosophy, Cherepovets State University, Professor, 162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sheksninsky Prospekt str., 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 58 Kommunarov str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, 4 Farman Salmanova str., Tyumen, Tyumen Region, 625000, Russia, jvlarin@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, Oskar46@mail.ru

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEK), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, krasfilmanager@gmail.com

Petrov Vladislav Olegovich - Doctor of Art History, Astrakhan State Conservatory, Professor of

the Department of Theory and History of Music, Astrakhan, Volzhskaya str., 43, sq. 9, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Volzhskaya str., 43, petrovagk@yandex.ru

Portnova Tatiana Vasilyevna - Doctor of Art History, Kosygin Russian State University, Professor, 127282, Russia, Moscow, Moscow, ul. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 k 4, Infotatiana-p@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 4 Bardina str., Saratov, 410035, Russia, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, 99 Ladozhskaya str., Penza, 440071, Russia, Penza Region, Penza, skorokhod71@mail.ru

Elvira Maratovna Spirova - Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of the History of Anthropological Studies, Head of the Sector

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

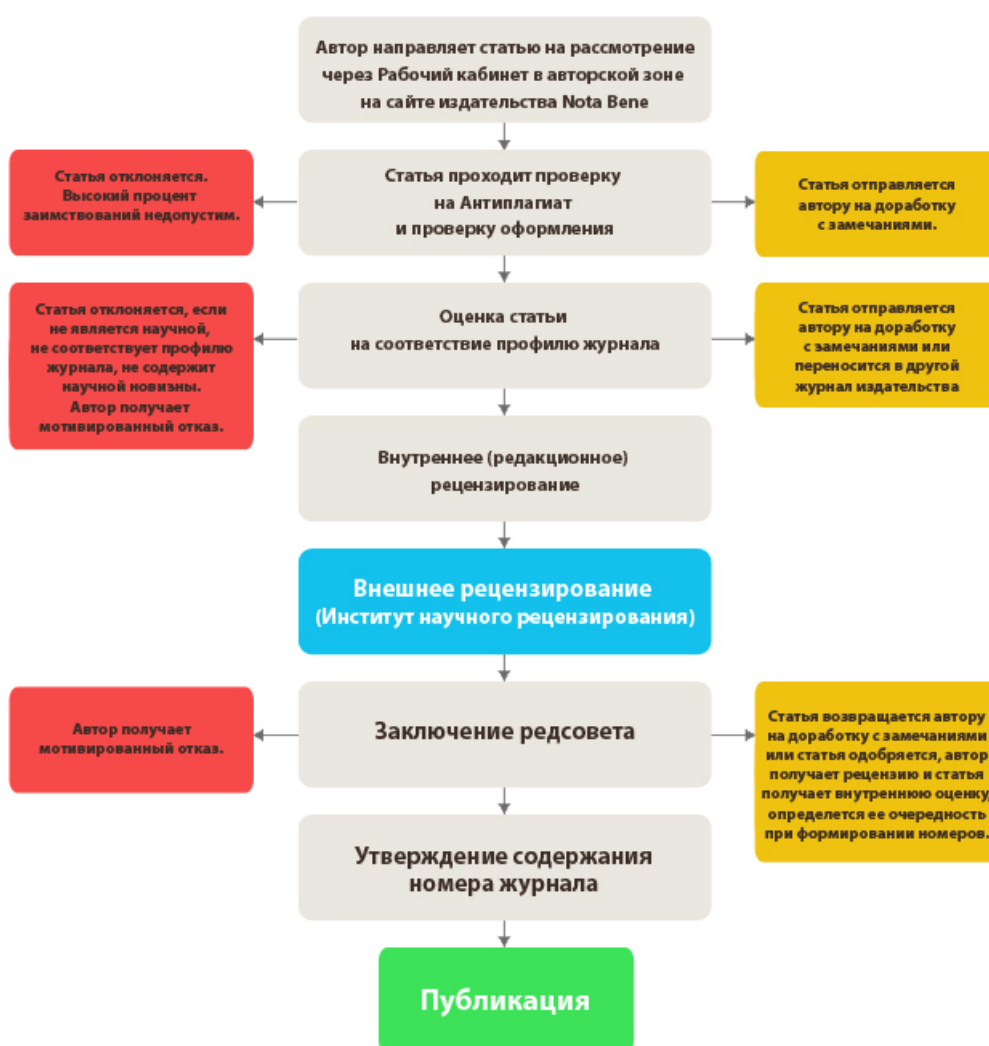
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ван С. Философия симбиоза в рецепции образа дракона в китайской культуре	1
Попов Е.А. Искусство в системе традиционных ценностей (по материалам Всемирного обзора ценностей)	12
Мордас Е.С. Онтологические основания материнства	23
Ван Ц. Основные особенности культуры политических взаимоотношений СССР и КНР	51
Шумов М.В. Творческие союзы Дмитрия Астрахана	59
Канныкин С.В. Бегущий человек в зеркале философии (обзор коллективной монографии «Running & philosophy. A marathon for the mind»)	73
Англоязычные метаданные	105

Contents

Wang X. The philosophy of symbiosis in the reception of the dragon image in Chinese culture	1
Popov E.A. Art in the system of traditional values (based on the materials of the World Values Survey)	12
Mordas E.S. Ontological foundations of motherhood	23
Wang J. The main features of the culture of political relations between the USSR and the People's Republic of China	51
Shumov M.V. Creative unions of Dmitry Astrakhan	59
Kannykin S.V. The Running Man in the Mirror of Philosophy (review of the collective monograph "Running & philosophy. A marathon for the mind»)	73
Metadata in english	105

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Ван С. Философия симбиоза в рецепции образа дракона в китайской культуре // Философия и культура. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.70803 EDN: AFAMGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70803

Философия симбиоза в рецепции образа дракона в китайской культуре

Ван Сяюй

ORCID: 0009-0008-0322-1702

аспирант; кафедра теории и истории культуры, искусств и дизайна; Забайкальский государственный университет

672039, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

✉ wxy42081@163.com

[Статья из рубрики "Мифы и современные мифологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.5.70803

EDN:

AFAMGW

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2024

Дата публикации:

29-05-2024

Аннотация: В статье проанализирована роль культуры дракона для сохранения национального единства и духовной силы китайского народа. Автор ставит вопрос о причинах того, что культура дракона остается востребованной в современном рациональном мире, в век развития науки и технологий. Ответом на данный вопрос является тезис об уникальности китайской культуры, которая заключается в философии симбиоза, когда сосуществуют и успешно развиваются мифологическая культура дракона и научный рационализм. Дракон изображается как могущественное существо с бесконечной силой и отвагой, выступая оберегом, символом защиты людей от бедствий. Следовательно, культура дракона отражает почитание силы, отваги, уверенности в китайских традиционных ценностях. Дракон часто рассматривается как символ гармонии в китайской традиционной культуре, олицетворяя идею единства неба и человека. В

статье используются общенаучные и специальные методы исследования, включая анализ документов, историческое исследование, классификация, метод сравнительного исследования и семиотический анализ. Новизна исследования заключается в анализе рецепции образа дракона в китайской культуре в аспекте философии симбиоза. Особый вклад автора в исследование темы заключается в анализе статуса, роли и эволюции культуры дракона в китайской традиционной культуре с древности до наших дней, а также в выявлении современного значения и роли культуры дракона в современном обществе. Основными выводами проведенного исследования являются положения о том, что образ дракона, на протяжении многих тысячелетий являющийся важнейшим символом китайской традиционной культуры, обеспечивает симбиотическую связь научного, рационального мышления современного человека с мифологическими архетипами, сохранившимися в коллективном сознании. Культура дракона отражает важность традиционных культурных ценностей, национального духа и государственной идентичности в Китае.

Ключевые слова:

Дракон, культура дракона, философия симбиоза, китайская культура, образ дракона, Китай, китайский народ, рецепция образа дракона, тотемный знак, символ дракона

Введение

Дракон, один из самых древних тотемов в Китае, является основой мифологического мировоззрения китайцев. Культура дракона, пройдя этапы мифологического, религиозного способов изучения мира, продолжает развиваться и в современном рациональном мире, когда ведущим способом освоения реальности стало научное мышление. Уникальность китайской культуры сегодня состоит в философии симбиоза, когда сосуществуют и развиваются разные способы мышления и восприятия мира: миф «продолжает функционировать в сознании, ментальности и культуре современного человека в своеобразном двуединстве с другими онтологическими структурами» [\[1, с. 156\]](#). Возможно, именно философия симбиоза позволяет китайскому народу сохранять дух нации и оставаться устойчивым в условиях духовного кризиса, о котором пишут Т. В. Лугуценко, О. М. Шевченко: «Несмотря на свои технологические достижения, человечество так и не гуманизировало свое сознание, напротив, оно утратило способность к нравственному совершенствованию и созидательной деятельности» [\[2, с. 32\]](#). Исследователь китайской культуры и культуры народов Севера А.-К. И. Забулионите считает, что «в поисках новых путей развития цивилизации новая постановка вопроса о функциональной связи разно-природных онтологических структур сознания (науки и мифа) может оказаться неожиданно интересной областью исследования философии культуры и культурологии» [\[1, с. 156\]](#). Таким образом, цель данной работы состоит в исследовании рецепции образа дракона в китайской культуре в аспекте философии симбиоза.

Тема дракона в китайской культуре является одной из самых популярных тем среди ученых-синологов. Обзор научной литературы выявил основные направления исследований данной темы. Сущности дракона и происхождению культуры дракона посвящены работы Вэнь Идо [\[3\]](#), Ван Сяодуня [\[4\]](#), Ван Даю [\[5\]](#), Ву Вэнь [\[6\]](#) и др. Образ дракона в китайских мифах, обрядах, национальных праздниках, в развитии

философской мысли исследован учеными Вань Лин [7], В. В. Гарридо [8], Р. Г. Жамсарановой [9], А. С. Королевой, Р. Р. Мухаметзяновым, Н. А. Сомкиной [10], Д. Ранджан, С. Чжоу [11] и др. Современное значение культуры драконов исследуют Лю Чжицин [12], Пан Чжин [13] и др. Актуальными в межкультурной коммуникации являются работы, посвященные сравнению образа дракона в разных культурах [14, 15]. Также много научных работ посвящено исследованию образа дракона в литературе, архитектуре, живописи, декоративно-прикладном искусстве. На основе данных работ актуально исследование темы дракона в китайской культуре в аспекте философии симбиоза.

Методология исследования

В статье используются общенаучные и специальные методы исследования, включая анализ документов, историческое исследование, классификация, метод сравнительного исследования и семиотический анализ.

Результаты

Основоположником философии симбиоза является японский архитектор и философ Кисе Курокава. В. М. Сытник передает основные взгляды К. Курокавы как предложение «двигаться от главенства Разума к главенству Интуиции». Выдающийся философ XX века считал, что «логоцентризм с концепцией универсальной истины уничтожает культуры и их самобытный облик», и поэтому в XXI веке необходимо заменить универсальность как идеал машинного века на симбиоз культур, а «дуалистическая философия постепенно заменится философией симбиоза» [16, с. 135].

Сегодня философия симбиоза проявляется в научно-технологическом прогрессе и развитии культуры дракона в современном китайском обществе. В философии симбиоза важное место занимают такие категории, как «соединение смыслов», «промежуточный, переходный смысл», «связь». Ключевыми концептами симбиоза является соединение несоединяемых элементов в единый образ, и философия симбиоза проявляется также в рецепции образа дракона в культуре. Эволюция образа дракона как тотема, как власти императора, дракон как мегаструктура и супердоминанта, как замкнутая система, как диалог возможного и реального, как символ проектируемого – все эти проявления культуры дракона образуют симбиотические связи в культуре.

Поскольку дракон является символом Китая, культура дракона рассматривается как часть древнекитайской традиционной культуры. Вокруг образа дракона возникают концептуальные образования, включая политику, экономику, обычаи, язык, литературу, искусство.

Уже в период Чуньцю (период Весен и Осеней, Chunqiu shidai, кит. упр. 春秋时代, VIII-V вв. до н.э.) дракон стал эксклюзивным знаком правителей, символизируя их величие и статус. В эпоху Тан дракон на императорских печатях стал символом императора, олицетворяя его как представителя небесных сил. В Древнем Китае культура дракона всегда находилась на высоком уровне популярности по сравнению с другими культурными символами, и ее происхождение и развитие тесно связаны с государственными и политическими институтами Китая, что подчеркивает важное место культуры дракона в традиционной китайской культуре.

Понятие «культура дракона» введено китайским исследователем Вэном Иду в работах «Исследование образа Фуси» и «Дракон и феникс». В культуре дракона особенно важна

концепция «слияния тотемов», дающая научное обоснование происхождению образа дракона в китайской культуре. Согласно книге «Древнее общество» американского историка Моргана, опубликованной в 1877 году, тотем – это слово из языка индейцев, означающее «его предки, предшественники» [17]. Первобытные люди не только не могли правильно понимать природные явления, но и не знали, как возникло их собственное племя, и, чувствуя на уровне подсознания, что их племя произошло от какого-то животного, растения или некоторого неорганического объекта, начинали поклоняться этому объекту как своему предку. Так возник культ почитания тотема, а тотемный знак стал богом-покровителем и знаменем племени. Поклонение тотему является самым древним религиозным сознанием и культом, возникшим у человечества в первобытном обществе. Поклонение тотему существовало во всех регионах мира.

В китайском обществе тотем дракона непрерывно обогащался, дракон представлялся загадочным и непостижимым существом, способным выражать волю и желание людей. Большинство китайцев не задаются вопросом, существует ли дракон на самом деле, а безоговорочно принимают его как тотем китайской нации для поклонения. Общее поклонение, общие жертвоприношения, общее наследие объективно усиливают солидарность китайской нации. Именно по этой причине, хотя дракон никогда не существовал на земле, он живет в представлениях китайцев из поколения в поколение, а культура дракона стала основой для развития мировоззрения и философии китайцев.

В Древнем Китае дракон считался священным существом и изображался как одно из божеств, представляющее авторитет, силу и таинственность. На этом этапе дракон часто рассматривался как божество воды. С появлением древних династий в Китае дракон стал рассматриваться как символ императорской власти, олицетворяющий право на власть и священное положение. Дракон был включен в символическую систему династий и изображался на одежде, архитектуре и артефактах императоров, выражая могущество и власть правителей.

После того как император империи Западная Хань в Китае У-ди (141 – 87 гг. до н.э.) распорядился о ликвидации других философских школ и признал только учение конфуцианства, конфуцианство стало официальной идеологией, поддерживающей феодальный порядок правления [18]. Конфуцианство проповедует этические стандарты, выдвигаемые феодальным этикетом. В общем, это утверждение высшей и бесспорной власти и положения императора: «император приказывает слугам умереть, слуги не могут не умереть». Эти стандарты приобрели силу и непреложность божественного закона после расширения почитания к дракону на политическую сферу вместе с мифологизацией происхождения императора. Император сам себя превозносил, называя себя драконом, «истинным сыном небес» [19], утверждая свое божественное предназначение управлять людьми на земле как представитель богов. Это представление также усилило идею целостности власти и государства. Именно поэтому каждое поколение китайских ученых рассматривало «верность правителю, патриотизм, любовь к народу» как высшую моральную цель. Например, Фань Чжунянь в своей работе «Записки о Юэянских башнях» сказал, что он восхищается «древними мудрецами», чей моральный характер заключается в том, что «они не радуются материальным благам, не грустят из-за собственной судьбы, они беспокоятся о своем народе, находясь на высоком посту, и о своем правителе, находясь на удаленных местах. <...> Они беспокоятся обо всем мире до тех пор, пока не устранят все беды» [20]. Образ жизни описываемым «древними мудрецами» иллюстрирует идею верности правителю, патриотизма и любви к народу.

В конце периода династии Цин был утвержден первый флаг Китая, его основной цвет был землистый желтый, представляющий китайский народ, а изображение большого дракона отражало идею единства власти и государства.

Сверхъестественные способности дракона оказали влияние на мышление обычных людей и стали основой общественного порядка в феодальном обществе. С одной стороны, через образ дракона королевская власть стала божественной, и идея божественности королевской власти также повлияла на широкие массы населения. Даже в конце правления какой-либо династии, когда политическая коррупция, экономический кризис и острые классовые противоречия заставляли крестьян подниматься на бунт, это было скорее потерей доверия к последнему императору, чем сомнением в самой монархии. В результате на протяжении двух тысячелетий сменялись «бунтующие против императора, чтобы стать императором» – происходила смена династий, но феодальный порядок сохранялся.

С другой стороны, Конфуций сравнивал Лао-цзы с драконом, и люди стали ассоциировать талантливых людей с драконами. До того, как Чжугэ Лян стал известен как Мудрец Лян, его место жительства в Лунчжуне было известно как Гора Спящего Дракона и было знаменито по всей стране. Это подтверждает мудрое выражение: «Гора не должна быть высокой, чтобы иметь имя, а вода не должна быть глубокой, чтобы быть духовной, просто нужен дракон». Таким образом, выражение «надеяться, что ребенок станет драконом» стало общепринятым в китайском менталитете. А человек из бедной семьи Чжу Юаньчан – император-основатель династии Мин – именно в этой концепции поднялся от вождя крестьянского восстания к трону дракона, став представителем феодального землевладельческого класса. В китайской культуре получил распространение фразеологизм «камп прыгнет через драконовы ворота», произошедший из легенды о карпе, превратившемся в дракона. Эти представления обычных людей, безусловно, составляют социальную основу для регулирования феодального порядка. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, насколько важную роль играл дракон в политической сфере феодального периода Китая.

Важное значение имел дракон и в народных традициях, в повседневной культуре. В народных преданиях дракон играет роль наказания зла и пропаганды добра. Например, если кто-то пострадал от удара молнии, говорили, что он сделал много злых дел и был пойман драконом. Если же у человека не было злых деяний, люди говорили, что он страдает за грехи прошлой жизни. В старых книгах также записаны случаи, когда молния ударяла во дворцы императоров, и люди считали, что это дракон наказывает нынешнего императора за его злую политику, надеясь, что император изменит свое поведение и станет более мудрым и справедливым правителем. В городе Юцзинь провинции Шаньси есть храм, в главном зале которого стоит скульптурная группа драконов, сжимающих окровавленную голову Ту Аньцзя, коварного министра царства Чжень периода Вёсен и Осеней. Функции наказания, которые наши предки приписывали дракону, если отбросить суеверные представления, являются выражением неизменной уверенности в победе добра над злом и торжестве справедливости.

По представлениям китайцев, дракон играл важную роль и в экономическом благополучии народа. Китай является одной из стран, где смена охотничье-собирательской экономики на земледелие произошла раньше всего в мире. В период династий Шан и Чжоу земледелие уже стало основным источником средств к существованию для народа Хуа Ся. В «Книге Песен» («Ши цзин») дается яркое описание земледельческой жизни: «С восходом солнца они отправляются на поля, а возвращаются домой с закатом. Копая колодцы, они получают воду для питья,

выращивая сельхозкультуры, они не голодают» [\[21\]](#).

Китайские земледельцы создали оросительные системы, включая такие чудеса инженерии, как «Дуцзяньнянь» (иригационная система, построенная в 256 году до нашей эры в провинции Сычуань ученым Ли Бином для управления наводнениями реки Мин и орошения полей). Тем не менее сохранялись обряды призывания дождя, зародившиеся еще в древности. В годовых отчетах графств можно найти упоминания о различных ритуалах призывания дождя, включая поклонение драконам, сожжение их изображений, выставление на солнце, что является культурным явлением, связанным с представлением о магической способности драконов вызывать дожди.

До наших дней сохранились традиции китайских календарных праздников, связанных с культурой дракона. Эти праздники отличаются национальным колоритом, благодаря чему до сих пор пользуются популярностью среди современных людей. Праздник пятнадцатого дня первого месяца лунного календаря, известный как Юаньсяо, возник во времена правления императора империи Восточная Хань Мин-ди (57 – 75 гг.). Этот день является для китайцев днем общения с небесными властителями, которые, согласно традиции даосизма, могут даровать благословение людям. Среди различных мероприятий в этот день особое место занимают танец дракона и зажжение драконьих фонарей.

Второй день второго месяца лунного календаря, известный как День Головы Дракона, приходится на период, когда в лунном календаре наступают Страшные Холода и Весеннее Равноденствие. Предки нынешних китайцев считали, что в этот период дракон поднимает голову. В День Головы Дракона люди готовят «пирожные дракона» и «лапшу дракона», а также приносят жертвы весеннему дракону. Фермеры надеются, что дракон – владыка воды – сделает год благополучным, а урожай богатым. Поэтому существует такая народная поговорка: «Второй день второго месяца – день, когда дракон поднимает голову, большой амбар будет полон, а маленький – переполнен» [\[22\]](#). Кроме того, «поднятие головы дракона» – это очень благоприятное событие, поэтому считается, что это хороший день для стрижки, отсюда и поговорка: «В первом месяце не стригись, не брейся, подожди, пока дракон поднимет голову во второй месяц».

Происхождение праздника Дуанью, который приходится на пятый день пятого месяца по лунному календарю, современники связывают с памятью об отце китайской поэзии Цюй Юане (поэт и политик царства Чу в период Воюющих царств, годы жизни: 340 – 278 гг. до н.э.). Но есть и другая, древняя версия происхождения праздника: это праздник, посвященный проведению ритуалов поклонения тотемам. Каждый год пятого мая китайцы наполняют различными продуктами бамбуковые трубки или листья пальмы, часть из них бросается в воду для принесения в жертву богам-тотемам, а другая часть съедается участниками праздника. В конце они устраивают гонки на лодках, вырезанных в форме дракона, под звуки быстрых барабанов [\[3\]](#).

У этноса цзуаньцзу проводится великолепный праздник поклонения дракону во время второго месяца, чтобы обеспечить мир и безопасность людей и скота на протяжении года. У этноса яо праздник поклонения дракону приходится на третий день третьего месяца. У этноса хань проводится праздник во второй день второго месяца, когда выбирают двух сильных и красивых юношей, которые наряжаются в женскую одежду и под руководством главного дракона объезжают различные поселения, сопровождаемые толпой людей.

Сегодня китайский народ продолжает отмечать эти праздники не из суеверия, а для сохранения исторического культурного наследия, связи с историей предков.

Обсуждение

Тотемный знак китайской нации является результатом слияния множества тотемных единиц различных этнических групп. Этот процесс отражает древнее наставление правителю о необходимости «действовать справедливо, избавиться от собственных предвзятостей, добро и зло должны быть справедливыми по всему миру» [23]. Идея справедливости в условиях взаимодействия множества этнических групп дополняется конфуцианской идеей «великого единства», общим почитанием тотемов и общими ритуальными действиями, что способствовало укреплению единства страны и национальной солидарности. Поэтому потомки первых китайских императоров Янь-ди и Хуан-ди, вне зависимости от того, в каких землях они находятся, чувствуют единство на основе общей культуры дракона.

Также культура дракона выражает идею преодоления всех препятствий и укрепляет дух самоуважения, уверенности и неутомимости китайского народа. Так называемый дух самоуважения, самозащиты и постоянного развития – это стремление к истине, усердное обучение, смелость и решительность, готовность быть первым и преодолеть любые трудности. В китайской Книге Перемен («И Цзин») передан призыв людям быть стойкими и могучими, подобно Солнцу и Луне на небесах: «Сыны Китая должны двигаться, подобно небесной области, непрерывно и неустанным движением, даже если они находятся в бедственном положении, они не должны падать и унывать» [24]. Конфуций призывал: «Понимайте истину жизни еще в ранние утренние часы, чтобы вечером умирать без сожаления» [25]. Это также пропаганда усердного обучения, постижения истинного знания, неутомимого стремления и готовности стать первыми в мире. Древние предки современных китайцев создали дракона и наделили его всевозможными сверхъестественными способностями для осмысления мира. Современный исследователь В. В. Гарридо так объясняет значение дракона в коллективном сознании народа: «В проявленном мире двойственности, в полностью оформленном мире символ дракона – это бесконечно становящееся бытие, непрерывное творение, наглядное выражение единой первоматерии и мировой субстанции, которая принимает различные формы, комбинируясь сама с собой, производя и поглощая бесконечное множество новых тел» [8, с. 99]. Символ дракона как выражение мировой субстанции не дает человеку полностью оторваться от природы, сохраняет гармонию человека и мира.

Культура дракона, как часть традиционной китайской культуры, кроме несомненных достоинств в развитии мировоззрения народа, в обустройстве государственности и формировании патриотизма, может иметь и недостатки. Изучение культуры дракона должно основываться на принципе устранения недостатков и усвоения сути через принцип использования древнего в современности. Например, религиозное сознание и феодальные суеверия должны быть подвергнуты критике со стороны материалистического взгляда на мир с целью утверждения духа научного прогресса. Но при этом необходимо серьезно задуматься, почему эти культурные явления существуют в истории Китая десятки тысяч лет и сохраняются в современных условиях. Проникнув в глубины духовного мира древних китайцев, можно понять логичность существования этого культурного явления в современном мире. Д. Ранджан и С. Джоу подчеркивают значимость культуры дракона для быстрого развития страны: «Китайский дракон руководит социальной системой от традиции к современности, становясь духовной силой в сознании народа» [11, с. 78]. Таким образом, философия симбиоза, проявляющаяся в рецепции образа дракона в традициях, укладе жизни, культуре и искусстве,

способствует сохранению единства народа и устойчивости в условиях духовного кризиса современности.

Культура дракона служит выражением добрых намерений и стремлений предков современных китайцев, и их наследие сохраняется на протяжении многих поколений, отражая творческий дух китайской нации. Сегодня китайцы по всему миру имеют общий язык, общие идеалы, общие цели и симбиотические отношения, борясь за достижение полного единства страны и всестороннего возрождения китайской нации. Это и есть современное значение духа дракона.

Заключение

Дракон как древний тотем и символ китайской традиции не только представляет силу и величие, но также обладает глубоким духовным содержанием и символическим значением. Симбиоз культуры дракона с современной культурой проявляется в поддержке национального единства Китая и сохранении его культурного наследия. С развитием научных технологий человеческое мышление продолжает развиваться, но дух дракона сохраняет свою важность. Образ дракона, на протяжении многих тысячелетий являющийся важнейшим символом китайской традиционной культуры, обеспечивает симбиотическую связь научного, рационального мышления современного человека с мифологическими архетипами, сохранившимися в коллективном сознании. Философия симбиоза в рецепции образа дракона важна для сохранения традиционных культурных ценностей, национального духа и государственной идентичности в Китае.

Библиография

1. Забулионите, А. К. И. Человек и культура в природной среде: динамика взаимосвязи (культурфилософский аспект) / А. К. И. Забулионите // Человек. Культура. Образование. – 2019. – № 3(33). – С. 133-173. – DOI 10.34130/2223-1277-2019-3-133-173. – EDN GIXPXS.
2. Лугуценко, Т. В. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества / Т. В. Лугуценко, О. М. Шевченко // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 26-35. – DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.2. – EDN XMENHA.
3. 闻一多. 闻一多全集. 湖北人民出版社. 1994年. 320页 = Вэнь Идо. Полное собрание сочинений Вэнь Идо. Ухань: Народное издательство Хубэй. 1994. 320 с.
4. 王小盾. 龙的实质和龙文化的起源. 寻根, 2003(9). = Ван Сяодунь. Сущность дракона и происхождение культуры дракона. // В поисках корней, 2003. – № 9.
5. 王大有主编. 中华龙种文化. 北京: 中国社会出版社, 2000. = Ван Даю. Китайская культура драконов. – Пекин: Издательство Китайского общества, 2000. 350 с.
6. 武文. 龙神·龙人·龙文化. 西北师大学报, 1998(1). = Ву Вэнь. Бог дракона. Человек дракона. Культура дракона // Журнал Северо-Западного педагогического университета, 1998. – № 1.
7. Вань Лин. История китайских праздников (Исторические беседы). Пер. с кит. Кочминой С.А. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 223 с.
8. Гарридо, В. В. Мифологический символ дракона в генезисе китайской философии / В. В. Гарридо // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. – 2023. – Т. 1, № 11. – С. 87-102. – DOI 10.48647/ICCA.2023.69.96.007. – EDN CPWTAM.
9. Жамсаранова, Р. Г. Лингвокультурный знак «дракон» как пропозициональный знак / Р. Г. Жамсаранова, Е. А. Пляскина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2021. – № 5(85). – С. 55-65. – DOI 10.25587/r1735-5125-3749-q. – EDN MEQWTH.

10. Королева, А. С. Образ дракона в китайских мифах и обрядах / А. С. Королева, Р. Р. Мухаметзянов, Н. А. Сомкина // Россия - Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XIII Международной научно-практической конференции, Казань, 08–10 октября 2020 года. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2020. – С. 57-62. – EDN UFPZXX.
11. Ranjan, D.K.S. and Zhou, C.C. (2010). The Chinese Dragon Concept as a Spiritual Force of the Masses. Sabaragamuwa University Journal, 9 (1), p. 65-80. Available at: <https://doi.org/10.4038/suslj.v9i1.3735>.
12. 刘志琴. 龙文化的现代价值. 濮阳教育学院学报, 2001(3) = Лю Чжицин. Современная ценность культуры драконов. // Журнал Пуянского института образования, 2001. - № 3.
13. 庞进. 龙的精神及当代意义. 唐都学刊, 2004(2) = Пан Чжин. Дух дракона и его современное значение // Журнал «Танду», 2004. - №2.
14. Yuan, Lina & Sun, Yunling. (2021). A Comparative Study Between Chinese and Western Dragon Culture in Cross-Cultural Communication. 10.2991/assehr.k.210121.015.
15. Дыняк, Е. С. Образ дракона: дуальность в системе китайской и индоевропейской культуры / Е. С. Дыняк, Е. С. Задворная // Инновации. Интеллект. Культура : материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 435-летию основания г. Тобольска, году Даниила Чулкова в г. Тобольске, Тобольск, 22 апреля 2022 года. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. – С. 271-277. – EDN JPGYTH.
16. Сытник, В. М. Философия симбиоза в проектах современных японских зодчих (Курокава Кисё, Тадао Андо) / В. М. Сытник // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей, Москва, 07–11 апреля 2014 года. – Москва: Московский архитектурный институт (государственная академия), 2014. – С. 134-137. – EDN TSTLXJ.
17. 路易斯·亨利·摩尔根. 译者: 马雍. 古代社会. 商务印书馆. 2012. 585页 = Льюис Генри Морган. Переводчик: Ма Йонг. Древнее общество. Пекин: Коммерческое издательство. 2012. 585 с.
18. 魏文华. 董仲舒传. 北京: 新华出版社. 2003 年. 482 页 = Вэй Вэньхуа. Биография Дун Чжуншу. - Пекин: Агентство Синьхуа Пресс. 2003. 482 с.
19. 杨慎(1488年-1559年)二十一史弹词. 中华书局出版. 1938年. 723页 = Ян Шэн (1488-1559). Двадцать одна история Танчи. Издательство Чжунхуа, 1938. 723 с.
20. 陈天然写《岳阳楼记》作者: 范仲淹. 出版社. 海燕出版社. 2004. 63页 = Фань Чжунъянь. Чэнь Тяньжань написал «Историю башни Юэян». Чжэнчжоу. Издательство «Хайян». 2004. 63 с.
21. 诗经. 孔子. 编订. 北京出版社. 2006. 363页 = Конфуций. Книга песен и гимнов. Пекин: Пекинское издательство. 2006. 363 с.
22. 刘国斌修 刘锦堂纂. 掖县志. 山东莱州. 1935 年. 990 页 = Лю Гобин, Лю Цзиньтан. Окружные архивы. Лайчжоу, Шаньдун: б/и, 1935. 990 с.
23. 章行. 尚书: 原始的史册. 上海古籍出版社. 1997 年. 194 页 = Чжан Син. Шан Шу. Подлинные анналы истории. - Шанхай: Издательство старинных книг. 1997. 194 с.
24. 黄寿祺; 张善文. 周易译注. 上海古籍出版社. 2007年. 486页 = Хуан Шоуци; Чжан Шаньвэнь. Перевод и комментарии Чжоу И. Шанхай: Издательство старинных книг. 2007 г. 486 с.
25. 孔子. 论语. 蓝天出版社. 2006年. 396页 = Конфуций. Беседы и суждения. Пекин: Издательство «Голубое небо». 2006 г. 396 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Философия симбиоза в рецепции образа дракона в китайской культуре», в которой проведено исследование современного восприятия и репрезентации традиционного китайского образа.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что дракон, один из самых древних тотемов в Китае, является основой мифологического мировоззрения китайцев. Культура дракона, пройдя этапы мифологического, религиозного способов изучения мира, продолжает развиваться и в современном рациональном мире, когда ведущим способом освоения реальности стало научное мышление. Уникальность современной китайской культуры автор видит в философии симбиоза, когда сосуществуют и развиваются разные способы мышления и восприятия мира.

Актуальность исследования определяет тот факт, что своеобразие культуры и традиций Китая в настоящее время привлекают к себе большое внимание многих исследователей и любителей из различных стран мира.

Цель исследования заключается в рецепции образа дракона в китайской культуре в аспекте философии симбиоза.

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описание, классификация, а также сравнительный и семиотический. Теоретическим обоснованием автору послужили труды таких китайских и российских исследователей как Жамсаранова Р.Г., Гарридо В.В., Вань Лин, Лю Чжицин, Пан Чжин и др.

На основе анализа научной обоснованности изучаемой проблематики автор отмечает широкую освещенность вопроса культуры драконов и ее роли в истории и социокультурном развитии Китая как в китайском, так и российском научном дискурсе. Научная новизна данного исследования заключается в изучении темы дракона в китайской культуре в аспекте философии симбиоза.

В работе автор раскрывает сущность философии симбиоза в современном Китае, основной идеей которой является «двигаться от главенства Разума к главенству Интуиции». Автор полагает, что в XXI веке необходимо заменить универсальность как идеал машинного века на симбиоз культур. Ключевыми концептами симбиоза является соединение несоединяемых элементов в единый образ, и философия симбиоза проявляется также в рецепции образа дракона в культуре. Эволюция образа дракона как тотема, как власти императора, дракон как мегаструктура и супердоминанта, как замкнутая система, как диалог возможного и реального, как символ проектируемого – все эти проявления культуры дракона образуют симбиотические связи в культуре.

Особое внимание автор уделяет изучению культуры дракона непосредственно в современном Китае, где она несет не только эстетическую, но и социокультурную ценность, являясь репрезентацией мощи, духовности и процветания страны. Философия симбиоза, проявляющаяся в рецепции образа дракона в традициях, укладе жизни, культуре и искусстве, способствует сохранению единства народа и устойчивости в условиях духовного кризиса современности.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение возможностей синтеза концептов уникальной культуры с современными идеями представляет несомненный

теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет довольно четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 25 источников, в том числе иностранных, что является достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Тем не менее, автор выполнил поставленную цель, получил определенные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Попов Е.А. Искусство в системе традиционных ценностей (по материалам Всемирного обзора ценностей) //

Философия и культура. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.70819 EDN: EFLVYE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70819

Искусство в системе традиционных ценностей (по материалам Всемирного обзора ценностей)

Попов Евгений Александрович

ORCID: 0000-0003-3324-8101

доктор философских наук

профессор кафедры социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета;
профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России

656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 513А

✉ popov.eug@yandex.ru

[Статья из рубрики "Колонка главного редактора"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.5.70819

EDN:

EFLVYE

Дата направления статьи в редакцию:

22-05-2024

Аннотация: В статье предметом исследования является искусство. Рассматриваются некоторые проблемные моменты в концептуализации данного феномена в современной науке, дается оценка имеющимся эмпирическим исследованиям, а также междисциплинарному ракурсу изучения феномена искусства. Проблемой, обсуждаемой в статье, является объективация искусства как самостоятельного явления, а не только как "формы общественного сознания". Возможности такой объективации могут приблизить ученых к пониманию значения искусства для самовыражения, совершенствования человека, его выживания в условиях современного постиндустриального общества. Для решения поставленной проблемы используются некоторые результаты известного мониторинга изменений ценностных структур – Всемирного обзора ценностей, который содержит данные по ценностным трансформациям в межстрановом сравнении. Данное исследование ведется в течение около 30 лет и дает широкое представление о соответствующих изменениях. Методология исследования базируется на

междисциплинарном, аксиологическом и системном подходах, в качестве нового ракурса исследования применяется концепция "центрации" ценностей. Научная новизна исследования в целом и основных его положений в частности сводится к следующему: (1) показана необходимость осмысления искусства с точки зрения не формы общественного сознания, а как ценности, включенной в различные ценностные структуры человеческого бытия; (2) по материалам Всемирного обзора ценностей проанализировано положение ценности искусства в системе ценностей самовыражения и ценностей самовывживания (по Р. Инглхарту); (3) с точки зрения ценностных трансформаций или изменений, происходящих в иерархиях ценностей, выявлена "позиция" искусства, состоящая в уравнивании (гармонизации) "интеллектуальных ценностей", к числу которых относится и искусство. Основным результатом заключается в следующем: искусство как ценность не подвержена трансформации и кризисному состоянию, по результатам Всемирного обзора ценностей.

Ключевые слова:

искусство, духовная культура, ценности и нормы, методология, теоретические подходы, методологические подходы, культурные традиции, аксиологический подход, Всемирный обзор ценностей, ценности самовыражения

Введение. Искусство является сложным для изучения феноменом, по крайней мере, на междисциплинарном уровне нередко наблюдается некоторая растерянность исследователей, хотя они, опираясь на комплексный подход, должны были бы рассчитывать на получение достаточно значимых результатов. В действительности такие результаты, конечно, есть – и теоретические, и эмпирические. Между тем, по выражению некоторых авторов, «междисциплинарность вовсе не гарантирует четкости в позиции относительно искусства, напротив, может возникнуть определенный кризис, связанный со смешением ракурсов, категорий, подходов и т.д.» [\[22, p. 18\]](#). Сложная ситуация складывается и в стане дисциплин, которые идентифицируют искусство в качестве своего основного объекта исследования – проблема здесь вероятнее всего состоит в «расплывчатости самого феномена искусства, его формы и содержания» [\[21, p. 31\]](#). Но и сами науки меняют приоритеты в исследовании искусства: так, например, социология в соответствующей своей отрасли – социологии искусства обращается к интенциональности и ивент-исследованиям в сфере искусства, при этом делает акцент на «новой реальности искусства», когда более важна его институциональная характеристика, чем выявление чувственно-эмоциональной природы. В одной из своих статей, посвященных этому ракурсу социологических исследований искусства, я как раз обращал внимание на данное обстоятельство [\[9\]](#). С другой стороны, по-прежнему остро стоит необходимость привлечения социологов к исследованию искусства в различных его видах и формах, однако социологи все же не всегда проявляют интерес к сложному и противоречивому явлению, а потому резонно возникает вопрос о том, как же заинтересовать социолога изучением искусства и духовной жизни? [\[8\]](#). Между тем более предметно искусство рассматривается в искусствоведении, эстетике, культурологии, философии. Макс Вебер, например, писал, сравнивая эстетику и искусствоведение: «Эстетике дан факт, что существуют произведения искусства. Она пытается обосновать, при каких условиях этот факт имеет место. Но она не ставит вопроса о том, не является ли царство искусства, может быть, царством дьявольского великолепия, царством мира сего, которое в самой своей глубине обращено против Бога, а по-своему глубоко

укоренившемся аристократическому духу обращено против братства людей. Эстетика, стало быть, не ставит вопроса о том, должны ли существовать произведения искусства» [\[4, с. 718\]](#). В то же время нередко возникают сомнения, пожалуй, и в главной для изучения искусства науке: «Главная потеря современного искусствознания – уход того живого чувства восхищения перед прекрасным, которое было первоначальным побудителем к изучению и анализу искусства» [\[2, с. 335\]](#). В современном научном дискурсе мы можем встретить множественность интерпретаций и самого феномена искусства, и конкретных произведений искусства в многообразии их стилевых, жанровых и формально-содержательных особенностей.

В целом, можно констатировать, что формат таких исследований сводится к трем ключевым позициям: (1) понимание сущности искусства как данности, как трансценденции, как онтоса – такой традиционный подход по-прежнему значим в интерпретациях искусства, однако его «классичность» сужает границы исследований; очевидно, что «сквозь призму сущности искусства сложно увидеть его собственную силу, оно подлежит сравнению с логосом, Вселенной, космосом, природой» [\[20, р. 72\]](#); (2) апелляции к чувственно-эмоциональной сфере искусства, что сближает его с человеком (субъектом), но делает, таким образом, его «более покладистым, нужным, необходимым, а в итоге – атрибутивным, полностью подчиненным субъекту» [\[13, р. 188\]](#); (3) ориентации на знаково-символично-образную природу искусства, оценки возможностей трансляции смыслов, формирования своего «поля искусства, в котором смыслы не пересекаются, а отстоят друг от друга, и задача – их собрать в цельную конструкцию – чрезвычайно сложна» [\[14, р. 442\]](#); кроме того, «внимание фокусируется на поиске возможных исходов конструирования выдуманных миров. Спекулятивная практика базируется на способности воображать альтернативные миры и разрабатывать гипотезы в виртуальных средах» [\[7, с. 153\]](#). Как видим, позиции представлены разные, и они в целом обеспечивают довольно широкий спектр представлений об искусстве и его бытовании. По сути, мы имеем дело с двумя основными трактовками искусства: во-первых, как эстетической деятельности и, во-вторых, как способа или результата знаково-символического обмена. Но мне представляется, что для объективации искусства в жизни человека и в научных исследованиях имеет значение сосредоточиться на еще одном значимом ракурсе исследований – ценностно-смысловом. Можно было бы его обозначить в традиционном выражении как аксиологический, но все же более подходящим является именно такое его звучание – ценностно-смысловое. Здесь я соглашаюсь с точкой зрения М.М. Бахтина, полагавшего, что смысл не дает завершения какому-либо проекту, он нацеливает на длительный поиск новых граней бытия [\[1, с. 362\]](#). Аксиологический подход между тем создает некую завершенность в поиске таких граней. Таким образом, представляется необходимым исследовать феномен искусства в *ценностно-смысловом ключе*.

Стоит подчеркнуть, что не всегда мы можем встретить в современной науке именно такой ракурс исследования, однако ценностная природа искусства и искусство как ценность – это самостоятельные грани восприятия искусства и его интерпретаций. Вероятно, это связано с тем, что ценностный мир имеет более выраженные и часто объективные свойства (например, трансформация ценностей, их иерархичность, системность и структурность), а искусство все же более деликатный феномен, более сложный для атрибутивного понимания, что ведет зачастую к упрощению или, наоборот, многократному усложнению его трактовок.

Проблема, обозначенная в настоящей статье, связана с необходимостью рецепции искусства как самодостаточной ценности в индивидуальной и коллективной жизни

субъекта – это при том, что в научном дискурсе искусство предстает как эстетическая деятельность человека и в качестве ценности наряду с другими ценностями в их иерархиях практически не рассматривается или не идентифицируется. Ракурс осмысления искусства как ценности в выстраиваемых ценностных иерархиях расширяет не только границы искусства в его феноменальном смысле, но и дает возможность оценить его актуальную роль в жизни социальных субъектов.

Таким образом, цель статьи заключается в анализе положения искусства в системе традиционных ценностей, имеющих универсальное значение для современных культур и обществ.

Для объективации роли искусства в жизни человека в его ценностно-смысловом выражении использовались материалы восьми раундов (1981–2023) Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), находящиеся в открытом доступе на соответствующей исследовательской платформе (<https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>).

Основным методологическим ракурсом исследования является прием социокультурной «центрации» (А. Хаген [\[17\]](#), Дж. Холден [\[18\]](#)), позволяющий установить пределы трансформации традиционных и инновационных ценностей в зависимости от их значений для обеспечения выживаемости или духовно-нравственного совершенствования человека. Указанные авторы, предлагая данный прием для социокультурных исследований, апеллируют к распределению ценностей в кластерах или иерархиях по принципу «притяжения» либо «отталкивания» от «ценностного ядра», сформированного внутри культуры или внутри цивилизации. В первом случае «центрация» ценностей происходит по причине их «притяжения» к «ценностному ядру», во втором – в силу их «отталкивания» от цивилизации для обеспечения безопасности и выживания субъектов.

Система традиционных ценностей World Values Survey. Обращаясь к данным Всемирного обзора ценностей (далее – WVS), Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали, в частности, что в нем представлены два ключевых ценностных кластера – ценности самовыражения и ценности, обеспечивающие выживание человека в условиях постиндустриального общества [\[6, с. 67-72\]](#). Исследователями был сделан акцент на анализе ценностных трансформаций по агрегированному принципу, который позволил в кросс-культурном формате оценить даже самые незначительные колебания ценностных изменений в течение как продолжительного времени (более 5 лет), так и в краткосрочном измерении (до 3 лет), и в разрезе 25 стран [там же]. В результате был сделан вывод о том, что традиционные ценности при всей их «неуязвимости» в процессе социально-политических и социально-экономических изменений, происходящих в мире в условиях глобализации и модернизации культур и обществ, испытывают наиболее существенные перемещения в ценностных иерархиях, что может свидетельствовать о значимых трансформациях. Так, например, было показано, что секулярно-рациональные ценности примерно в равном отношении делят места с ценностями религиозности и веры, но при этом в краткосрочной фиксации они более подвержены изменениям (падение на 1,9 пунктов) в отличие от религиозных, которые в свою очередь также смещаются в иерархии на позицию менее 1 пункта, но уже в долгосрочной перспективе [\[6, с. 67-68\]](#). Такой «разброс» может указывать лишь на объективный процесс колебания ценностей, но не обязательно на их трансформацию. В другом случае, по данным WVS, наблюдается существенное изменение позиций традиционной ценности семьи – перемещение в иерархии в течение последних трех лет произошло на более чем 3,2 пункта, причем и в разрезе разных стран; и по кластерам ценностей самовыражения и выживания это, пожалуй, самое заметное изменение.

Между тем следует подчеркнуть, что, по мнению Дж. Холдена, существенным для любой ценностной трансформации признается смещение ценностей в кластерах или иерархиях на показатель более 2,5 пунктов. Показатель от 0,9 до 2,4 признается промежуточным, нуждающимся в прицельном мониторинге – перспективы значимых трансформаций в этом диапазоне возрастают в краткосрочной перспективе и снижаются соответственно на длительной дистанции системных изменений [\[18, p. 41-43\]](#).

Система ценностей в волнах WVS выстроена как кластерным образом (ценности самовыражения и ценности выживания), так и по классическому принципу – выделяются группы традиционных и инновационных ценностей. Исследователи отмечают между тем, что кластерный аспект построения ценностных иерархий более понятен и отвечает логике «центрации» ценностей по «классам»: (1) культурные – цивилизационные; (2) субстанциональные – атрибутивные [\[15, p. 269\]](#). В то же время классическая дихотомия – ценности традиционные и инновационные выглядит более дискуссионно, зачастую границу между ними в современных условиях развития обществ и культур провести довольно сложно; в качестве примера приводится ценность семьи, признаваемая традиционной и универсальной, но в силу общественных изменений частично теряющая и функции «классического» социального института, и традиционной ценности, все более находящейся в ситуации «центрации» в группу инновационных. Подчеркнем, что данный вопрос имеет спорный аспект решения, но все же исследователи, проводя границу между традиционным и инновационным, делают акцент на необходимости идентифицировать данные ценности по основанию их ценностно-смысловой (или ценностно-нормативной) определенности: если ценности включены в соответствующую ценностно-нормативную систему культуры, они могут иметь выраженные признаки традиционных [\[10; 12; 24\]](#). Анализируя работы известного исследователя ценностей Г. Хофстеде, ряд авторов отмечает, что в его подходе обнаруживается принцип «избегания неопределенности», который «говорит о степени принятия в рамках общества неопределенности смыслов, правил и установок, а также непредсказуемости ситуаций и будущего в целом. Для представителей сообществ с высокими значениями показателя "избегание неопределенности" характерно предпочтение четко прописанных правил поведения и инструкций во всех сферах жизнедеятельности – от морально-нравственных и этических аспектов до конкретных производственных задач» [\[5, с. 47\]](#). При этом для WVS принцип ценностно-смысловой определенности также имеет значение, поскольку отнесение ценностей к традиционным и одновременно универсальным сопряжено с выявлением границ их трансформации относительно групп инновационных ценностей. Именно в сравнительно-сопоставительном ключе в WVS любые отклонения положения ценностей в иерархиях соотносятся по кластерам и группам «центрации». Иными словами, любое перемещение ценностей в кластере «выживание» соотносится с инновационными, а в кластере «самовыражение» – с традиционными и т.д.

Но все же в исследовательском дискурсе, в котором рассматриваются традиционные ценности, сложился свой подход в их осмыслении и выявлении тех или иных значимых характеристик. Отметим некоторые ключевые позиции, которые затем сопоставим с имеющимся в формате WVS теоретико-методологическим ракурсом. Прежде всего обращает на себя внимание идентификация традиционных ценностей в аспекте антропростасии (защиты человека): выделяя в связи с этим общезначимые, кардинальные, субкардинальные и иные группы ценностей, Н.С. Розов, по сути, соотносит их с кластером ценностей выживания (представленным в WVS), отвечающим определенным условиям человеческого индивидуального и коллективного бытия [\[11, с. 143-144\]](#). «Условия» задают перспективы развертывания инновационных ценностей, но

также и сохранения традиционных. В этой связи авторами рассматривается роль традиционных ценностей для обеспечения духовной безопасности индивидов, которая, в свою очередь, соотносима и с ценностями выживания, и с ценностями самовыражения, регистрируемым в рамках WVS. Так, например, приводятся аргументы в пользу того, что традиционализм в культуре и социальных отношениях обеспечивает духовную безопасность через сложный механизм распределения ценностей от цивилизации к культуре и обратно [22, p. 10]. Данный принцип, как уже было сказано выше, получил название «центрации» ценностей и применяется в обобщении результатов WVS.

Между тем искусство в системе WVS относится одновременно и к ценностям самовыражения, и к ценностям выживания. И этот аспект его бытования представляется довольно любопытным, если иметь в виду, что искусство довольно деликатный феномен бытия, который хотя и имеет социальную основу и рассматривается как одна из «форм общественного сознания» наряду с политикой, мифологией, правом и другими, но все же крайне субъективен и непостоянен в оценках индивидов. Как показывают социологические исследования, реципиенты обращаются к искусству, формируя свой социальный капитал («человек, разбирающийся в искусстве» как тренд), в меньшей степени воспринимают его как часть бытия, как способ, помогающий иначе взглянуть на окружающую реальность; все большее число респондентов указывает на возможность обращения к искусству как моде на новизну и для формирования имиджа образованного человека, знающего толк в различных сферах жизни, в том числе и в искусстве [9]. Однако искусство как «новая реальность» по-прежнему занимает место в ценностных иерархиях, являясь традиционной ценностью. И хотя в науке искусство идентифицируется в качестве «формы общественного сознания» или целенаправленной эстетической деятельности индивида, оно осознается ими как ценность, имеющая важное значение для духовного совершенствования и развития.

Место ценности искусства во Всемирном обзоре ценностей. По выражению П. Бурдье, в искусстве как ни в каком другом феномене проявляется интеллектуалоцентризм, представляющий собой безусловный контакт социума с прекрасным и в результате этого способствующий пробуждению познавательной энергии в каждом члене общества [3]. С этой точки зрения отнесение искусства к традиционным ценностям не просто оправдано, но и становится неотъемлемым условием развития индивида и формирования духовности в обществе. Однако «опознавание искусства», по выражению У. Цзина, «связано с тем, как индивиды заботятся о своем интеллектуальном запасе, осознавая, что искусство дает им стимул изменить отношение к реальности, по-новому взглянуть на повседневный мир» [19, p. 220]. В действительности следует признать, что «опознавание искусства» соответствует притязаниям человека на интеллектуализм и модный тренд быть разборчивым в какой-либо узкой области творчества, познания или науки. Именно поэтому, вероятно, искусство в формате WVS идентифицируется и как ценность самовыражения, и как ценность выживания. Такое положение между тем меняет некоторым образом расстановку «сил» в ценностных иерархиях. Обратимся к конкретным результатам.

По данным второй волны WVS искусство как традиционная ценность не занимает лидирующие позиции в иерархии ценностей самовыражения, ему отведена 11 позиция, но и она, с точки зрения А. Хаген, может считаться достаточно высокой в силу того, что фактическая «востребованность» искусства как ценности по результатам рандомизированных массовых опросов, проведенных в рамках WVS (более 33 тыс. респондентов с кластерной выборкой), возрастает «равно так же, как возрастает

ценность религиозности, сакральности и других» [\[17, p. 10-11\]](#). Далее – в разрезе последующих волн Всемирного обзора ценностей ситуация заметно изменялась, но никогда искусство не теряло такое количество пунктов в иерархиях ценностей, чтобы признать его кризис или точнее: критическое отношение к искусству и его роли в обществе и для развития индивидов. Так, например, в 2014 году «падение» составило 0,7 пунктов, в 2015 – 0,79 п., в 2018 – 1,1 п., к 2023 г. – 1,24 п. Как видим, в «зону кризиса» (2,5 пункта и более) искусство не попадало. По всей видимости, объяснение этому кроется в том, что традиционные «интеллектуальные ценности», к которым оно принадлежит в кластере ценностей самовыражения, способствуют формированию интеллектуального статуса человека для занятия им в последующем высоких должностей, улучшения личного экономического благополучия и т.д. [\[16, p. 299\]](#). Кроме того, высока вероятность «моды на знание» искусства. Вместе с тем, разумеется, ключевая причина все же связана с развитием человека, его духовного мира – по словам ряда исследователей, «искусство во все времена обеспечивало единение человека с богом, природой, космосом, Вселенной, самим собой, социумом и человечеством» [\[13, p. 180\]](#). Поэтому оно не обесмысливается, более того – никакие новые интерпретации и попытки назвать искусством какие-либо утрированные или утилитарные объекты реальности, «вовсе не влияют на бытование искусства – оно настолько самодостаточно, что не зависит от чьей-либо воли и внешних сил» [\[16, p. 300\]](#). Я не стремлюсь к обсуждению в настоящей статье роли искусства в бытии человека, хотя довольно сложно удержаться от этого ракурса, но в силу иных задач, поставленных в статье, лишь вскользь затрагивается данный аспект.

Итак, искусство на протяжении всего мониторинга WVS не попадало в «красную зону» кризисности (критического восприятия и отношения к ценности). Примечательно, что в кластере традиционных ценностей самовыражения, таких, например, как творчество, вдохновение, призвание и других, подвижки более заметны, но все же и они не испытывают значимой трансформации. Возможно, именно искусство «цементирует» эти показатели, являясь фундаментом для всей группы т.н. традиционных «интеллектуальных ценностей». Некоторые различия в оценках роли искусства в жизни людей имеются по данным количественного мониторинга и качественного уровня исследований в WVS. Массовые опросы были сконцентрированы на определении роли искусства для развития человека, сохранения традиционализма или формирования инноваций в культуре, для воспитания в индивиде широкого взгляда на действительность и индивидуального мышления, но также ставили задачу выявления гедонизма, впечатлений, эмоций, потребности сравнивать, что лучше или хуже и т.д. Такой опрос, например, проведенный в 2020 г., продемонстрировал, что респонденты в основном оценивают искусство в двух направлениях: (1) как способ «взглянуть на мир иными глазами», «переосмыслить повседневность», «преодолеть рутинность бытия», «провести время» и т.д.; данные оценки смешивают базисные факторы отношения к искусству – включенность субъекта в структуры повседневности и, напротив, исключенность из них; (2) как критерий дифференциации традиционного и инновационного: «искусство – это классика», «на все времена», «сохранение образов»; «новый стиль», «суперискусство» и т.д. По сути, эти данные свидетельствуют о существующей достаточно устойчивой системе критериев в восприятии искусства и формировании соответствующего отношения к нему. Как полагают исследователи, «искусство как форма общественного сознания является при всей его субъективности и поливариативности в оценках наиболее устойчивой из всех иных форм, поскольку апеллирует не только к глубинам души, но и транслирует важные социальные смыслы и образцы» [\[14, p. 449\]](#).

В то же время качественные методы исследования, среди которых в WVS преобладает экспертное интервью (информанты – служащие и хранители музеев, библиотек, галерей и выставочных залов, арт-центров по всему миру, в т.ч. крупнейших в Америке, Азии и Европе), демонстрирует несколько иной характер результатов по сравнению с массовыми опросами респондентов. К примеру, одно из таких исследований в рамках шестой волны WVS показало, что три года на дистанции данного исследования существенно сократилось время пребывания посетителей в учреждениях культуры, в которых выставлены на всеобщий обзор произведения искусства – в среднем оно составило 1,35 часов, что меньше на 0,4 часа; кроме того, среди посетителей, интересующихся искусством, сократилось количество детей и подростков, а также семей (по мнению экспертов, примерно в 1,2 раза). Если массовый опрос указывает на «востребованность искусства» в качестве способа преодоления рутинной жизни, то эксперты в своих интервью определяют снижение «спроса», но при этом не готовы признать, что весомыми причинами такой ситуации могут быть увеличение стоимости посещения музеев и выставок, а также снижение такой возможности в силу высокой занятости в труде и его интенсификации, ведущей к сокращению времени на досуг и рекреационные мероприятия. Такие результаты между тем не могут в полной мере свидетельствовать о трансформации ценности искусства в силу не соответствия наблюдаемых изменений основному критерию кризисности или глубоких системных изменений по результатам WVS, однако происходящие в современных условиях трансформации, затрагивающие ряд ключевых ценностей – терминальных и инструментальных, ценностей самовыражения или выживания, – вполне могут сказаться и на положении такой «интеллектуальной» ценности, как искусство.

Заключение. Всемирный обзор ценностей (WVS) позволяет взглянуть на «положение» разных ценностей в иерархиях и группах (кластерах), обобщить оценки восприятия и формирования соответствующего отношения к ним. Что касается искусства, то в этом случае мы можем увидеть его достаточно устойчивое положение в системе традиционных и инновационных ценностей – если быть более точным, оно занимает срединное положение между этими ценностными структурами. По-видимому, в связи с этим можно предположить, что такая «центрированная» позиция способствует его устойчивому положению, а значит, оно по-прежнему, как и в течение множества столетий, будет играть большую роль в развитии человека, формирования его индивидуальности, воспитании и пополнении интеллектуальной силы.

Библиография

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Бембель И. В поисках метода. К вопросу кризиса архитектуроведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2020. Т. 10. № 2 (2020). С. 323-339. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2020.208>
3. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-Французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8-31. URL:<http://bourdieu.name/content/universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (дата обращения 23.04.2024).
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
5. Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Тишков С. В. Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне // Вестник Института

- социологии. 2024. Т. 15. № 1. С. 43-69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Лола Г.Н., Александрова Т.И. Код времени в современном искусстве: дискурсивный анализ темпоральных арт-проектов // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2021. Т. 11. Вып. 1. С. 150-166. DOI: 10.21638/spbu15.2021.109
8. Попов Е. А. Как заинтересовать социолога изучением искусства и духовной жизни? // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 143-149.
9. Попов Е.А. Опыт интенционального и ивент-исследования в современной зарубежной социологии искусства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 126-141.
10. Рассадина Т.А. Трансформация традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. Автореф. дисс. д-ра социол. н.: 22.00.06. М.: Мос. пед. гос. ун-т, 2005. 46 с.
11. Розов Н.С. Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 1. С. 141-156. DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-1-141-156
12. Теняков А.В. Диалектика традиции и инновации в социокультурном пространстве современного российского общества: Автореф. дисс. канд. филос. н.: 5.7.7. Новочеркасск: Южно-Российский гос. политех. ун-т, 2023. 24 с.
13. Chan T.W., Goldthorpe J.H. Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England // Poetics. 2007. Vol. 35. № 2-3. P. 168-190.
14. DiMaggio P. Classification in Art // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. № 4. P. 440-455.
15. Dobewall H., Tormos R., Vauclair C. Normative Value Change Across the Human Life Cycle: Similarities and Differences Across Europe // Journal of Adult Development. 2017. № 24(4). P. 263-276. DOI:10.1007/s10804-017-9264-y
16. Goffman E. Symbols of Class Status // British Journal of Sociology. 1951. Vol. 2. № 4. P. 294-304.
17. Hagen A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals // Krisis. 2019. № 1. P. 2-14.
18. Holden J. Cultural Value and the Crisis of Legitimacy Why culture needs a democratic mandate. London: Demos, 2006. 69 p.
19. Jing W. On the Relationship between Content and Form in Art Works Take Xin Dongwang's Oil Paintings of Figures as an Example // Talent and Wisdom. 2019. Vol. 30. Pp. 218-222.
20. Kun S.L. The form and characteristics of formal beauty // New Art. 1984. Vol. 4. P. 71-75.
21. Marschallek B., Weiler S., Jorg M. Make It Special! Negative Correlations Between the Need for Uniqueness and Visual Aesthetic Sensitivity // Empirical Studies of The Arts. 2021. Vol. 39. Iss. 1. P. 17-39. <https://doi.org/10.1177/0276237419880298>
22. Smith P.B. Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. № 35. P. 6-12.
23. TakšićV., Arar L., Molander B. Measuring Emotional Intelligence: Perception of Affective Content in Art // Studia Psychologica. 2004. № 46(3). P. 4-20.
24. Wolf S. Global Civilization and Local Culture // International Sociology. 2020. Vol. 16. Issue 3. P. 305-306.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Искусство в системе традиционных ценностей (по материалам Всемирного обзора ценностей)», в которой проведено исследование аксиологической функции искусства с точки зрения его положения в иерархиях и группах (кластерах), оценки восприятия и формирования соответствующего отношения к нему.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что ценностная природа искусства и искусство как ценность – это самостоятельные грани восприятия искусства и его интерпретаций. Автор связывает это с тем, что ценностный мир имеет более выраженные и часто объективные свойства, а искусство является деликатным феноменом, более сложным для атрибутивного понимания, что ведет зачастую к упрощению или, наоборот, многократному усложнению его трактовок. Ракурс осмысления искусства как ценности в выстраиваемых ценностных иерархиях расширяет не только границы искусства в его феноменальном смысле, но и дает возможность оценить его актуальную роль в жизни социальных субъектов.

Цель статьи заключается в анализе положения искусства в системе традиционных ценностей, имеющих универсальное значение для современных культур и обществ.

Методологической базой является комплексный подход, включающий в себя как общенаучные методы анализа и синтеза, систематизации, а также контент-анализ. Теоретическим обоснованием автору послужили труды таких исследователей как А. Хаген, Дж. Холден, Р. Инглхарт, К. Вельцель и др. В качестве эмпирического материала автором использовались материалы восьми раундов (1981–2023) Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), находящиеся в открытом доступе на соответствующей исследовательской платформе.

По результатам анализа научной разработанности проблематики автором отмечено, что в современном научном дискурсе можно встретить множественность интерпретаций и самого феномена искусства, и конкретных произведений искусства в многообразии их стилевых, жанровых и формально-содержательных особенностей. Формат таких исследований автор сводит к трем ключевым позициям: понимание сущности искусства как данности; апелляция к чувственно-эмоциональной сфере искусства; ориентация на знаково-символично-образную природу искусства. В рамках исследования автор представляет необходимым исследовать феномен искусства в ценностно-смысловом ключе.

В основу своего исследования роли искусства в системе ценностей автор применил прием социокультурной «центрации», позволяющий установить пределы трансформации традиционных и инновационных ценностей в зависимости от их значений для обеспечения выживаемости или духовно-нравственного совершенствования человека.

По результатам исследования автор пришел к заключению, что искусство в системе WVS относится одновременно и к ценностям самовыражения, и к ценностям выживания. Изучив результаты опросов, автор констатирует, что реципиенты обращаются к искусству, формируя свой социальный капитал, в меньшей степени воспринимают его как часть бытия, как способ, помогающий иначе взглянуть на окружающую реальность; все большее число респондентов указывает на возможность обращения к искусству как моде на новизну и для формирования имиджа образованного человека, знающего толк в различных сферах жизни, в том числе и в искусстве. Искусство осознается ими как ценность, имеющая важное значение для духовного совершенствования и развития.

Автор отмечает достаточно устойчивое положение искусства в системе традиционных и инновационных ценностей, оно занимает срединное положение между этими

ценностными структурами. По мнению автора, центрированная позиция способствует его устойчивому положению, а значит, большую роль в развитии человека, формирования его индивидуальности, воспитании и пополнении интеллектуальной силы.

В заключении автором представлен вывод, содержащий основные положения проведенного исследования.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение аксиологической функции искусства и его положения в системе ценностей представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет довольно четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 24 источников, в том числе и иностранных, что является достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Мордас Е.С. Онтологические основания материнства // Философия и культура. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.40959 EDN: EFZBNY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40959

Онтологические основания материнства

Мордас Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук

доцент, Московский институт психоанализа

121170, Россия, г. Москва, Кузцовский проспект, 34, стр. 14

✉ morkaty@yandex.ru

[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.5.40959

EDN:

EFZBNY

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является материнство. Работа построена на основе модели Н.С. Розова сферы социально-исторического бытия. Биотехносфера заключается в репродуктивном здоровье и возможности (невозможности) женщины стать матерью. Психосфера представляет аспекты деятельности, мотивы и ценности матери, принятие и отказ от материнства, выбор формы материнства. Культура и репродуктивная культура в опыте материнства – направление, вызывающее интерес и размышления (культуросфера). Остается открытым для исследования проблематика репродуктивного статуса и брачного гендера, репродуктивного поведения в контексте проблематики материнства (социосфера). Современные реалии приводят к необходимости переосмысления опыта и понимания материнства на всех уровнях социально-исторического бытия. Основными выводами являются: биотехносфера включает в себя репродуктивную возможность женщины стать матерью, физическое здоровье, способность выносить, родить и воспитать ребенка. Психосфера включает в себя аспекты деятельности матери (мотивационно-деятельностная сфера и предметное взаимодействие, мотивация рождения ребенка), личность матери (удовлетворенность материнством и готовность к материнству, отношение мать-дитя, проблематика семейных отношений). Культуросфера: ценности и смыслы, материнство как творчество,

репрезентация матери (хорошая/плохая, злая/добрая), ожидания и стереотипы, связанные с образом матери, вербальная и невербальная коммуникация (пространство контакта мать-дитя – речь, песни, взаимодействия) и репродуктивная культура. Социосфера: социальная роль матери (обучение, воспитание, социализация, социальные ожидания), формирование гендера (в частности гендер брачного и репродуктивного статуса), репродуктивное поведение и роль отца в развитии женственности и женской идентичности. Роль мужчины в жизни женщины и наоборот (пара) и рождение ребенка – область возможных исследований. И открытым для исследований остается вопрос – родительство и гендер в современных условиях. Представлена модель сфер социально-исторического бытия феномена материнства.

Ключевые слова:

материнство, беременность, бытие, бесплодие, образ матери, культура, социум, гендер, репродуктивное здоровье, отказ от материнства

Проблематика материнства и ее нарушения представлены в различных науках (медицина, философия, психология, социология, история). Представим проблематику материнства в аспекте социальной онтологии, применив идеи Розова Н.С. о сферах социально-исторического бытия на примере Женщина-мать, бесплодие.

Материнство - «биологическое состояние женщины-матери», так и «свойственное матери создание родственной связи с ее детьми». Материнство – это продолжение рода, плодородие (феномен носит биологический, социальный, психологический, культурный и религиозный смысл).

Мать – родитель, давший жизнь (мать может быть биологическая, приёмная, суррогатная, мать-отказница (родила и отказалась; чайлд-фри).

Беременность - состояние женщины в период развития в организме зародыша, плода. Процесс вынашивания плода женщиной в совокупности с происходящими при этом в её организме изменениями. Включает в себя период начиная от оплодотворения яйцеклетки и заканчивая рождением ребёнка. Анатомические и физиологические изменения в организме женщины во время беременности направлены на обеспечение питания и развития плода и затрагивают каждый орган тела.

Бесплодие – неспособность к материнству на физическом и психологическом уровне, включая социальные аспекты; неспособность производить потомство; неплодородие, неплодородность.

Исходим из ключевой идеи, что материнство и бесплодие – есть отражение на теле женщины истории ее индивидуальной жизни, социальных процессов, начиная с истории отношений в семье и общества в целом.

Теоретико-методологическим основами работы являются идеи: психоаналитический подход - З. Фрейд, Г. Бибринг, Дж. Кестенберг, Х. Дойч, Р. Столлер, Т. Ф. Тайсоны, Д. Пайнз, М. Кляйн, Д. Винникотт, Н. Чодороу Психоаналитические аспекты культуры: К. Дали, Дж. Фрэзера. Идеи отечественных психологов: Н.Н. Васягина, Г.Г. Филиппова, В.И. Брутман, А.Я. Варга, И.Ю. Хамитова, Р.В. Овчарова, Ю.Г. Мещерякова, Е.И. Захарова О.А. Карабанова, И.С. Кон, Д.В. Белинская и др. Гендерный аспект: А. В. Ростова, Д. Д. Исаев. Социологический подход: Литовка В.А. И. Хоффманом, Дж. Мани, М. Вебер и П.

А. Сорокина.

Биотехносфера. Женщина – мать – это женский организм, предназначенный природой к рождению ребенка. Тело, репродуктивные органы играют первостепенную роль для возможности зачатия, вынашивания и рождения ребенка.

Кроме репродуктивных органов отметим такой орган как грудь, которая позволяет вскармливать ребенка после рождения. То есть материнское тело зачинает, вынашивает, рождает и вскармливает ребенка после рождения – в этом основные функции тела матери для поддержания и роста потомства. В этой связи данные функции могут быть реализованы, а могут быть не реализованы (женщина не может зачать, выносить ребенка и/женщина, не может вскармливать своего ребенка). И та и другая область являются актуальными в настоящее время, вызывает тревогу в профессиональных кругах (пример, младенческая смертность, бесплодие и невозможность грудного вскармливания), что способствует разработке различных программ на социальном и государственном уровне по поддержке материнства и детства.

Обратимся исследованиям в сфере медицинской науки. Основные направления исследований материнства касаются (медицинские исследования, выполненные 2002-2020 г.г.) – проблематики подросткового материнства и помощь несовершеннолетним беременным; охрана материнства; поддержка грудного вскармливания; младенческая смертность и репродуктивные потери; беременность, роды и патология; личность матери и репродуктивная технология ЭКО; инвалидность и смертность детского населения. То есть исследования касаются непосредственно физического тела (здорового, больного), его поддержки и в случае необходимости – медицинское вмешательство, применение биотехнологий, организация медико-социальной реабилитации.

Тело можно рассмотреть, как механизм, имеющий нарушения или не имеющий нарушения; на который оказывают воздействие различными технологиями, функционирующий согласно определенным правилам. Стоит отметить, что на данный момент исследование проблематики бесплодия рассматривается в большинстве случаев в рамках медицинских исследований^[1]. Психологические, социальные, культурные аспекты представлены незначительно, и порою не учитываются при лечении таких женщин.

Физическое развитие человека подразумевает достижение определенной стадии развития, где он оказывается способным к продолжению рода. Для продолжения рода тело должно быть способным это сделать, то есть быть «здоровым», обладать определенными органами. Тело может быть здоровым и/или больным. Живым и/или мертвым (символически мертвым). Нарушения репродуктивной системы женщины обусловлены заболеваниями и психологическими факторами. К соматическим нарушениям относится целый перечень заболеваний, не позволяющий женщине забеременеть, наиболее подробно рассматриваемые в медицинских источниках и исследованиях. Психологические факторы, позволяющие и не позволяющие забеременеть представлены преимущественно в психологической и психоаналитической литературе.

Девочка рождается с определёнными женскими органами, благодаря которым будучи взрослой, она сможет забеременеть, выносить и родить ребенка. Девушка, достигшая определенного возраста и сексуальной зрелости (подростковый возраст и наступление менархе) оказывается способной физически стать матерью. Менархе (менструация) признак того, что физически девушка может забеременеть. Женщина способна

забеременеть и родить ребенка до наступления климактерического периода ее биологического развития.

Плод может быть физически сохранен и рожден или может быть физически отвергнут, как в случае выкидыша или аборта, когда мать может отрицать жизнь плода и отказывать себе в материнстве.

После рождения ребенка мать осуществляет физическую заботу о ребенке (ребенок должен быть сытым, сухим и в тепле). Наряду с физической заботой для физического и психического развития необходима психологическая забота (эмоциональный контакт, контейнирование, общение, интерес). Психологическая забота и физическая позволяют ребенку развиваться физически и психически. В ином случае, ребенок оказывается в условиях депривации, что приводит к развитию разного рода патологии на уровне соматики и психики.

Психосфера. Рождение ребенка – это возможность и функция женщины. Это творческий процесс (М. Лангер) и область зависти мужчины к женщине (обратившись к психоаналитическим идеям). «...женщины сами умеют рожать и знают, как сделать, чтобы семя принесло плоды. Так пусть они и сеют. В этом деле нам, мужчинам, с ними не сравняться» Дж.Фрэзер.

Современная психология рассматривает материнство как психосоциальный феномен: с точки зрения деятельности матери по обеспечению условий для формирования личности ребенка, отношений мать-дитя (глубинные аспекты представлены преимущественно в психоаналитическом подходе), развития личностной сферы матери (на примере готовность к материнству, удовлетворенность материнством, глубинный аспект переживаний – страхов, тревог, эмоциональных реакций, конфликтов и пр. показан в психоаналитических трудах (Г. Бибринг, Дж. Кестенберг, Х. Дойч) [\[1, 2, 3, 4\]](#).

Материнство как этап становления гендерной идентичности и самореализации показан в работах (идеи Брутман В.И., Варги А.Я. и Хамитовой И.Ю.) [\[5, 6\]](#). Материнство в аспекте становления материнского самосознания в ходе трансформации мотивационно-деятельностной сферы женщины (Овчарова Р.В. и Филиппова Г.Г.) [\[7\]](#). Подчеркивается важность содержания опыта, полученного женщиной, начиная с самого детства (онтогенез) [\[8, 9\]](#).

Материнство и беременность как полоролевое становление женщины.. Беременность представлена как переходный кризисный период, когда обостряются неразрешенные детские переживания, сложности во взаимоотношениях с собственной матерью и окружающими людьми. Период беременности является кризисным периодом как для женщины, так и для мужчины. Благополучное проживание данного кризиса связано с личностной зрелостью пары.

Важным для формирования представлений о материнстве считается послеродовой период, когда в семье появляется ребенок – «третий» и перестраивается вся раннее существующая система пары.

Удовлетворенность материнством. До самого конца XIX века материнство традиционно считалось в России главным предназначением, смыслом и ценностью женщины. В таком контексте, социум рассматривал женщину достаточно утилитарно, и отношение самой женщины к ее материнской роли не принималось во внимание. В современном обществе у женщины есть возможность на определенном жизненном этапе сделать

самостоятельный ценностный выбор в пользу материнства, установив свой личный баланс приоритетов в отношении других сфер жизни, таких как карьерный рост, социальные перспективы, общение или личные увлечения. Решение о рождении ребенка связано для родителей с необходимостью взять на себя определенные обязанности и ответственность по организации условий для его оптимального развития на всех жизненных этапах [10]. Между тем, роль родителя, будучи творческой деятельностью, связана не столько с обязанностью и долгом, сколько с радостью и испытываемым удовлетворением, поскольку предоставляет взрослому человеку большие возможности для самореализации [11]. Однако, к сожалению, родительство, и в частности материнство, не всегда приносит удовлетворение.

Проблематика удовлетворённости материнством представлена в работах Мещеряковой Ю.Г. [12] и Захаровой Е.И. Удовлетворенность рассматривается как «субъективная оценка качества тех или иных объектов, условий жизни и деятельности, жизни в целом, отношений с людьми, самих людей и самого себя (самооценка) (идеи Мещеряковой Ю.Г.).

Захарова Е.И рассматривает удовлетворенность материнством как элемент благополучия семьи, как подсистемы общества; как целостные переживания женщины-матери - характер взаимоотношений с ребёнком, успешность реализации родительских функций; успешность развития ребенка как результат собственной деятельности; отношение к материнской роли; отношение близких людей к женщине в роли матери.

На субъективное восприятие материнства оказывают влияние *личностные особенности женщины*. Барановская Т.И. выделяет личностные качества матери, которые оказывают наибольшее влияние на формирование базовых материнских качеств, необходимых для выполнения материнских функций. Наибольшее влияние оказывает отношение женщины к себе и к своим близким, а также к окружающему миру. Они являются основой для налаживания эмоционального контакта с ребенком и установления поддерживающих взаимоотношений с другими людьми. Уровень интеллектуального развития важен для организации предметного взаимодействия ребенка, а также для развития эмпатии у самой матери. Уверенность в себе, адекватная самооценка также способствуют отзывчивости и принятию в общении с ребенком [13]. Также, уровень личностной зрелости матери, подразумевающий адекватное понимание самой себя, сформированные ценности и способность совершать выбор и брать на себя ответственность за него, напрямую связаны с отношением матери к своей материнской роли [14].

Следующий фактор, имеющий важное влияние на удовлетворенность материнством, это *качество партнерских или супружеских отношений*. Карабанова О.А. находит, что межличностное общение, являясь одним из ключевых моментов в жизни супружеской пары, определяет эффективность функционирования семьи в целом [15]. В ходе неизбежного адаптационного семейного кризиса, следующего за появлением нового члена семьи, здоровые межличностные отношения, основанные на взаимоподдержке, становятся необходимым условием адаптации матери и всех членов семьи к новым жизненным реалиям. Порою мужчина выполняет контейнирующую функцию, помогая женщине справиться с конфликтами, связанными с переживанием беременности и послеродового периода.

Еще один фактор, взаимосвязанный с удовлетворенностью материнством, это *степень реализованности жизненных планов женщины*. Исследователи отмечают, что женщины, удовлетворенные материнством, планировали ранее как замужество, так и

деторождение, то есть оно стало воплощением их жизненных планов. Тогда как у женщин с низкой удовлетворенностью, рождение ребенка не планировалось заранее.

Готовность к материнству. Готовность к материнству – это феномен, который в психологии в последние несколько лет интересует очень многих исследователей. Его рассматривают в разных аспектах: в филогенетическом аспекте [\[16, 17\]](#); изучаются факторы, влияющие на материнское поведение [\[18\]](#); социологические исследования позднего материнства и материнства несовершеннолетних [\[19\]](#); исследование факторов риска психической патологии ребенка в связи с социальными и психическими аномалиями матерей [\[20, 21\]](#); исследуются значимые личностные характеристики будущей матери и разрабатываются методы, выявляющие отношение родителей к не родившемуся ребенку [\[22\]](#)

В.И. Брутман, Д.В. Винникотт, С.А. Минюрова отмечают, что готовность женщины стать матерью формируется в течение всей ее жизни. На процесс формирования этой готовности оказывают влияние как биологические, так и социальные факторы [\[23, 24, 25\]](#). С.О. Кашапова отмечает, что у женщин, которым присущи нарушения в готовности стать матерью, есть соответствующие характеристики, к числу которых относятся: эмоциональная и психологическая незрелость; низкая толерантность к стрессам; несдержанность аффектов; неготовность к браку в силу эмоциональной неустойчивости, эгоцентризма, стремления к независимости; сосредоточенность на своих проблемах и пр. [\[26\]](#).

Отмечается амбивалентное отношение к беременности. В.И. Брутман и М.С. Радионова пишут в своих работах, что даже та беременность, которая была желанна, тоже имеет противоречивый аффект. Женщины одновременно с радостью, оптимизмом и надеждой начинают бояться, печалиться и настороженно себя вести. Такое состояние связано с регрессом женщины в период беременности и реактивацией материнских конфликтов [\[27\]](#).

С.Ю. Мещерякова психологическую готовность женщины стать матерью рассматривает как специфическое личностное образование, главным стержнем которого является субъект – субъектная ориентация, формирующаяся у женщины у ребенка, который еще не успел родиться. Эта ориентация формируется у женщины из-за того, что на нее оказывают влияние биологические и социальные факторы. Автор называет основные составляющие, которые входят в структуру психологической готовности женщины к материнству: особенности коммуникативного опыта, который был получен будущей матерью в детстве, когда у нее была возможность общаться с близкими взрослыми, только аффективные следы могут говорить о том, какой характер был этого общения; переживания женщиной беременности – здесь самые важные факторы, которые говорят о том, какой характер этих переживаний, это желанность беременности и ребенка; ориентация на стратегию воспитания и ухода за младенцем – это фактор свидетельствует о том, какое отношение у женщины формируется к ребенку, желает ли она вести себя так, чтобы в первую очередь учитывались потребности ребенка, или же она хочет, чтобы учитывались только ее потребности.

В целом, женщины, которые готовы стать матерями, и те женщины, которые не готовы к материнству, по-разному представляют себе роль матери: у женщин, готовых к материнству, присутствует образ матери принимающей, отзывчивой, способствующей развитию и обучению ребенка, разделяющей его самостоятельную ценность. У женщин,

не готовых к материнству, ярко прослеживается не выраженность таких качеств, как принятие, отзывчивость и стремление к развитию ребенка.

Филиппова Г.Г. выделила в своей работе несколько основных мотивов, которые определяют материнство: женщина, таким образом, хочет показать, что она достигла статуса, которого давно хотела – стала взрослой, самостоятельной, она начала занимать какое-то важное место в социуме, она теперь имеет право требовать к себе определенного отношения; женщина хочет соответствовать идеальной модели «полноценная жизнь» - у человека должны быть в жизни определенные вещи, иначе жизнь от этого становится не полной; женщина хочет, чтобы после нее остался потомок, который будет продолжать род; женщина в материнстве хочет реализовать все свои возможности – воспитать ребенка, передать ему все свои знания, опыт; женщина хочет через своего ребенка компенсировать все проблемы, которые есть и будут в ее жизни – она хочет, чтобы ее ребенок жил лучше, чтобы он был умнее, чтобы он был красивее, чтобы жил в более лучшее время, чем выпало на ее жизнь, чтобы получил все то, о чем она мечтала, но не смогла получить; женщина хочет проявлять свою любовь к детям, она желает получать удовольствие от процесса общения со своим ребенком, ей интересно, что он чувствует, чем живет, к чему стремиться, у нее есть желание способствовать тому, чтобы ребенок развивал свою индивидуальность, чтобы он был самостоятельным, чтобы он любил других; женщина достигает критического возраста, чтобы рожать своих детей.

Для каждой женщины мотивация стать матерью всегда обусловлена разными обстоятельствами, в которые она попадает. Эти условия, которые диктуют ей потребность стать матерью, неповторимы и сугубо индивидуальные, связанные с рождением и воспитанием ребёнка.

Ценность ребенка имеет значение. Женщина также ценит материнство, как своего ребенка. Г.Г. Филиппова выделила четыре основных типа ценности ребёнка: эмоциональная ценность – когда мать переживает только положительные эмоции, когда общается и взаимодействует со своим ребенком; повышенно-эмоциональная ценность – мать концентрирует свое внимание полностью только на ребенке; замена самостоятельной ценности ребёнка на ценности из социально-комфортной сферы – для матери ребенок становится средством, которое помогает ей добиваться других целей в жизни, статуса, ребенок становится источником блага; полное отсутствие ценности.

Материнство с точки зрения психоаналитического подхода позволяет сделать заключить следующие аспекты, связанные с прохождением стадии психосексуального развития и разрешения комплексов развития, в результате выход на формирование женской полоролевой идентичности (З. Фрейд, Р. Столлер, Т. Ф. Тайсоны); материнство как стадия развития женской идентичности (З. Фрейд, М. Бонапарт, Х. Дойч, Д. Пайнз, М. Кляйн, Д. Винникотт, Н. Чодороу и др.), (родительство) как стадия психосексуального развития (З. Фрейд, Т. Бенедект), как стадия личностного развития (Мордас Е.С., Харисова Р.Р.) С точки зрения психоаналитического подхода, в своем психическом развитии женщина, чтобы реализовать свою способность к материнству, необходимо интегрировать три необходимых элемента: удовлетворяющую связь с первичным материнским объектом; разрешение инцестуозного желания ребенка от отца; зрелое либидинозное отношения к своему сексуальному партнеру в настоящем.

Материнство является процессом трансформации, происходящем на биологическом и социальном уровне, процессом, который изменяет идентичности женщины. На него оказывает влияние отношения матери и дочери, которые были в семье, и какие они в

данный момент. Материнство реализует желание женщины воссоздать опыт детско-материнского симбиоза (Н. Чодороу) [28]. Если, будучи ребенком, у девочки были отношения надежной привязанности и чувство собственной ценности, то, став женщиной, она обретает внутреннюю репрезентацию «хорошей матери», что дает ей способность реализовать себя в материнской роли. Одним из важных аспектов материнства является взаимодействие матери и ребенка. Характеру объектных отношений матери и ребенка и его влиянию на психическое развитие личности уделяли внимание представители теории объектных отношений, которые считали, что в построении объектных отношений важна как внутренняя динамика младенца, так и реальные отношения с матерью.

Аспект развития: Выделим три уровня развития идентичности: телесный уровень, психологический уровень и социальный уровень. Наше Эго, прежде всего телесное Эго. Развитие идентичности начинается с опыта тела и телесной идентичности.

Человек рождается определенного пола - мужской или женский. Еще З. Фрейд отмечал, что анатомия – это судьба. Анатомия определяет особый путь развития мужчины и женщины. Пол формируется, когда ребенка находится внутриутробно (формируются к концу девятой недели). Пол ребенка определяет отношение к нему его родителей. Мать и отец по-разному относятся, фантазируют и переживают пол ребенка. Значимо, чтобы пол ребенка принимался, не подвергался обесцениванию.

До момента достижения этапа развития Женщина-Мать (то есть прежде чем стать матерью) девочка проживает историю, связанную с опытом тела и переживаний. Опыт тела будет включать в себя то, что в психологии рассматривается в контексте ядра половой идентичности и включает аспекты: 1. ранние идентификации с матерью – опыт совместно разделенного телесного удовольствия с матерью (Д. Пайнз). 2. Формирование образа тела. Осознание и репрезентация женских гениталий. 3. Открытие своего пола. 4. Формирование целостности и ценности собственного тела, его нарциссическое катектирование через идентификацию со зрелым телом матери. Вклад отцовской фигуры в оформление женской телесной консолидации.

Первичное чувство своего пола устанавливается в раннем детстве, однако сексуальную идентификацию девочка обретает к началу юности. В подростковый период сексуальность раскрывается и влечет девушку к первому половому акту, который подтверждает право девушки на собственное взрослое тело, отдельное от материнского. Более того телесные изменения, которые происходят в каждой переходной фазе жизненного цикла женщины, оказывают влияние на образ собственного Я и изменяют его.

Значима роль матери на первых стадиях развития ребенка. Мать физически и эмоционально общается с телом младенца, отношение матери играет существенную роль в возникновении собственного Я и образа тела у ребенка. Девочка интроецирует мать. Важен опыт телесного удовлетворения в контакте с матерью. Так, в рамках теории половой идентичности женщина проходит следующие этапы развития: 1. Позитивный опыт совместно разделенного с матерью телесного удовольствия. 2. Психологическое отделение от матери, усвоение моделей женского поведения (идентификация). 3. Поворот с материнской на отцовскую фигуру – формирование сексуально-партнерской ориентации. 4. Ожидание мужчины и рождение ребенка.

Д. Пайнз отметит, «желание быть беременной – не означает желания иметь ребенка» - данная фраза означает, что беременность для женщины может быть совсем не связана с рождением ребенка (другого человека), а порою бывает связана с определенными

психологическими конфликтами женщины, которые она разрешает посредством своего тела, будучи беременной. Каждая беременность имеет свою психологическую историю возникновения и развития, наполнена определенными фантазиями и желаниями как самой женщины, так и пары и позволяет разрешить или появляется вследствие определенных конфликтов. Поэтому, идея о том, что первая беременность позволяет разрешить конфликты матери и дочери, оказалась не доказана. Первая беременность дает женщине дальнейший этап идентификации, основанный на биологической основе.

Если обратиться к заключениям, сделанным на основе обзора и анализ трудов, опубликованных в психоаналитических журналах: *Journal of the American Psychoanalytic Association*, *Journal of Analytical Psychology*, *The Psychoanalytic Quarterly*, *The International Journal of Psychoanalysis* (1921-1988 гг.). по проблематике беременности, то феномен беременности в психоанализе представлен следующими аспектами: разрешить кастрационные переживания и приобрести «потерянный фаллос», где ребенок=фаллос; компенсация отсутствующего органа; беременность и нарциссическое расширение; беременность как возможность сепарации от матери и индивидуация; беременность как подтверждение своей фертильности и сексуальности; как кризисный период; беременность как акт инициации; беременность как возможность пережить потерю и заполнение «пустоты», избегание депрессии; беременность как избегание суицида; выбор «жизни» вместо «смерти» в случае деструктивности; беременность как репарация разрушенного материнского образа; беременность как попытка прервать психоаналитическое лечение.

Подростковая беременность – фактическое принятие женской роли. Зачастую связана с желанием и попыткой отделиться (сепарироваться) от матери, в том случае, если сепарация не случилась иным способом. Как попытка заявить на право обладание своим телом (при отношениях материнского захвата и агрессии). И занять более высокое социальное положение, связанное с материнством.

Наличие беременности предполагает наличие партнера (мужчины для женщины и наоборот). Ребенок рождается в паре. Разрешенные ранние конфликты развития позволяет женщине выстроить отношения с мужчиной и создать пару, в которой появится ребенок. Имеет значение (в истории жизни) как роль матери (идентификация с матерью), так и роль отца (принятие женственности дочери и ее пол). Беременность – период кризиса идентичности, тревог, амбивалентных чувств и регресса. У женщины реактивируются конфликты собственного младенчества. Большая роль отводится ее собственному опыту младенчества и отношениям Мать-дочь. Благополучный опыт отношений с собственной матерью дает возможность благоприятного течения беременности, неблагоприятный опыт отношений с матерью, враждебность, обиды на мать нарушают благоприятное течение беременности, вплоть до невозможности самой беременности на физическом уровне.

При травматичном проживании истории своей жизни женщина может оказаться не способной стать матерью (например, психогенное бесплодие, выкидыши, замерзшая беременность). В основе данных состояний лежит подавленная враждебность по отношению к матери, идентификация с символически мертвой матерью, непринятие своего тела и переживание его как неспособного дать жизнь; отец символически отсутствует. В данном случае собственная враждебность смещается и остается приписана еще нерождённому ребенку (или воображаемому ребенку), воображаемый ребенок либо совсем отсутствует в ментальном пространстве женщины и тогда необходимо его «создавать», дать пространство для его появления, либо переживается как преследующий другой. У женщин, страдающих психогенным бесплодием отсутствует

в их внутреннем пространстве ребенок [\[29\]](#).

Женщины обладают спецификой проявления агрессии, а именно - женщина проявляет агрессию на себя, свое тело (мазохизм) или на своего ребенка, где ребенок ее «продолжение», т.е. она рассматривает ребенка как часть себя. Мужчина же проявляет агрессию вовне (гетероагрессия) - это обусловлено особенностями развития мальчиков, им позволяют проявлять агрессию, девочкам запрещают в культуре и социуме. В результате мальчики (как в норме - от аутоагрессии к гетероагрессии развивается направленность агрессии) проявляют агрессию на других, а девочки подавляют и направляют ее на себя, либо на своих детей. В связи с чем появляются разные формы нарушенного первертного материнства в современном мире - выражение агрессии (ненависти) на детей и на свое тело. Первопричиной выступают ранние травмирующие отношения с матерью; ранний архаический период развития и отношения [\[30\]](#).

Если психогенное бесплодие - «как будто хочется, но не получается», замерзшая беременность, выкидыш - «случайно получилось, хотела, чтобы родился, но...», то аборт - это реальные действия, которые осуществляются с разрешения самой женщины над ее телом - насильственное проникновение в тело и разрушение содержимого ее тела. В данном случае, тревога преследования оказывается столь сильна, что сила этой тревоги выталкивает зародившего ребенка из утробы, что можно рассмотреть, как выкидыш, так и аборт равноценными событиями разрешения невыносимой тревоги. И в том и другом случае, мы касаемся опыта насилия над собственным телом.

Либо женщина воспроизводит историю своей жизни в области репродуктивного здоровья отношений с детьми, если таковые у нее появляются (например, девиантное материнство). Девиантное материнство - широкое понятие, включает в себя разные формы нарушенного материнства. Например, это женщины, страдающие алкоголизмом, наркоманией, проявляющие агрессию на ребенка, осуществляющие насилие в отношении ребенка (формы насилия случаются разные от физического до психологического насилия. На данный момент игнорирование потребностей ребенка относят к одной из форм насилия) женщины, страдающие делегированным синдромом Мюнхгаузена (последнее относят к психическим расстройствам матери, сложно выявить).

В настоящее время одной из актуальных форм девиантного материнства является первертное нарциссическое материнство. Как правило такие матери обладают определенными чертами характера, а именно - ярко выраженными нарциссическим. Их отношение к ребенку характеризуется пренебрежительным отношением к его потребностям, обесцениванием его существа, эксплуатацией в собственных целях, матери не соблюдает психологических границ ребенка; мать сливается с ребенком, контролируя каждый его шаг, либо бывает абсолютно равнодушна и дистанцирована. Дети не являются для такой матери самоценными, они - объекты реализации собственных желаний, возможность отыгрывания своей ненависти, зависти и мести, объект фетишистских отношений, превращенный в неодушевленный объект; отсутствие сепарации от матери, симбиотические отношения с ребёнком, отсутствие психологических границ; нарциссическая перверсия проявляется в материнстве атакой на ребенка для нарциссической выгоды матери посредством подавления, доминирования, подчинения ребенка; нарциссическое первертное материнство включает в себя такие техники подавления, как постановка неразрешимых дилемм или парадоксальная коммуникация, а также более простые, например отрицание ценности и значимости мыслей и пониманий ребенка.

Чайлдфри как феномен материнства современных реалий. Выделяются два вида

представителей чайлдфри: первые отказываются от детей из-за ненависти к ним, а вторые придерживаются взглядов бездетного образа жизни, поскольку хотят быть свободными и независимыми от детей и родительства. Представители чайлдфри, отказываясь от рождения и воспитания детей, при этом часто вступают в брак и ведут сексуальную жизнь. Социологические исследования показывают, что представители чайлдфри, как правило, показывают большую социальную эффективность, чем люди, которые рожают и воспитывают детей. Среди характеристик, присущих представителям чайлдфри, по результатам исследований, выделяют их атеистическую позицию и карьерную направленность. Среди социально психологических характеристик представителей чайлдфри по результатам исследований выделяют следующие: высокий уровень интеллекта, успешная профессиональная самореализация, высокий материальный достаток, проживание в больших городах, атеистическая направленность, низкий уровень конформизма, направленность на свободу и независимость, потребность в саморазвитии, творчестве, нежелание тратить свое время и силы на воспитание детей. У представительниц чайлдфри часто присутствует страх, что беременность и роды негативно отразятся на их внешности, а также страхи неблагополучной беременности и родов. [\[31, 32, 33\]](#)

Переменные	Есть бесплодие	Нет бесплодия
Есть материнство	Приемная мать	Биологическая мать
Нет материнства	Психологическое бесплодие	Чайлд-фри, суррогатная мать, мать-отказница, выкидыш, замершая беременность, аборт

Культуросфера. Два пространства: реальная мать и внутренняя мать. Образ матери выступает как психическое ядро, оказывающее значительное влияние на человеческую жизнь в различных культурах.

Первый человек, с кем встречается ребенок является его мать. Опыт эмоционального контакта и физической заботы дает ребенку опыт его переживаний, связанный с матерью – это может быть опыт удовольствия и безопасности или опыт боли и опасности. Важно, чтобы опыта удовольствия, радости и приятного взаимодействия было больше, чем опыта боли и негативных переживаний. Так складывается внутренний образ матери во внутренней реальности ребенка.

Представление человека о матери (внутренний образ матери) зачастую не совпадает с реальной матерью (реальная мать). Образ матери играет важную роль в психической жизни человека – создает его идентичность, восприятие и отношение к себе. Роль образа матери столь же значима, как и роль реальной матери. Внутренняя мать может быть хорошей и полезной, доступной, любящей и признающей, но может быть и опасной, злой и даже жестокой.

Сущность материнского начала символизирует жизненный опыт каждого человека. Мать обладает властью над ребенком, как дающая жизнь и питающая и мать как уничтожающая и разрушающая. Мать как жизнь, дает ощущение Я-есть. И мать как смерть – разрушающая на протяжении жизни личность человека.

В образе матери воплощается не только психологическая, но и физическая основа человеческого существования, включая представление о теле как о сосуде, вмещающем душу. Материнский образ сопровождает нас повсюду бессознательно, наполнен различными переживаниями, страхами, аффектами – любовью и ненавистью.

К.Г. Юнг ввел понятие архетип матери. Эта та часть психики, которая связана и остается полностью во власти Природы. Поэтому мы употребляем выражение Природа-Мать. Дух-Отец – противоположный полюс. Два принципа бытия – это архетипы отца и матери. Они могут существовать вместе, образуя гармоничное целое, или противостоять друг другу. Отец воплощает активное, творческое начало; мать — чувственность и заботливость.

Материнское связано с инстинктами и физическими влечениями. Соответственно с влечением к жизни и влечением к смерти. Негативное влияние (влечение к смерти) материнского начала оказывается стольким сильным, что превращается в препятствие для духовных устремлений человека. При этом, «мать» не только создает препятствия, связанные с противопоставлением духовности инстинктивных влечений, но и разрешает их, поскольку она соединяет в себе противоположности. То есть «мать» обладает непостижимой силой, которая может подавить, а может и стать источником всего нового.

Так, у материнского начала есть две стороны: одна стремится создать жизнь и сознание и использует для достижения этой цели все доступные средства, а другая стремится вернуться к бессознательному и небытию: иначе говоря, она несет гибель и разрушение. В этом заключается амбивалентность материнского образа.

Из истории. В культурно-историческом контексте прослеживается формирование и изменение социальных ожиданий относительно должного содержания материнства под влиянием местных культурных и религиозных особенностей. [34] Ожидаемые функции матери описаны и передаются на культурном уровне из поколения в поколение в виде обрядов, обычаев, поверий, норм и правил. В трудах Васягиной Н.Н. [35] и Кона И.С. отмечается, что в традиционном для России патриархальном обществе материнство рассматривается как основное предназначение и священная обязанность женщины. Религиозные убеждения традиционного православия и политические интересы во многом определяют нормы деторождения и материнства (поощрение рождаемости в законном браке; репродуктивные табу, понятия «законнорожденности» и «внебрачности» потомства; негативный контекст одиночного материнства «мать одиночка» и т.д.). Нормы домостроя ставят женщину и детей в полное подчинение главы семьи, мужчины. При этом женщина-мать становится ключевым архетипом русской религиозности (ассоциируемым с образом Богородицы), здесь женщине предписывается проявление христианских качеств: скромность, асексуальность, жертвенность, целомудрие, терпение, забота, сострадание, красота и любовь. Причем христианское видение основ материнства на Руси сохраняется как единственная идеология вплоть до конца XIX века. Вводимые нормы неоднозначно влияют на социальный статус, права и свободы женщины-матери: возносимый обществом как божественный образ женщины-матери в быту означает зависимое, почти рабское положение по отношению к своему мужу-кормильцу, и полное подчинение своих чувств и мыслей обязательствам женской и материнской роли. При этом отношение к материнству самой женщины, как правило, не принимается во внимание, любые переживания, отличные от благостного и смиренного следования своему «предназначению» и «материнскому инстинкту», подлежат общественному порицанию и рассматриваются как болезненное и угрожающее отклонение от нормы. Возможная неудовлетворенность и негативные переживания, связанные с материнством, должны подавляться женщиной ради принадлежности обществу, а зачастую, и просто выживания.

Отметим, что само понятие «материнский инстинкт» очень размыто и в значительной части является мифом; многочисленные кросс-культурные, этнографические, биологические и психологические исследования не выявляют такое понятие. Так, изучив

материнские установки женщин на протяжении VII-XX вв., французская исследовательница Э.Бадинтер отмечает, что не удалось обнаружить проявление никакого общего материнского инстинкта, отношения или поведения, или особой обязательной материнской любви. Чувства женщин в связи с материнством очень изменчивы в зависимости как от личных, так и от культурно-исторических факторов. И.С. Кон отмечает, что в нашей культурной среде материнство становится главной формой женского стереотипа. Тогда как на практике содержание материнской (и отцовской) роли и, соответственно, отношение к женщине как хорошей или плохой матери постоянно меняется под влиянием культурных, исторических реалий, и того, ценится или обесценивается материнство обществом на данном этапе.

Так, в более эмансипированном современном обществе необходимость стать матерью и содержание самого материнства все больше подчиняются свободе личного выбора женщины, и накал «детоцентризма» значительно снижается. Становится возможным пересмотр содержания материнской роли, часть функций может быть делегирована другим членам семьи, наемным помощникам или социальным учреждениям. Исследователи отмечают, что связанное с эмансипацией и сменой ценностных ориентировок отчуждение в сфере материнско-детских отношений может оказывать негативное влияние на отношения в семье и удовлетворенность материнством [36]. Тем не менее, большая общественная и материальная независимость женщины дает возможность прояснить ее истинное отношение материнству, а так же, при желании, модифицировать его, адресно работая с теми компонентами, которые не устраивают женщину или влекут за собой проблемы ее самоопределения в жизни, семье и обществе.

Женщина и культура. Женский образ в культуре представляется как амбивалентный образ, женщина обладает опасной силой, женщина как табуированный объект и связано это прежде всего с ее женским естеством (менструация, беременность и роды, что выступает табу). В работах З. Фрейда [37], К. Дали [38], Дж. Фрэзера [39] описаны многочисленные табу и предписания в отношении женщин в различные периоды ее жизни, связь женщины со сверхъестественными силами.

Дж. Фрэзер отмечает, что древние германцы верили, что женщина священна и поэтому советовались с ними как с оракулами. Женщины, наблюдая за природой предсказывали, что ожидать. Зачастую женщинам поклонялись как богиням. В Гренландии женщина во время родов и некоторое время после разрешения от бремени обладает способностью успокаивать бурю.

Материнство в работе Дж. Фрэзера представлено как желанный опыт. Его ожидают. На помощь приходят высшие силы. Женщина связана с природой. Плодовитая женщина делает растения плодородными, а бесплодная женщина – бесплодными. Дж. Фрэзер описывает обряды при бесплодии – дать потомство женщине, с целью облегчить роды, где участвуют люди (разыгрывается сюжет) и природа (деревья), симуляция родов как форму усыновления и совершение наглядной имитация акта деторождения. Обозначена ценность здорового ребенка и здоровых родов.

Следует упомянуть идею, разрабатываемую автором Литовка В.А. *о репродуктивной культуре*. Литовка В.А. отметит, что репродуктивная культура является частью общечеловеческой культуры, представляет собой сложное и многогранное явление повседневной жизни человека, которое наполняется специфическим смыслом в зависимости от контекста [40]. И выделяет триаду данной культуры: репродуктивные

нормы, ценности; убеждения, взгляды и идеи; материальная репродуктивная культура. В последнем случае возможно предложить культуру помощи (включает две стороны – страдающего и специалиста), например, при неспособности стать матерью. Данная идея вызывает интерес – женщина, проживая в определенной культуре обладает определенными репродуктивными нормами, ценностями (например, для нее значимо материнство). Руководствуется определенными убеждениями, например, женщин забеременела, и знает куда ей обратиться за помощью для сопровождения беременности. И в социальном устройстве имеются социальные учреждения, где оказывается подобного рода помощь.

Социосфера. Репродукция как социальный процесс рассматривается в социологических исследованиях. Социум контролирует и интересуется детородной функцией посредством семьи, государства, религии.

Ребенок рождается анатомически определенного пола и усваивает свою роль (мужскую или женскую) в процессе развития посредством процесса идентификации и социализации. Девочки идентифицируются с матерью и обретают полоролевую женскую идентичность. Результатом формирования которой является деторождение. Способы взаимодействия с другими членами общества и отношения к своей женской роли девочки обретают в семье, культуре, социуме.

Родив ребенка, женщина начинает примерять на себя новую для себя роль – роль матери, которая может менять свой статус, которой нужно выполнять из-за этого множество разных обязанностей. У нее меняется установка по отношению к себе. Она начинает идентифицировать себя, как женщину-мать. О том, что женщина стала ответственно относиться к роли матери можно говорить только в том случае, если она начала полностью осознавать смысл материнства, его главные задачи.

Задачи матери заключается не только в вскармливании и росте ребенка, но и в воспитательном процессе, обучении. Чтобы ребенок мог интегрироваться в то общество, в котором родился. Первый этап социализации человек проходит в семье. Семья выступает как первый социальный институт, где устанавливаются определенные социальные и культурные нормы. Те нормы и правила, которые следует инкорпорировать и следовать им. Модель отношений (и отношения с ребенком) в семье зачастую связаны с событиями, происходящими в целом в обществе и культуре.

Биологически обусловленные компоненты материнства имеют огромное влияние на содержание материнской роли, поведение и настроение матери, особенно в первые месяцы жизни ребенка. С точки зрения психофизиологии, длительная близость с матерью является ключевой для выживания и адаптации новорожденного, становления его психики и формирования поведенческих программ развития [41]. Женщина-мать здесь рассматривается как необходимый и главный источник, ответственный за качество форм взаимодействия с ребенком, в том числе за адекватное проявление материнского поведения (до рождения), родительского поведения (после рождения ребенка), а также развитие биосоциальной доминанты материнства (способности адекватно различать и реагировать на потребности ребенка). Поведение матери находится под влиянием врожденного репертуара поведения младенца, его особые черты, запахи, позы, звуки формируют определенное социальное поведение матери [42]. Исследователями выделяются особые качества матери, которые необходимы ей для успешного создания условий развития ребенка, в частности, материнское принятие, как фактор подтверждающий положительное эмоциональное отношение к малышу, и отзывчивость, выражающую степень уважения индивидуальности ребёнка. Также отмечается, что по

своему содержанию материнское участие в жизни ребенка, а значит и влияние на его психофизическое развитие, характеризуется стилем или типом материнского отношения. Филиппова Г.Г., основываясь на работах Д. Винникотта, С.Ю. Мещерякова, А.Я. Варги и др. описала пять стилей материнского отношения (адекватный стиль, тревожный, эмоционально отстраненный, амбивалентный, и аффективно отвергающий), учитывая авторский комплекс критериев, включая стиль эмоционального сопровождения, качество развития материнской компетенции, степень субъективизации ребенка, способ установления режима дня, удовлетворенность матери собой и ребенком и т.д. Отметим, что в таком подходе мать и ребенок рассматриваются всегда в неотрывной диаде; а материнство описывается лишь с точки зрения необходимых условий для рождения и развития ребенка.

Исследователи находят, что на содержание представлений о материнской роли влияют как личный опыт становления будущей матери, так и филогенетические и антропологические модели семьи и отношения к детям, а также ценности, принятые в данной культуре.

Классики семейной терапии отмечают еще один механизм — глубокое межпоколенное наследование моделей поведения и выстраивания отношений в семье, которые в свою очередь влияют на представления о материнстве.

Мюррей Боуэн описывает процесс межпоколенной трансмиссии — когда через сознательное научение от родителей и бессознательное копирование их эмоциональных реакций и поведения, формируется особенности личности детей. Таким образом, следующим поколениям передаются как уровень личной дифференциации, так и модели межличностных отношений, определяющие в дальнейшем похожую картину семейных отношений и модели родительства в следующих поколениях. Э. Г. Эйдемиллер говорит о явлении транспроекции от поколения к поколению когнитивных стилей и моделей реагирования. Его исследования показывают, что повторяющиеся искажения, приводящие к негармоничному воспитанию детей, прослеживаются как минимум в трех поколениях, причем в мотивационной сфере происходит нарастание таких искажений [43]. А.А. Шутценбергер в рамках психогенеалогической терапии отмечает трансгенерационную передачу сценариев жизни в нескольких поколениях, когда потомки, в частности, бессознательно воспроизводят модели внутрисемейных отношений и психологических травм, следуя невидимым лояльностям в отношении своих предков [44]. Б. Хеллингер говорит о межпоколенных динамиках и порядках системного сознания, которое дополняет личное сознание [45]. Следуя потребности принадлежать своей семье, сознание ребенка одобряет все, что укрепляет его связи с семьей, охраняя его принадлежность семейной системе. Дети считают привычки, убеждения и ценности семьи правильными, независимо от того хорошо или плохо с ребенком обращаются - так модели поведения, способы реагирования постепенно интернализируются и передаются из поколения в поколение на уровне системного сознания, порождая характерные для семьи динамики. Уже у взрослых потомков такой системы возможное нарушение семейных порядков активизирует сознание вины, именно поэтому им так сложно пересмотреть и изменить отношение к своей социальной роли и модели родительства, даже если текущее их состояние не приносит удовлетворения. С. Лебовиси пишет о трансгенерационной передаче и передачи «мандата» ребенку от родителей [46].

Исследования из области социологии рассматривают вопросы (научные исследования по социологической науке 1999-2020 г.г.): с точки зрения трансформации института родительства, достаточно большое количество работ по социальной политики и защите

материнства и детства, юное материнство; различные аспекты материнства (как социальный институт, материнство и неполная семья, отказ от материнства), инвестиции родителей в детей, малолетнее материнство как социальный феномен, дети и экономическая активность матерей. В основу исследований заложены те или иные социальные аспекты явления, связанного с материнством.

Литовка В.А. в своей работе обращается к проблеме теоретических основ анализа репродуктивного поведения. Автор выделяет аспекты, что включаются в понимание репродуктивного поведения: социальные факторы, оказывающие влияние на уровень фертильности (модель промежуточных переменных); определенные действия, которые связаны с целями самого человека и его реальными условиями жизни; внутренние факторы, а именно, ценности, мотивы и потребности, потребность в детях; факторы влияющие на деторождение, с позиции дискриминации женщин в области репродуктивного права - в данном случае родительство рассматривается как преимущественно женский опыт, отец оказывается исключен. Контрацептивное поведение в свою очередь понимается как ситуация отказа от рождения детей [\[47, 48, 49, 50, 51\]](#).

Репродуктивные нормы и ценности выступают регулятором поведения и имеют особенность трансформироваться в традиции. Репродуктивные нормы и ценности формируют репродуктивную культуру человека.

Автор отмечает о необходимости анализа не только структуры репродуктивного поведения и факторов, влияющих на него, но и комплексного изучения инновационных практик репродуктивного поведения.

Проблематика гендера в современном мире. Социально-культурологическая теория гендера – это социально-психологические подходы изучения половых различий и сходства в социальном поведении, ключевой принцип которого заключается в том, что различия и сходства возникают прежде всего из-за распределения мужчин и женщин по социальным ролям в обществе, к которому они принадлежат [\[52\]](#). Через социализацию и формирование гендерных ролей в обществе поведение мужчин и женщин в целом поддерживает и сохраняет разделение труда между ними. В промышленно развитых странах, например, социальные роли организованы таким образом, что женщины в отличие от мужчин, в большей степени будут вести домашнее хозяйство и заботиться о детях, выполнять профессиональные обязанности, связанные с образованием, медициной, легким трудом и пр. Напротив, мужчины чаще всего являются главными кормильцами семьи и выполняют профессиональные роли, которые часто связаны с физической силой, напористостью или лидерскими качествами.

Разделение социальных ролей между женщинами и мужчинами является гибким, но, тем не менее, оно ограничено присущими женщинам и мужчинам качествами, а также социально-экономическим развитием и экологией общества. В частности, типизированные социальные гендерные роли возникают в результате взаимодействия между половыми различиями мужчин и женщин на основе представленных физических признаков каждого пола и связанным с ними поведением. Это особенно касается функций деторождения и ухода за детьми у женщин и физическими качествами у мужчин – развитая мышечно-силовая масса верхней части тела, а также переменными социальными, экономическими, технологическими и экологическими факторами, присутствующими в обществе [\[53\]](#).

В целом можно выделить три основных теории гендера относительно социально-

культурного подхода [54]. Первая из них – теория социального конструирования гендера, или понимание гендера как социальной конструкции. Выделяют два постулата такого подхода: 1) гендер конструируется путем социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семей, средствами массовой информации; 2) гендер формируется и самими индивидами – на уровне их сознания (гендерная идентичность), принятия заданных обществом норм и подстройки под них в одежде, внешности, манере поведения и т.д.

Гендерная идентичность – это глубочайшее восприятие себя как мужчины или женщины, или того и другого, или ни того, ни другого [55]. Она может быть такой же, как и пол, назначенный при рождении, или отличаться от него.

При понимании гендера как социального конструкта выделяют следующие характеристики гендера: биологический пол; полоролевые стереотипы, которые распространены в том или ином обществе; гендерный дисплей – многообразие проявлений, связанных с общественными предписаниями норм мужских и женских действий и взаимодействия.

Понятие «гендерный дисплей» было введено И. Хоффманом для описания социальных аспектов пола и выражает множество проявлений культурных составляющих пола – женщины стереотипы, поло-ролевые нормы и поло-ролевую идентичность. Гендерный дисплей представляет собой механизм создания гендера. [56]

В соответствии с данным подходом гендер предстает как измерение социальных отношений. Индивид усваивает определенные правила поведения и установки, которые общество считает соответствующими к их гендерным ролям в процессе социализации. Ключевыми понятиями при таком подходе являются *гендерные стереотипы и роли*.

Гендерный стереотип представляет собой устойчивый, упрощенный, эмоционально окрашенный образ поведения и черт характера мужчины и/или женщины. Гендерная роль – это совокупность социальных норм, которые диктуют типы поведения, которые обычно считаются желательными, уместными или приемлемыми, исходя из их реальной или воспринимаемой сексуальности или секса. Гендерные роли обычно сосредоточены на восприятии мужественности и женственности, хотя существуют вариации и исключения. Специфика, связанная с этими взглядами на гендерные роли может в значительной степени варьироваться в разных обществах, в то время как альтернативные черты могут быть обычными во всех культурах. Существует незавершенная дискуссия о том, какие гендерные роли и их различия устанавливаются биологически, а какие социально. Различные группы, чаще всего феминистские движения, борются за изменение преобладающих в обществе принципов гендерных ролей, которые они считают искаженными и угнетающими.

В 1955 году Дж. Мани ввел термин «гендерная роль» в ходе изучения интерсексуальных лиц, описывая способы, которыми эти лица выражают свой статус как женщины и мужчины в обществе [57]. Некоторые из социальных норм гендерных ролей включают в себя требования действовать, говорить, одеваться, ухаживать за собой и вести себя в соответствии с назначенным полом. Например, от женщин и девочек ожидают, что они будут носить платье, вежливо и любезно разговаривать, заботиться о других, в то время как от мужчины и мальчики будут носить брюки, должны быть смелыми, сильными и храбрыми. Однако эти гендерные роли в каждом обществе, культуре и этнических группах могут варьироваться. Кроме того, вариативность гендерных ролей может

варьироваться от одной социальной группе к другой. В некоторых сообществах гендерные роли время от времени также могут меняться.

Представим основные составляющие гендера относительно личности: категория биологического пола (определяется с момента рождения на основе наличия первичных признаков (гениталий). биологический пол может быть изменена путем хирургического вмешательства); гендерная идентичность (личностное осмысление и принятие своей принадлежности к определенному полу); гендер брачного и репродуктивного статуса (показательным является выполнение или отказ от женитьбы, рождения детей, семейных отношений); гендерные сексуальные ориентации (социально и индивидуально принятые образцы сексуальных чувств, желаний, практики и идентификации с ними); гендерная личность (характеризуется интернационализированными моделями социально одобряемых чувств, эмоций, которые служат скреплению родовых структур, институтов отцовства); процессы с воспроизведения гендера (социальная практика обучения «правильному» гендерному поведению, в том числе и на вербальном уровне. Постоянное репродуцирование гендерных различий и доминирования); гендерная презентация (показ, демонстрация себя как личности, имеющей соответствующие гендерные качества с помощью одежды, косметики, украшений и других информационно значимых телесных маркеров).

Гендерная комплементарность и уникальность указывает на важность каждого пола, так как мужчины и женщины вносят особый вклад в общество, производство и межличностные отношения, взаимодополняя друг друга. Основные изменения, касающиеся гендера, начинают происходить с трехлетнего возраста и продолжают наблюдаться на протяжении всего периода развития ребенка и его взросления. Мужчины и женщины, имеющие надежную гендерную идентичность, как правило, ведут здоровый и счастливый образ жизни, когда признают и приветствуют свои гендерные различия. В противовес им, люди, которые путают пол, как правило, имеют больше эмоциональных, ментальных и психологических проблем, чем те, кто имеет здоровую гендерную структуру.

Гендерные роли необходимы для того, чтобы сделать гендерные различия взаимодополняющими и реальными. Кроме того, гендерные роли меняются и будут время от времени меняться по причине прогрессивности социального окружения на каждом историческом этапе развития цивилизации [\[58\]](#).

Вторая теория рассматривает *гендер как стратификационную категорию*, которая учитывает класс, расу, национальность, возраст индивида. Гендерная стратификация относится к социальному рангу, где мужчины обычно занимают более высокие статусы, чем женщины. Часто термины «гендерное неравенство» и «гендерная стратификация» используются взаимозаменяемо. Существуют различные подходы к изучению гендерной стратификации. Большинство исследований в этой области сосредоточено на различиях между широко определенными мужскими и женскими жизненными обстоятельствами. В основу данной теории гендера положены классические теории М. Вебера и П. А. Сорокина о социальном неравенстве и социальной стратификации [\[59\]](#). В основе теории гендерной стратификации лежит тот факт, что мужчины и женщины, как правило, занимают неравные позиции в социальной иерархии. Например, женщины практически не занимают высоких постов в государственных органах правления, по сравнению с мужчинами, кроме того, у них ниже уровень дохода и благосостояния.

Немаловажную роль в данном аспекте играет этническая и культурная установка на роль женщины в обществе. Общеизвестно, что во многих мусульманских странах женщины

низших классов подвергаются социальному угнетению [\[60\]](#). Кроме того, на женщину мусульманских стран возложена основная обязанность, которую она должна выполнять – продолжение рода. Также немаловажными обязанностями женщины в мусульманском обществе (без права выбора) являются воспитание детей и супружеский долг. В данном случае главенство мужчины в семье четко определено в Коране. Что касается социальной роли женщины, как профессионала, то ей позволительно работать при условии соблюдения некоторых требований: согласие супруга или родственника на трудовую деятельность женщины-мусульманки, сохранение исламских морально-этических норм, выбор трудовой деятельности в сферах, которые приемлемы для женщины – воспитание, кулинария, образование, моделирование и пошив одежды и т.п. Однако, несмотря на некоторые современные социальные послабления в отношении статуса женщины, уровень ее социальной стратификации в мусульманском обществе осуществляется строго в рамках семьи.

Третья теория рассматривает *гендер в рамках культурной метафоры*. Осмыслением гендера как культурной метафоры занимались такие исследователи, как Л. Ирригарэ, Ю. Кристева, Х. Сису и др. [\[61\]](#) Основные положения данной теории строятся на символическом, собственно культурном аспекте исследования гендера. В большинстве культур, как утверждает А. В. Ростова, мужское и женское начала являются элементами культурно-символических рядов. Так, сила, активность, рациональность и культура присущи мужскому началу, а эмоциональность, природность, пассивность и слабость – женскому. Например, в европейской патриархальной традиции символика мужского и женского выполняет классифицирующую функцию в построении модели мира. Таким образом, выраженное противопоставление мужского и женского начал разделяют модель мира на две части – мужское/женское. Следовательно, гендер в данном случае предстает как основной показательный фактор определенного социума, который формирует традиционную культуру и традиционные патриархальные знания о мире. Эти социально-культурные образы и формируют понимание фемининности и маскулинности, а понятие пола становится культурной метафорой, формируя социальную реальность.

Фемининность и маскулинность – это приобретенные социальные идентичности по мере социализации индивидов. По мере становления индивида в социуме у него развивается гендерная идентичность, как понимание того, что значит быть «мужчиной» или «женщиной» [\[62\]](#). То, как индивидуумы развивают понимание своей гендерной идентичности, включая и понятие того, вписываются ли они в эти предписанные гендерные роли, зависит от контекста, в котором они социализируются, и от того, как они рассматривают себя в отношении социальных гендерных норм. Классовые, расовые, этнические и национальные факторы в значительной степени влияют на то, как индивиды конструируют свою гендерную идентичность и как они воспринимаются извне.

Гендерная идентичность часто натурализуется, то есть индивиды опираются на понятие биологического различия – естественная женственность включает, например, материнство, заботу о детях, стремление к красивой одежде и демонстрацию эмоций. Естественная мужественность, напротив, может включать в себя отцовство, жесткое поведение, стремление к спорту и соперничеству, а также скрытие эмоций. В обоих случаях эти конструкции гендерной идентичности основаны на стереотипах, которые входят в диапазон нормативных фемининностей и маскулинностей. Однако, как указывали многие исследователи (Дж. Батлер, Р. Бейлз, С. Бем, И. С. Кон, Т. Парсонс, Р. Б. Сарсембаева, С. А. Ушакин и др.), не все индивиды вписываются в эти предписанные нормы. В связи с этим маскулинность и фемининность на сегодняшний день как культурно-социальные явления должны быть признаны организованными, лабильными,

масштабными, исторически и географически дифференцированными [\[63\]](#).

Более широкое понимание гендера и пола предлагают в своих исследованиях Д. Д. Исаев и А. В. Ростова, указывая на необходимость рассматривать гендерную идентичность с точки зрения многоаспектности и комплексности. Так, А. В. Ростова акцентирует внимание на важности рассматривания гендерных отношений с позиций системного подхода, который позволяет анализировать исследуемый объект как систему, имеющую характерные личностные элементы и функции, входящую в качестве элемента в более объемную систему [\[64\]](#). Следовательно, как пишет А. В. Ростова, системный подход, во-первых, дает возможность рассматривать гендерную идентичность как системообразующий элемент отношений внутри социального строя. Во-вторых, системный подход к анализу гендерной идентичности способствует определению особенностей взаимосвязей гендера между другими элементами социальной структуры, которые и устанавливают характер их взаимоотношений как патриархата или матриархата, или эгалитарности.

С точки зрения Д. Д. Исаева исследование гендерной идентичности необходимо рассматривать как систему, которая должна включать биологические, психологические и социальные факторы [\[65\]](#). То есть, гендерная идентичность – это многоуровневая модель, в основе которой лежат психологические и сексуально-эротические особенности, индивидуальные характеристики личности, сформированные в процессе получения эмоционально-чувственного опыта путем реализации желаний и потребностей, а также их удовлетворения, тем самым выстраивая гендерное тело – телесное «Я». На основе своих размышлений, исследователь выделяет три подсистемы конструкта гендерной идентичности: пол, как совокупность биологических свойств личности, и соответствующая ему основа гендерной идентичности; гендерное ролевое поведение и соответствующие ему полотиписические качества личности – маскулинность/фемининность; психофизические ощущения и переживания эротического и сексуального влечения личности с инкорпорированностью сексуальной ориентации.

Формирование представленного конструкта гендерной идентичности, отмечает Д. Д. Исаев, является результатом усвоения личностью существующей гендерной схемы в социуме (гендерной социализации), которая достаточно во много зависит от врожденных способностей человека. Ввиду того, что природные способности индивида развиваются с раннего детства, то и конструирование гендера осуществляется на каждом этапе взросления личности: от признания принадлежности к конкретному биологическому полу, как первичный способ самокатегоризации (от рождения до 2-х лет), и принятие или непринятие анатомического пола путем переживания и получения опыта его освоения до деконструкции себя как субъекта и объекта сексуальной принадлежности в пубертате через промежуточный период усвоения моделей гендерных взаимоотношений (с 2-3-х лет) и примерки гендерных ролей, что предусматривает гендерную социализацию в процессе освоения и воспроизведения существующих поведенческих моделей. Относительная независимость каждой из представленных подсистем дает возможность существования не только большого разнообразия гендерных идентичностей, но и рассогласования между этими компонентами. Попытка унификации нормы по каждому из критериев (пол, гендер, роли, сексуальное поведение) легло в основу существующей в медицине и обществе дискурсе концепции «гендерных расстройств» (Дж. Кох, М. Карпентер) [\[66, 67\]](#).

Телесность и гендерная идентичность имеют взаимообуславливающие связи: тело может усиливать восприятие своей идентичности, но может и быть препятствием для

восприятия возможности быть собой. В современной культуре тело воспринимается как модный аксессуар, как что-то, что можно модифицировать как вещь, вплоть до полной смены пола согласно своему самоощущению в контексте гендерной идентичности.

Человек рождается и формируется в социуме. Социум, в свою очередь, устанавливает свои нормы и правила, комплектует культурные ценности и моральные устои каждому индивиду. И, в зависимости какое социальное окружение существует вокруг личности, человек будет воспроизводить эти ценности, нормы, правила, устои.

Подростающее поколение России воспитывается на социально-культурных ценностях и нормах русских традиций. С раннего детства детям транслируют, что мальчик-юноша-мужчина должен быть мужественным, а девочка-девушка-женщина – женственной. В толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова «мужественный» – это человек, обладающий мужеством: присутствием духа в опасности, в беде, храбрый, бесстрашный, душевно стойкий, смелый, а мужчина – это «воплощение определенных свойств, качеств (суровости, твердости, честности и т.п.)» [\[68\]](#). Трактовка слова «женственность» у С. А. Кузнецова включает такие признаки и качества личности, как грация, нежность, мягкость, изящность, обаяние, очаровательность. И именно такими качествами характеризуется идеал женской красоты.

Тысячелетиями общество диктовало мужчинам и женщинам должную манеру поведения, и примеры внешнего вида. Разделяя мужчин и женщин визуально, духовно и умственно, обозначая обществу шаблон о том, что мужчины и женщины разные – многие люди получали лишь разрозненность и непонимание того, что муж может готовить, а жена зарабатывать деньги, что они могут общаться, любить друг друга и равноправно быть как моногамными, так и полигамными.

Проблематику гендера интересно было бы изучить в контексте современного состояния института семьи – материнства и отцовства.

Личность и социум: материнство и бесплодие. Проблематика материнства и бесплодия является актуальной в современном мире. Растет число женщин, не способных забеременеть естественным образом. В связи с чем отмечается демографический спад, который оценивается некоторыми авторами как социальное бедствие и ставит перед нашим обществом задачи сохранения репродуктивного здоровья и потенциала населения.

Порою женщина оказывается перед выбором – следовать личным интересам и устремлениям или посвятить свое время семье, заботе о детях и близких. Так же данный конфликт мы можем рассмотреть посредством аспекта развития женственности – французский психоаналитик Ж. Шаффер определяет женственность нашей современницы как совокупность трех полюсов: сексуального, материнского и социального [\[69\]](#). Эти полюса находятся в неизбежном конфликте, так как материнское – это ожидание и терпение, сексуальное – это пассивное и мазохистическое, а социальное – это фаллическое. Приведение в равновесие этой подвижной и неустойчивой конструкции, постоянные усилия по разрешению или хотя бы смягчению конфликта между полюсами, поиски компромисса между женским и фаллическим, интеграция в личность всех трех ипостасей – так выглядит путь гармоничного женского развития в наше время.

Женщина оказывается в ситуации конфликта (внутриличностного, материнского) и внешнего – порою сама семья не принимает личные интересы женщины. Последнее – в особенности, если в роду женщины жили (живут) только на благо семьи.

Значимым оказывается вопрос способности создавать долгосрочные отношения мужчины и женщины. Из-за страха близости (вследствие ранней травматизации) взрослый человек может иметь трудности в установлении близких доверительных отношений.

Отдельным аспектом можно выделить полная и неполная семья. Речь идет не столько о физическом присутствии или отсутствии, сколько о внутреннем отце в психике женщины, который она бессознательно передает своему ребёнку и соответственно отношение к нему. Наличие в семье отца и его активное участие позволяет ребенку своевременно сепарироваться от матери и развиваться, взрослеть. Приобщение отца с периода беременности к сопровождению ребенка в его развитии. Поскольку неразрешенные симбиотические отношения негативно влияют на развитие личности отдельного человека, формируя патологию развития, вплоть до симбиотического психоза и разных вариантов первертного материнства. В результате чего, взрослый человек оказывается неспособным выстраивать близкие отношения с партнером, либо выстраивает деструктивные межличностные отношения.

Н. Чодороу интегрировала психоаналитическую и социологическую теорию с феминизмом. Автор считает, мать призвана подготовить мальчиков и девочек к их гендерным ролям в обществе и экономике. Мать по-разному ведет себя по отношению к дочери и к сыну, и в итоге девочка готовится к миру материнства и семьи (материнство репродуцирует самое себя), а мальчик становится мужчиной, который обесценивает женщину и ориентирует себя на внешний мир. Для прекращения обесценивания (=агрессии) автор призывает отцов принять равное участие в воспитании детей.

В целом отмечается необходимость формирования репродуктивной культуры, определенного репродуктивного поведения в социуме (особенно у молодежи), стремление сохранять полную семью, ссылаясь на социально-политическую и медицинскую проблематику деторождения в современном мире [\[70\]](#).

Женщины, не способные забеременеть и родить в обществе, где материнство – ценность могут быть подвергнуты стигматизации. В таком случае, женщина ощущает себя неполноценной, одинокой, никому не нужной. Дополнительные ожидания родственников, мужа лишь усиливают ее тревогу и состояние стресса. В некоторых семья, где женщину рассматривают как организм, способный воспроизвести потомство – мужья разводятся, если она оказалась неспособной к данной функции.

Заключение. Феномен материнства может быть представлен в аспекте сфер бытия. *Биотехносфера* включает в себя репродуктивную возможность женщины стать матерью, физическое здоровье, способность выносить, родить ребенка. После рождения - его вскармливать. Женщина здесь может рассматриваться как репродуктивная машина. При «поломке» которой совершают медицинские вмешательства.

Психосфера включает в себя аспекты деятельности матери (мотивационно-деятельностная сфера и предметное взаимодействие, мотивация рождения ребенка), что широко представлено в трудах отечественных психологов. Рассматривается личность матери посредством таких феномен как удовлетворённость материнством и готовность к материнству, как стадия развития (психосексуального развития, гендерной идентичности, половой идентичности) – предполагая выход на зрелость и самореализацию в опыте материнства. Далее появились идеи, посвященные отношениям мать-дети (в период беременности и послеродовой период), предполагающие эмоциональный контакт, эмпатию, игру, удовольствие от игры и интерес к ребенку. Опыт отношений мать-дочь (онтогенез развития женщины), где звучат идеи о

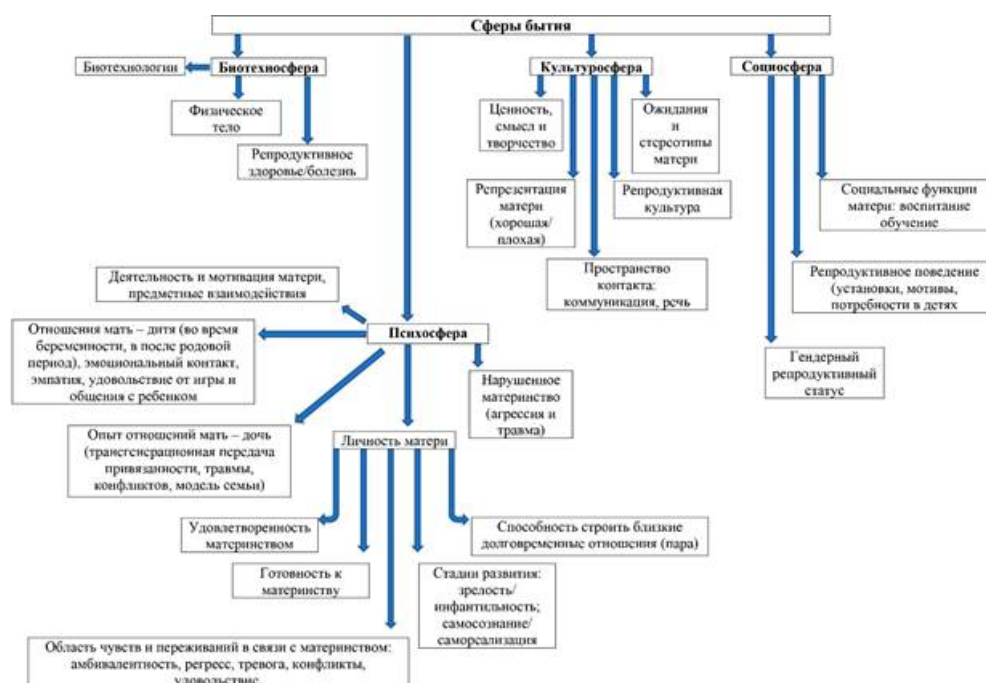
трансгенерационной передачи привязанности, конфликтов, травм и модель семьи. Уделяется внимание Области чувств женщины, связанные с опытом материнства (в том числе беременности) – амбивалентность, регресс, тревога, конфликт, радость, удовлетворенность и завершается проблематикой семейных отношений и парой. Следует отметить, что достаточно много материала получено в аспекты развития личности женщины-матери, женщины в период беременности и отношений мать-дочь, мать-дитя. Один аспект продолжает оставаться малоизученным – касательно супружеских или/и любовных отношений (пара), роль отца в формирование женской идентичности и принятие материнской женской позиции. Роль мужчины в принятии женщиной своего материнства.

Культуросфера включает в себя ценности и смыслы, материнство как творчество, репрезентация матери (хорошая/плохая, злая/добрая), ожидания и стереотипы, связанные с образом матери, вербальная и невербальная коммуникация (пространство контакта мать-дитя – речь, песни, взаимодействия) и репродуктивная культура.

Социосфера представлена как социальная роль матери (обучение, воспитание, социализация, социальные ожидания), формирование гендера (в частности гендер брачного и репродуктивного статуса), репродуктивное поведение и роль отца в развитии женственности и женской идентичности, ибо материнство и беременность – одна из стадий развития идентичности женщины.

Если связать все сферы воедино вокруг единого понятия Материнство, то Отец, его функция – оказался «утрачен». Роль мужчины в жизни женщины и наоборот (пара) и рождение ребенка – область возможных исследований. И открытым для исследований остается вопрос – родительство и гендер в современных условиях.

Ниже представлена модель сфер социально-исторического бытия феномена материнства.

[1] Данная проблематика исследуется преимущественно в медицинских исследованиях. Лишь одна работа посвящена психологическому исследованию проблематики бесплодия на данный момент. Это означает, тело женщины представлено как некий физический механизм, имеющий поломку. Поломку устраняют в результате определенных медицинских технологий.

Библиография

1. Bibring G. et al. A Study of the Psychological Processes in Pregnancy and of the Earliest Mother-Child Relationship-I. Some Propositions and Comments // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 9-24.
2. Bibring G. et al. A Study of the Psychological Processes of the earliest mother-child relationship-II. Methodological Considerations // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 25-72.
3. Deutsch H. The psychology of women in relation to the functions of reproduction // Int. J. Psycho-Anal. 1925. Vol. 6. P. 405-418.
4. Kestenberg J. Regression and reintegration in pregnancy // J. Amer. Psychoanal. Assn. 1976. Vol. 24. P. 213-250.
5. Брутман В. И. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 59-68.
6. Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 79-87.
7. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во института психотерапии, 2002. 240 с.
8. Захарова Е. И. Отношения дочери с матерью как фактор освоения ею собственного материнства // Мир психологии. М: Московский психолого-социальный университет. 2018. № 1(93). С. 134-143.
9. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной (психоаналитический подход). СПб: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К, 1997. 193 с.
10. Кон И. С. Ребенок и общество [Текст]. М.: Педагогика, 1988.
11. Захарова Е. И., Калачева Н. Ю. Условия удовлетворенности материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1226-1233.
12. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 18-27.
13. Барановская Т. И. Развитие базовых качеств матери и психическое развитие младенца в возрасте 3-4 и 7-8 месяцев (лонгитюдное исследование): дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2003. 324 с.
14. Овчарова Р. В. Психология родительства: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений [Текст]. М.: Академия, 2005. 362 с.
15. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2008. 310 с.
16. Филиппова Г. Г. Материнство: сравнительно психологический подход // Психологический журнал. 1999. Том 20. № 5. С. 81-88.
17. Филиппова Г. Г. Мотивационная основа материнского поведения: филогенетический аспект // Социокогнитивное развитие ребенка в раннем детстве. М., 1995.
18. Баз Л. А. Изменение в потребностно-мотивационной сфере женщины во время беременности / Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го съезда психологов. 25-28 июня 2003 года: Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 268-270.
19. Кашапова С. О. Психоземotionalные и личностные особенности у девушек-подростков, ожидающих ребенка // Материалы VIII Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». М. 2011. С. 18-20.
20. Захаров А. И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм. СПб., 2008. 144 с.

21. Скобло Г. В., Дубовик О. Ю. Система «мать-дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Социальная и клиническая психиатрия. 1992. № 2. С. 75-78.
22. Боровикова Н. В. Психологическая помощь беременным женщинам / Психологическая помощь и консультация. СПб, 2008. С. 188-191.
23. Брутман В. И. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 59-68.
24. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери. М.: 1998. 234 с.
25. Минюрова С. А., Тетерлева Е. А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 63-75.
26. Кашапова С. О. Психоэмоциональные и личностные особенности у девушек-подростков, ожидающих ребенка // Материалы VIII Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». М. 2011. С. 18-20.
27. Брутман В. И., Радионова М. С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 38-47.
28. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 496 с.
29. Мордас Е. С. Психогенез женского психогенного бесплодия: психоаналитический взгляд / Кейс-стади в психотерапии и психологическом консультировании. Сборник тезисов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Академия интегральной психодинамической психотерапии, 2022. С. 22-31.
30. Моц А. Психология женского насилия. Преступление против тела. М.: Когито-Центр, 2021. 590 с.
31. Белинская Д. В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 13. С. 12-19.
32. Голубова Т. Н. Анализ жизненных представлений течения childfree (чайлдфри) // Инновация в науке. 2016. № 11. С. 14-19.
33. ПолUTOва М. А., Жанбаз О. О. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. № 1 (116). С. 89-100.
34. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1989. 285 с.
35. Васягина Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст]: монография / Н.Н. Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б.и.], 2013. 364 с.
36. Пьянкова, Л. А., Хомичева, В. Е. Психологический контекст феномена материнства // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 3. С. 40-44.
37. Фрейд З. Тотем и табу / Фрейд З. Я и Оно: сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. С. 363-529.
38. Daly C.D. Der Menstruationskomplex. // Imago. 1928. Bd. 14. S. 11-75.
39. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ.-М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 781 с.
40. Литовка В. А. Традиционные и инновационные стратегии репродуктивного поведения (региональный аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Краснодар, 2015.
41. Батуев А. С. Психофизиологическая природа доминанты материнства // Психология сегодня. Ежегодник Рос. психол. Общ. Т. 2. Вып. 4. 1996. 6970 с.
42. Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 288 с.
43. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер, 1999. 651 с.
44. Шутценбергер А. А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы.

М: Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. 252 с.

45. Хеллингер Б. Порядки любви: Разрешение семейных систем, конфликтов и противоречий. Москва: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 395 с.

46. Лебовиси С. Фантазийное взаимодействие и трансгенерационная передача / Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007. С. 241-256.

47. Антология гендерной теории / Сост. Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. Минск: Пропилеи, 2001. 384 с.

48. Литовка В. А. Теоретические основы анализа репродуктивного поведения // Общество и право. 2012. no 5 (42). С. 286-290.

49. Antonov A. I. Problems of the sociological study of reproductive behavior of the family // Theory and methods of social research. M., 1974.

50. Borisov V.A. Prospects of fertility. M.: Statistics, 1976. 248 p.

51. Health and trust: a gender perspective in reproductive medicine: a collection of articles / Ed. E. Zdravomyslov, A. Temkina. SPb.: Publisher of the European University in SPb. 2009. 430 p.

52. Воронцов Д. В. Гендерная психология общения. Ростов н/Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.

53. Аратскова И. К. Влияние социума на формирование половой идентичности гендера // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 1. С. 336-339.

54. Бендас Т. В. Гендерная психология: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.

55. Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // Общество и гендер. Рязань. 1-12 июля, 2003. С. 7-40.

56. Трухманова Е.Н., Яшина К.О. Развитие гендерных исследований в зарубежной психологии // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/51509>

57. Papuchon A. Social roles of men and women. The enduring idea of a maternal vocation for women despite the decline in adherence to gender stereotypes [Электронный ресурс] // Insee. Statistics and studies: Men and women: equality under the microscope <https://www.insee.fr/en/statistiques/2660836?sommaire=2661803>

58. Jepsen B. Janet and Ron had twin boys. As an experiment, doctors convinced them to raise one as a girl [Электронный ресурс] // Mamamia.com: Real Life-Режим доступа: <https://www.mamamia.com.au/david-reimer-john-joan-case/>

59. Михайлова Н. Н. Гендерная стратификационная система в политическом аспекте социума // Вестн. ДИТИ. 2016. № 2. С. 121-129.

60. Фролова Л. Н. Статус женщины в исламе // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 148-154.

61. Ростова А. В. Категории «пол» и «гендер» как категории анализа гендерных отношений // Вестн. СамГУ. 2007. № 3 (53). С. 185-191.

62. Дубровская Е. А. Конструирование и репрезентации сексуальности мужчин и женщин // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2012. № 1 (19). С. 135-139.

63. Петренко Л. А. Концепты маскулинности и феминности как предпосылки возникновения зависимости и насилия в гендерных отношениях // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). С. 435-438.

64. Ростова А. В. Методология изучения гендерных отношений // Вестник СамГУ. 2008. № 4 (63). С. 221-226.

65. Исаев Д. Д. Системный подход к проблеме гендерной идентичности // Педиатр. 2012. Т. III. № 4. С. 37-40.

66. Carpenter M. The "Normalization" of Intersex Bodies and "Othering" of Intersex

- Identities in Australia / Morgan Carpenter // Journal of Bioethical Inquiry. 2018. Vol.15. pp. 487-495.
67. Koh J. The history of the concept of gender identity disorder // Psychiatria et Neurologia Japonica. 2012. 114 (6). pp. 673-80.
68. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
69. Шаффер Ж. Психоанализ женского [Электронный ресурс] // Журнал клинического и прикладного психоанализа НИУ ВШЭ. 2022. Том III. – № 1. С.38-65.
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
70. Мохунь И. В. Проблемы бесплодия и репродуктивная культура на современном этапе развития России // Инновационная наука. 2020. № 6. С. 145-147.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Онтологические основания материнства» является проблематика материнства в ракурсе социальной онтологии. Автор рассматривает различные аспекты материнства: биологический, психологический, культурный и социальный, обращаясь к концепту женщина-мать, материнство, бесплодие.

Методология исследования представлена системным комплексным анализом феномена материнства, в котором автор сочетает психоаналитический подход, антрополого-культурологический, социологический и гендерный.

Актуальность исследования связана с теми трансформациями, которые переживает феномен материнства в западном обществе в последние сто лет. Автор пытается выявить все «проблемные зоны», которые позволяют обнаружить различные подходы к изучению материнства.

Научная новизна представленной работы заключается в системном всеохватывающем характере анализа феномена материнства, осуществленном на философской, культурологической и психоаналитической платформе.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Особенно можно отметить присутствие в статье прямых определений всех ключевых терминов, что особенно важно при синтетическом характере исследования.

Структура и содержание. Работа достаточно большая по объему, но внутреннее членение, выделение подзаголовков частей и их подтем, облегчает чтение и восприятие статьи как целостного исследования. Кроме введения с постановкой проблемы и обзором ее исследованности, автор выделяет в статье часть под названием «Биотехносфера», в котором рассматривает различные аспекты физиологии женщины, связанные с детородными функциями, изучаемые медицинской наукой. В части «Психосфера» анализируются процессы, происходящие в женской психике и изучаемые как клинической психологией и психиатрией, так и антропологией и историей. Здесь рассматриваются различные культурные практики, влияющие на восприятие материнства и самосознание женщины как матери, факторы, влияющие на удовлетворенность материнством и готовность к материнству. В рамках «психосферы» автор рассматривает три уровня развития материнской идентичности женщины: телесный уровень, психологический уровень и социальный уровень. В третьей большой части – «Культуросфера» рассматривается образ матери в различных его аспектах, образ

матери у матери и у дочери (реальная мать и внутренняя мать), образ матери в социуме, культуре, истории. Анализируется влияние, которое образ матери оказывает на человеческую жизнь в различных культурах. Четвертая часть – «Социосфера» посвящена рассмотрению социальному аспекту репродуктивной функции, в том числе значительно влияние уделяется гендерному аспекту проблемы.

Библиография включает наименование 70 исследований как отечественных, так и зарубежных ученых.

Апелляция к оппонентам присутствует в тексте постоянно. Автор обращается к идеям западных психоаналитиков: З. Фрейда, К.Г. Юнга, Г. Бибринг, М. Кляйна, и др., отечественных психологов: Н.Н. Васягина, Г.Г. Филиппова, В.И. Брутман, А.Я. Варга, и др., гендерных исследователей: А. В. Ростова, Д. Д. Исаева, и др., социологов: П. А. Сорокина, И. Хоффманом, М. Вебер и др. Упущением автора выглядит игнорирование феминистического дискурса, для которого проблема материнства и женского самосознания, находится в приоритете. Идеи таких авторов как Юлия Кристева, Люс Иригарей, Розии Брайдотти добавили бы в исследование новые стороны.

Представленная статья написана на высоком теоретическом уровне. Она не рассчитана на массового читателя, однако исследователи, обращающиеся к анализу и осмыслению феномена материнства будут рады этому систематическому исследованию, создающему общую платформу для междисциплинарного диалога о женщине-матери.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц. Основные особенности культуры политических взаимоотношений СССР и КНР // Философия и культура. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.70861 EDN: EIVDMH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70861

Основные особенности культуры политических взаимоотношений СССР и КНР

Ван Цзехань

кандидат культурологии

преподаватель; кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ wjie8160@gmail.com

[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.5.70861

EDN:

EIVDMH

Дата направления статьи в редакцию:

27-05-2024

Аннотация: Основным предметом исследования является сравнительный анализ культур политических взаимоотношений Советского Союза (СССР) и Китайской Народной Республики (КНР) в середине двадцатого века. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как идеологизация и авторитаризм, централизация властных полномочий, контроль над обществом и феномены политических культов. В статье анализируются ключевые принципы и ценности, лежащие в основе политических систем обеих стран, а также стратегические цели и методологии, используемые для их реализации. Автор исследует, каким образом идеологические принципы, властные иерархии и нюансы политического процесса влияли на формирование гражданского сознания и поведенческих парадигм граждан. Статья также рассматривает исторические, культурные и геополитические детерминанты, определяющие сходства и различия в политических культурах СССР и КНР, и их влияние на внутреннюю и внешнюю политику этих государств. Методология исследования включает сравнительный анализ исторических источников и научных работ, посвящённых политическим культурам СССР и

КНР, с акцентом на изучение идеологических, структурных и социально-политических аспектов, формировавших их развитие. Научная новизна статьи заключается в комплексном сравнительном анализе культур политических взаимоотношений СССР и КНР, который выявляет как общие черты, так и уникальные особенности каждой из них. Впервые рассматриваются детализированные параллели и различия между двумя странами в контексте идеологизации, централизации власти и механизмов контроля над обществом. Выводы исследования показывают, что несмотря на общее коммунистическое наследие, политические культуры СССР и КНР развивались по различным траекториям, обусловленным национальными особенностями, историческими событиями и внутренними политическими процессами. Автор утверждает, что эти различия оказали значительное влияние на международные позиции и внутренние политики государств. В итоге, статья способствует более глубокому пониманию процессов формирования и эволюции политических систем коммунистических режимов, что имеет важное значение для историков и политологов, изучающих историю и политику социалистических стран.

Ключевые слова:

Политические культуры, Советский Союз, Китайская Народная Республика, Идеологизация, Авторитаризм, Централизация власти, Контроль над обществом, Политические культы, Коммунистическая идеология, Сравнительный анализ

Основные векторы развития политических культур двух стран

Актуальность подобного исследования подчеркивается в контексте современных вызовов, стоящих перед мировым сообществом в области политики и международных отношений. Анализ политических культур Советского Союза и Китайской Народной Республики представляет особый интерес для понимания исторических траекторий развития этих государств и их влияния на современный мир. При этом в последние годы наблюдается увеличивающийся интерес к данной теме со стороны исследователей. К примеру, Буренко В. И. представил исследование истоков современной российской политологии [\[6\]](#), Ефименко Н. А. анализировал восприятие российской истории через призму политической ситуации в Китае в 50-е гг. XX века [\[10\]](#), Медоваров М. В. Рассматривал политическую культуру России и зарубежных стран в исторической перспективе и на современном этапе [\[13\]](#), Соболев В. А. выделили этапы становления политической науки СССР [\[17\]](#), а Тульчинский Г. Л. Помимо истории Политической культуры России также рассматривал и её перспективы развития [\[18\]](#).

В середине двадцатого века траектории культуры политических взаимоотношений в СССР и Китае имели решающее значение для детального сравнительного анализа, поскольку они освещают операционный дух политических систем соответствующих государств, основополагающие принципы и ценности, которые они отстаивали, а также стратегические цели, методологии, используемые для реализации их всеобъемлющих целей [\[12, с. 161\]](#). Многогранные направления формирования политики, по своей сути зависящие от уникальных характеристик каждой политической системы, непосредственных потребностей общества и преобладающих проблем эпохи, охватывали целый спектр основных направлений, включая централизацию государственной власти [\[12, с. 247-271\]](#), демократизацию общественных структур [\[15, с. 75\]](#), стремление к

экономическому прогрессу, защита социального равенства [\[9, с. 5\]](#), защита прав человека и формулирование внешнеполитической позиции [\[11, с. 11-12\]](#).

Тщательное изучение векторов формирования политики способствует расшифровке амбиций и стремлений политических образований, динамических преобразований, происходящих в социальной структуре, и проявления этих сдвигов в сфере политической практики. Тщательный анализ этих траекторий принятия политических решений облегчает прогнозирование потенциальных событий и позволяет критически оценить эффективность политических решений.

Обобщая данные, почерпнутые из массива научных работ и исторических источников [\[1\]\[2\]\[3\]\[4\]\[5\]\[6\]\[7\]\[8\]\[13\]](#), становится очевидным, что возможно выделить основные векторы эволюции культуры политических взаимоотношений в СССР в 1950-е годы. Особого внимания заслуживают идеологическая ориентация, служащая краеугольным камнем советской культуры политических взаимоотношений, а также различные области, которые составляли структурное здание советского общества с точки зрения как систем ценностей, так и нормативных стандартов. Более того, примечательна централизация власти под эгидой Коммунистической партии; на партийный аппарат было возложено принятие судьбоносных решений, определявших судьбу нации и ее граждан, которые впоследствии исполнялись государственной машиной. Советская политическая культура той эпохи была однозначно основана на принципах эгалитаризма, справедливости и неустанного стремления к социальному благополучию для каждого человека в сочетании с культивированием непоколебимой преданности правительственному аппарату [\[6, с. 167-168\]](#).

В сложном ландшафте геополитики середины 20-го века приверженность Советского Союза тщательно организованной плановой экономике, подкрепленной государственно-ориентированным планированием и централизованным распределением ресурсов, была краеугольным камнем, направлявшим его экономическую траекторию, способствуя росту и направляя развитие. Эта экономическая парадигма дополнялась внешней политикой, характеризующейся активным участием в глобальных конфликтах и формированием стратегических альянсов с другими национальными государствами.

Эти ключевые элементы политической эволюции СССР глубоко повлияли на характер его политической системы, определили его взаимодействие с гражданами и международным сообществом и сформировали контуры его общественно-культуры политических взаимоотношений [\[5, с. 10\]](#).

Одновременно с этим в 1950-е годы Китай встал на энергичный путь индустриализации и экономического роста. Эта эпоха была отмечена согласованными усилиями по развитию промышленности, сельского хозяйства и экономики в целом. Китайское правительство инициировало масштабные социальные реформы, направленные на повышение уровня жизни, расширение доступа к образованию и здравоохранению, а также искоренение таких бедствий, как неграмотность и бедность. Одновременно Коммунистическая партия Китая (КПК) укрепила свою власть, создав более стабильный политический климат внутри страны. В сфере иностранных дел Китай играл активную роль, налаживая дипломатические связи со множеством стран и участвуя в международных организациях, как отмечает Перевезенцев [\[16, с. 448\]](#).

Хотя траектории развития Китая и Советского Союза в этот период имели поразительные параллели, особенно в их акценте на национальную безопасность — первостепенную

проблему в эпоху холодной войны, когда обе страны уделяли значительное внимание укреплению своего оборонного потенциала и подавлению внутренних разногласий — интеграция этих основных векторов политической и культурной эволюции оказала глубокое влияние на формирование мировоззрений их граждан, тем самым определяя характер их политических систем и структуру их обществ.

Основные агенты формирования политики как в Китае, так и в Советском Союзе в 1950-е годы отражали общее стремление модернизировать свои страны, укрепить свой статус на мировой арене и повысить благосостояние своего населения, отражая коллективное стремление к прогрессу и процветанию [\[13, с. 25\]](#).

Политические культуры Советского Союза и Китайской Народной Республики, как символические бастионы коммунистической идеологии, демонстрируют сложное взаимодействие как совпадений, так и расхождений в своих основных атрибутах. Тщательное изучение общих характеристик этих политических культур проливает свет на глубокое влияние идеологических принципов, властных иерархий и нюансов политического процесса на формирование гражданского сознания и поведенческих парадигм их граждан. Этот дискурс пытается сопоставить основные элементы советской и китайской культуры политических взаимоотношений выявив их сходство и своеобразие, а также исследуя детерминанты, которые определяют их сходства и различия.

Последующие грани советской и китайской культуры политических взаимоотношений можно рассматривать как общие атрибуты:

- Идеологизация и авторитаризм: отметим, что для обеих стран характерны авторитарные режимы, в которых политическая власть монополизирована одной партией (Коммунистическая партия Советского Союза в СССР и Коммунистическая партия Китая) и олицетворяется центральной фигурой (Генеральный секретарь или Президент государства).
- Централизация властных полномочий, система: и в СССР, и в Китае действует централизованная структура управления, в которой принятие решений осуществляется на вершине политической иерархии, отводя местным административным органам подчиненную роль.
- Идеология: основана на том, что коммунистическое кредо, пропагандирующее превосходство социализма над капитализмом, является краеугольным камнем обеих стран, а его ключевыми компонентами являются классовая борьба, построение коммунистического общества и непоколебимая преданность партии.
- Контроль над обществом: четко прослеживается как в СССР, так и в Китае государство осуществляет строгий контроль над общественной динамикой, применяя цензуру, посягая на свободу выражения мнений и собраний, а также наблюдая за диссидентскими действиями.
- Политические культы, которые обусловлены феноменом лидеро-центричных культов личности (таких как Сталин в СССР и Мао Цзэдун в Китае) и систематическая идеологическая обработка населения распространены в обеих странах [\[8, с. 259-264\]](#) [\[14\]](#).

Хотя политические культуры СССР и Китая переплетены общим коммунистическим происхождением, они также сформированы их соответствующими историческими нарративами, культурным этосом и отличительными национальными обстоятельствами, в результате чего образуется богатое полотно политических традиций, которое является

одновременно единым и отчетливо детализированным.

Сравнение различий между политическими культурами СССР и КНР

Политические культуры Советского Союза и Китайской Народной Республики, как двух выдающихся коммунистических гигантов 20-го века, требуют тщательного сравнительного анализа, вникающего в тонкости их политических систем, идеологических принципов и общественных ценностей.

Сравнительные оценки советской и китайской политических культур можно провести по нескольким основным измерениям:

- Идеология, отметим, что политическая доктрина СССР была основана на коммунистической идеологии, основанной на марксизме-ленинизме, которая подчеркивала необходимость классовой борьбы и стремления к установлению социалистического порядка. И наоборот, коммунистическая идеология Китая была наполнена характерными националистическими элементами, воплощенными в таких концепциях, как «социализм с китайской спецификой» и «три представителя».
- Политическая система, обусловлена тем, что управление Советским Союзом характеризовалось однопартийной автократией, возглавляемой Коммунистической партией Советского Союза, тогда как Китаем управляла Коммунистическая партия Китая. Модель управления Советского Союза была заметно централизованной, в отличие от относительно децентрализованного подхода Китая.
- Экономическая политика, в СССР был непоколебим в своей приверженности централизованному экономическому планированию, в то время как Китай вступил на траекторию экономических реформ, которые способствовали рыночным отношениям и инициативам по приватизации.
- Международные отношения — СССР стал авангардом глобального коммунизма, заняв активную позицию на международной арене.
- Политическая культура, СССР был синонимом почитания отдельных лидеров и строгих протоколов цензуры, в то время как в Китае также существовал цензурный аппарат, хотя и со сравнительно меньшей жесткостью в определенных отношениях.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на всеобъемлющее сходство в своих политических системах и идеологических основах, и Китай, и СССР обладали отличительными чертами и различиями в своих политических культурах, неизгладимо сформированными исторической, культурной и геополитической средой, уникальной для каждой нации.

Библиография

1. Алексеева Т. А., Бурлацкий Ф.М., Воробьев Д.М. и др. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 141–156.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению культуры политических взаимоотношений // Полития. 2010. № 2. С. 131–132.
3. Астафьева О. А. Ориентиры культурной политики на рубеже веков // Россия XXI в.: Политика. Экономика. Культура / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Аналитик, 2012. С. 287.
4. Баранов Н. А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды

- Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. № 470.
5. Баталов Э. Политическая культура России через призму civic culture. Pro et Contra. Т. 7. 2002. С. 10.
6. Буренко В. И. О началах и истоках современной российской политологии // PolitBook, 2019. № 3. С. 164–179.
7. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3.
8. Галкин А. А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития, 2010. № 3–4. С. 257–269.
9. Гуанчин С. Подъем сетевой политики Китая и изменения политические культуры // Социальные науки. 2012. № 1.
10. Ефименко, Н. А. Российская история в зеркале политической ситуации в Китае в 50-х гг. XX века (на материале школьных учебников по истории) / Н. А. Ефименко // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 151–164.
11. Ильин М. В. Отечественная политология: осмысление традиции // Политическая наука. 2001. № 1. С. 5–21.
12. Капица М. С. Советско-китайские отношения. М.: Изд-во политической литературы, 1958. 424 с.
13. Медоваров М. В. Политическая культура России и зарубежных стран: история и современность. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 32 с.
14. Мин Ц. Китайская политическая культура: социальные и психологические факторы, мешающие развитию демократии. Юньнаньское Народное Издательство, 1989.
15. Мэн Ч. Политическая наука и реформа политической системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 72–77.
16. Перевезенцев С. В. Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с.
17. Соболев В. А. Бурлацкий Ф.М. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.
18. Тульчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб.: Алетея, 2018. 294 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Основные особенности культуры политических взаимоотношений СССР и КНР», в которой проведено исследование взаимовлияния политических курсов двух крупных держав. Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что траектории культуры политических взаимоотношений в СССР и Китае в середине двадцатого века имеют решающее значение для детального сравнительного анализа, поскольку они освещают операционный дух политических систем соответствующих государств, основополагающие принципы и ценности, которые они отстаивали, а также стратегические цели, методологии, используемые для реализации их всеобъемлющих целей. Многогранные направления формирования политики, по своей сути зависящие от уникальных характеристик каждой политической системы, непосредственных потребностей общества и преобладающих проблем эпохи, охватывали целый спектр основных направлений, включая централизацию государственной власти, демократизацию общественных структур, стремление к экономическому прогрессу, защита социального равенства,

защита прав человека и формулирование внешнеполитической позиции.

Актуальность данного исследования обусловлена современными вызовами, стоящими перед мировым сообществом в области политики и международных отношений, так как анализ политических культур Советского Союза и Китайской Народной Республики представляет особый интерес для понимания исторических траекторий развития этих государств и их влияния на современный мир.

Цель исследования заключается в исследовании особенностей политических систем двух крупнейших держав середины XX века, их сходств, различий и точек соприкосновения.

В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративный анализ, анализ научных трудов и исторических источников. Теоретическим обоснованием послужили труды таких исследователей как М. Вебер, М.С. Капица, Г.Л. Тульчинский, А.А. Галкин Ч. Мэн и др.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор делает заключение о возрастающем интересе к изучаемой проблеме, которая в современном отечественном и китайском научном дискурсе получила разнонаправленное освещение. Однако из текста статьи затруднительно делать заключение о научной новизне непосредственно данного исследования. Практическая значимость исследования заключается в том, что изучение векторов формирования политики может способствовать расшифровке амбиций и стремлений политических образований, динамических преобразований, происходящих в социальной структуре, и проявления этих сдвигов в сфере политической практики и в свою очередь упростить прогнозирование потенциальных событий и позволяет критически оценить эффективность политических решений.

Автором отмечены общие атрибуты советской и китайской политической культуры: идеологизация и авторитаризм, централизация властных полномочий, идеология, контроль над обществом, лидеро-центричные политические культы.

В результате сравнительного анализа автор выделяет следующие различия в двух сходных политических системах, обусловленные, по мнению автора, историческими нарративами, культурным этосом и отличительными национальными обстоятельствами: идеология, политическая система, экономическая политика, международные отношения, политическая культура.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение взаимовлияния различных политических культур представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составляет 18 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Представляется, что автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Шумов М.В. Творческие союзы Дмитрия Астрахана // Философия и культура. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.70726 EDN: EMUOQR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70726

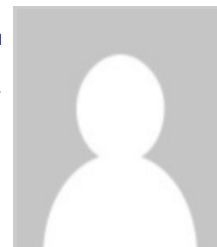
Творческие союзы Дмитрия Астрахана

Шумов Максим Владимирович

доцент, кафедра режиссуры и хореографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644043, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Красный Путь, 36

✉ mvshumov@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.5.70726

EDN:

EMUOQR

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2024

Аннотация: В современной концепции лидерства успеха одного человека недостаточно. Гораздо эффективнее выстраивать долгосрочные взаимоотношения между партнерами и двигаться от проекта к проекту. В творческом тандеме складывается очень близкая коммуникация и синхронизация действий, благодаря которой участники вдвоём создают уникальную ценность. Дмитрий Астрахан – режиссер, который безмерно «чувствует время». Его фильмы 1990-х годов – кинодокументы своей эпохи, которые находят отражение в работах современных режиссеров. Все это подчеркивает и несомненно подтверждает актуальность данного исследования. Исходя из этого автор ставит перед собой цель – выявить особенности творческих союзов Дмитрия Астрахана. Поставленная цель решается следующими задачами: 1) проанализировать творческую команду режиссера Дмитрия Астрахана; 2) выявить участников творческого коллектива, с которыми режиссер работал больше, чем с другими; 3) обосновать роль творческого тандема в кинорежиссерском творчестве Дмитрия Астрахана. В качестве объекта исследования представляется творческий тандем, а предметом исследования являются основные творческие тандемы в режиссерском кинотворчестве Дмитрия Астрахана. В качестве ключевых методов текущего исследования были выбраны культурно-исторический и искусствоведческий методы исследования. Теоретической и

методологической базой при написании данной работы послужили труды отечественных исследователей З. Лисса, А.О. Козырева, М.А. Новоселовой, С.В. Лавровой, Ли Цзянь и Н.В. Медведевой. Нельзя не отметить предыдущие публикации автора по теме исследования, послужившие материалом для работы. Также в арсенале источников использовались статьи публицистического характера для отражения мнений кинокритиков и кинозрителей по вопросам исследования. Научная новизна работы заключается в актуализации роли творческого тандема в отношении творчества отечественных режиссёров кино и обосновании четкого аналитического подхода к выявлению участников основного творческого коллектива кинорежиссера Дмитрия Астрахана. В результате исследования было выявлено, что больше всего Дмитрий Астрахан за весь творческий период (1991-2020) сотрудничал со сценаристом Олегом Даниловым – 24 совместных фильма и композитором Александром Пантыкиным – 11 совместных фильмов. Это послужило формированием общих стилевых черт и взаимосвязей, позволяющих создавать фильмы с уникальным авторским почерком.

Ключевые слова:

творческий тандем, творческий союз, творческий коллектив, творческий процесс, режиссерский почерк, авторский стиль, муза, Дмитрий Астрахан, Олег Данилов, Александр Пантыкин

Объект исследования. Творческий союз как способ организации кинопроцесса

Возникшая в греческой мифологии муза – богиня, иногда называемая нимфой, исторически вдохновляла деятелей науки, культуры и искусства. Несмотря на откровенно сексистский подтекст, идея музы как прекрасной нимфоподобной женщины, которая является источником художественного вдохновения, сохранялась на протяжении веков. А концепция «творческого человека, вдохновленного прекрасной женщиной» была распространена в литературе, кино, и других областях искусства. Вместе с этим, нельзя отрицать, что роль современной музы значительно изменилась по сравнению с античными временами. Сегодня музами режиссеров являются актеры, композиторы, драматурги, и любые другие кинодеятели, которые вдохновляют автора-художника на создание нечто большего, чем просто очередного произведения искусства.

В своей работе «Эстетика киномузыки» Зофья Лисса полагает, что с появлением звука в кинематографе он приобретает черты новых форм. Синтетическое искусство, каковым является звуковое кино, – это искусство особого рода: «За исключением авторов, которые, как Эйслер, желают видеть в кино только сплав драмы, психологического романа, репортажа, оперетты, симфонического концерта и реву, или, как польский эстетик Ингарден, считают звуковое кино искусством, занимающим промежуточное положение между искусствами, большинство кинотеоретиков рассматривают кино как новый самостоятельный вид, представляющий синтез многих искусств» ^[1]. Вместе с этим А. О. Козырев считает, что «игнорировать проблему творческого взаимодействия и тандема в создании этого единого синтетического художественного произведения невозможно» ^[2].

Вопрос творческого взаимодействия режиссера и других членов творческой команды при определенных обстоятельствах приведет к созданию гармоничного синтетического произведения, где все его функции распределены в соответствии с художественной концепцией произведения и грамотно работают друг с другом. Истории творческих

тандемов отражают сложные траектории создания и развития синтетического жанра кино. «Синтез различных видов искусств возможен на том основании, что все искусства – каждое с другой стороны, другим способом и другими средствами – изображают человека и его отношение к миру, к своему окружению, к действительности» [\[1\]](#).

Нельзя не согласиться с мнением С.В. Лавровой, которая отмечает: «Многие режиссеры предпочитают сотрудничать с одними и теми же участниками творческого коллектива, кому они доверяют, кого они понимают с полуслова. Такая привязанность рождает известные творческие тандемы и характерный художественный стиль» [\[3\]](#).

Продолжая суждение С. В. Лавровой о известных творческих тандемах обозначим те союзы отечественного кинематографа, которые, по нашему мнению, отражают поставленную в работе проблему и, которые уже были отражены автором данного исследования, в других его трудах. В фигурных скобках укажем количество совместных работ режиссера и его сотворца:

- 1) Творческий союз режиссера Леонида Гайдая с композитором Александром Зацепиным {11} [\[4, с. 44\]](#), а также с актером Георгием Вициным {11} [\[5, с. 51\]](#);
- 2) Творческий союз режиссера Никиты Михалкова с композитором Эдуардом Артемьевым {21}, продюсером Леонидом Верещагиным {11}, оператором Павлом Лебешевым {9} и художником-постановщиком Александром Адабашьяном {8} [\[6\]](#);
- 3) Творческий союз режиссера Эльдара Рязанова с композитором Андреем Петровым {14}, драматургом Эмилем Брагинским {10}, художником-постановщиком Александром Борисовым {12} и оператором Владимиром Нахабцевым {8} [\[7\]](#);
- 4) Творческий союз режиссера Георгия Данелия с композитором Гией Канчели {8} [\[8\]](#) и актером Евгением Леонов {10} [\[9\]](#);
- 5) Творческий союз режиссера Марка Захарова и актера Олега Янковского {6}.

Из этого списка видно, что в творческие тандемы объединяются любые представители профессии. «Действительно хорошей киноработой становится такой творческий союз, где авторы легко друг друга понимают. Степень свободы и работа в рамках «экранного времени», согласие в идеях и интерпретациях действий героев – это необходимые условия для создателей кинопродукции» [\[10\]](#).

Краткий обзорный экскурс в кинорежиссерское творчество Дмитрия Астрахана

Анастасия Лисицына в своей статье называет Астрахана - «человек-жанр». Он выглядит как один из многих летописцев бед русской жизни переходного периода, но на самом деле является среди них белой вороной. Берет абсолютно клишированный конфликт, свойственный тому или иному современному историческому периоду, будь то столкновение блестящей заграницы с российской грязью в начале 1990-х или богатства с бедностью в середине лихого десятилетия, и превращает его в фотографию эпохи, показывая ее преувеличенной, с выпяченными, словно стеклом лупы, чертами. Многие критики сходятся во мнении, что основное достижение фильмов Астрахана — это чувство времени [\[11\]](#).

Дмитрий Хананович Астрахан пришел в кино из театральной режиссуры: «О кино я только мечтал. Прежде чем начать снимать свой первый фильм, я прошел серьезный путь

в театре» - вспоминает Дмитрий. По его словам, к тому, что заняться кинорежиссурой его надоумил Алексей Герман [\[12\]](#).

В 1990 году Дмитрий Астрахан пишет сценарий к своей первой короткометражке «Изыди!», которая в последствии выходит в полнометражном формате и становится победителем «Кинотавра». Картина основывается на исторических фактах репрессий над евреями в начале века, поэтому Астрахан решает попросить деньги на ее создание у Еврейского культурного центра. Это был первый случай, когда кино снималось на деньги спонсоров. Фильм даже выдвинули от России на киноприемную «Оскар», но в итоге картина в число номинантов не вошла. Следующим фильмом стал «Из ада в ад», схожей с предыдущим фильмом тематикой о притеснениях евреев. Исполнительница главной роли Алла Клюка получила несколько главных призов за этот фильм.

В 1993 году выходит один из главных хитов Дмитрия Астрахана «Ты у меня одна», завоевавший огромное количество премий и специальных наград. Несмотря на простоту и мелодраматизм сюжета, фильм получился глубоким и проникновенным. Его секрет режиссер видит в следующем: «Думаю, что хорошее кино – это всегда именно об этих неустаревающих ценностях: любви и предательстве, подлости и подвиге» [\[13\]](#).

В 1995 году Астрахан выпускает «Все будет хорошо». И снова успех. В период безвременья и кризиса в общественно-политической жизни и в кинематографе, когда все ждали кардинальных перемен в будущем, он дарил надежду на благополучный исход.

Далее Дмитрий Хананович берется за многосерийный фильм «Зал ожидания» 1998 года. Легендарному Вячеславу Тихонову досталась роль директора детского дома. «Вы знаете, я от многих работ сейчас отказываюсь, но я прочел ваш сценарий, и, конечно, согласен. Я вижу, что моя роль очень интересна — там есть, что играть», — сказал актер Дмитрию Астрахану, когда режиссер приехал обсуждать прочитанный сценарий [\[14\]](#).

Лента «Перекресток» того же года тоже стала одной из любимых у зрителей, к тому же там впервые прозвучала композиция Андрея Макаревича с таким же названием, а «Подари мне лунный свет» 2001 года стала последней актерской работой Николая Еременко-младшего.

2000-е и 2010-е года получили вереницу проектов Дмитрия Астрахана. Это и фильмы, и сериалы, и отдельные серии в многосерийных произведениях. За это время в общей сложности выходит 18 фильмов. Однако, былой славы они не имеют. Сам Астрахан по этому поводу делится комментариями о популярности его фильмов 1990-х годов: «Да, в 90-е годы рушились людские судьбы, но вектор-то существовал, и жизнь играла новыми красками...». При этом Анастасия Лисицына в «Газета.ру» высказывается о специфике киноязыка Астрахана следующим образом: «Яркие, пахучие 90-е преувеличивать было легко, мутноватые и неясные 2010-е — уже не очень» [\[11\]](#).

Наиболее заметной картиной 2010-х годов являются «Деточки» 2012 года. Речь идет о воспитанниках детского дома, которые решили сами разобраться с чиновниками, погрязшими в коррупции и разврате.

В 2011 году Дмитрий Хананович обратился к актерской работе и снялся в фильме «Высоцкий. Спасибо, что живой», за что получил премию «Ника» в номинации «Открытие года» [\[15\]](#). Далее последовали актерские роли в фильмах Александра Митты и Станислава Говорухина.

При этом Астрахан все время утверждает: «Я кино снимать не умею. Я театральный режиссер. У меня большой творческий коллектив – все они делают свою работу». В различных интервью Дмитрий рассказывает, что работает с избранными: «Я старался всегда брать лучших из тех, кого я знаю и кого я могу пригласить».

Предмет исследования. Основной творческий коллектив Дмитрия Астрахана

Несмотря на то, что творческим коллективом можно считать любой коллектив, деятельность которого направлена на создание новых идей, продукта услуга в области искусства, сложилась давняя традиция определять музыкальные, хореографические, театральные коллективы как «творческие коллективы» [\[16\]](#).

Вместе с этим заметим, В.И. Смирновым в классификации коллективов выделен «художественно-творческий коллектив» как коллектив, объединенный совместной деятельностью в области искусства и его можно признать по сущности синонимом «творческого коллектива» в области искусства [\[17\]](#).

В кинематографической среде к основному творческому коллективу принято относить режиссера-постановщика, оператора-постановщика, художника-постановщика, композитора, сценариста и продюсера. При этом, несомненно, грамотно подобранный творческий союз участников коллектива – всегда залог успеха кинофильма.

Всего в кинорежиссерском творчестве Дмитрия Астрахана насчитывается 29 фильмов и сериалов. Проанализируем каждый из них на предмет основного творческого коллектива и в заключении сделаем вывод о предпочтениях режиссера относительно участников этого коллектива и о том влиянии, которое эти участники оказывают на творчество режиссера.

Условимся, что в фигурных скобках (например, {1}) мы будем указывать число, соответствующее порядковому номеру упоминания участника основного творческого коллектива в творчестве исследуемого режиссера, чтобы проследить этапы работы режиссера с этим участником команды.

1) Изыди!.. (1991)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; сценаристы: Дмитрий Астрахан {1}, Олег Данилов {1}; оператор-постановщик: Юрий Воронцов {1}; композитор: Александр Пантыкин {1}; художники-постановщики: Сергей Коковкин {1}, Мария Петрова {1}.

2) Ты у меня одна (1993)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Галина Алексеева, Аркадий Тульчин; сценаристы: Дмитрий Астрахан {2}, Олег Данилов {2}; оператор-постановщик: Юрий Воронцов {2}; композитор: Александр Пантыкин {2}; художник-постановщик: Мария Петрова {2}.

3) Четвертая планета (1995)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Владимир Храпунов {1}, Дмитрий Астрахан {1}; Евгений Чистов; сценаристы: Дмитрий Астрахан {3}, Олег Данилов {3}; оператор-постановщик: Юрий Воронцов {3}; композитор: Александр Пантыкин {3}; художники-постановщики: Мария Петрова {3}, Сергей Коковкин {2}.

4) Всё будет хорошо (1995)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Игорь Каленов, Андрей Разумовский, Юрий Романенко; сценарист: Олег Данилов {4}; оператор-постановщик: Юрий Воронцов {4}; композитор: Александр Пантыкин {4}; художник-постановщик: Сергей Коковкин {3}.

5) Из ада в ад (1996)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсер: Артур Браунер {1}; сценаристы: Олег Данилов {5}, Артур Браунер {1}; оператор-постановщик: Юрий Воронцов {5}; композитор: Александр Пантыкин {5}; художник-постановщик: Алим Матвейчук.

6) Зал ожидания (1998)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Константин Эрнст, Василий Карловский, Анатолий Максимов, Вера Малышева; сценарист: Олег Данилов {6}; оператор-постановщик: Юрий Райский; композитор: Александр Пантыкин {6}; художник-постановщик: Владимир Дементьев.

7) Перекресток (1998)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Михаил Москалев, Леонид Ярмольник, Андрей Гранкин; сценарист: Олег Данилов {7}; оператор-постановщик: Александр Рудь {1}; композиторы: Алексей Григорьев {1}, Андрей Макаревич; художники-постановщики: Игорь Щелоков {1}, Олег Молчанов.

8) Контракт со смертью (1998)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Александр Ким, Дмитрий Урсуляк, Татьяна Воронович; сценарист: Олег Данилов {8}; оператор-постановщик: Юрий Воронцов {6}; композитор: Алексей Григорьев {2}; художник-постановщик: Леонид Прудников.

9) Апокалипсис 99 (2000)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсер: Артур Браунер {2}; сценаристы: Матиас Клашка {1}, Карстен Ласке {1}; оператор-постановщик: А.Ф. Руд {1}; композитор: Алексей Григорьев {3}.

10) Леди Казахстан (2000)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсер: Артур Браунер {3}; сценарист: Артур Браунер {2}; оператор-постановщик: А.Ф. Руд {2}; композитор: Пауль Вуте {1}.

11) Алхимики (2000)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Владимир Храпунов {2}, Александр Васильков {1}; сценаристы: Олег Данилов {9}, Дмитрий Астрахан {4}; оператор-постановщик: Андрей Чертов; композитор: Алексей Григорьев {4}; художник-постановщик: Игорь Щелоков {2}.

12) Подари мне лунный свет (2001)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Михаил Молотов, Игорь Толстунов, Михаил Зильберман; сценарист: Олег Данилов {10}; оператор-постановщик: Александр Рудь {2}; композитор: Дмитрий Атовмян; художник-постановщик: Мария Петрова {4}.

13) Желтый карлик (2001)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; сценарист: Олег Данилов {11}; продюсеры: Владимир Храпунов {3}, Александр Васильков {2}; оператор-постановщик: Ежи Гощик {1}; композитор: Алексей Григорьев {5}; художник-постановщик: Игорь Щелоков {3}.

14) Дьявол, называющий себя богом (2002)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсер: Артур Браунер {4}; сценаристы: Матиас Клашка {2}, Карстен Ласке {2}; композиторы: Пауль Вуте {2}, Дж. Паула; художник-постановщик: Владимир Денисов.

15) Леди на день (2002)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Валерий Тодоровский {1}, Илья Неретин {1}; сценарист: Олег Данилов {12}; оператор-постановщик: Ежи Гощик {2}; художник-постановщик: Юрий Зеленев {1}.

16) Тартарен из Тараскона (2003)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Валерий Тодоровский {2}, Илья Неретин {2}, Максим Коропцов; сценарист: Олег Данилов {13}, оператор-постановщик: Ежи Гощик {3}; композитор: Александр Пантыкин {7}; художник-постановщик: Юрий Зеленев {2}.

17) Темная ночь (2004)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Александр Васильков {3}, Дмитрий Астрахан {2}, Евгений Зобов {1}, Максим Федосеев, Юрий Костов; сценарист: Олег Данилов {14}; оператор-постановщик: Ольга Ливинская; композиторы: Александр Пантыкин {8}, Никита Богословский; художник-постановщик: Юрий Зеленев {3}.

18) Фабрика грез (2004)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {3}, Аркадий Цимблер {1}; сценарист: Олег Данилов {15}; оператор-постановщик: Елена Иванова {1}; композитор: Александр Пантыкин {9}; художник-постановщик: Юлия Тютнева {1}.

19) Воскресенье в женской бане (2005)

Режиссеры: Дмитрий Астрахан, Александр Карпиловский, Ольга Ланд, Сергей Талыбов, Владимир Рубанов, Андрей Горбатый; продюсеры: Дмитрий Астрахан {4}, Александр Васильков {4}, Аркадий Цимблер {2}; сценаристы: Олег Данилов {16}, Марина Романова {1}, Ирина Бурденкова, Юрий Эпштейн, Наталья Аверина, Надежда Федотова, Светлана Кочеткова, Светлана Демидова, Юлия Изранова, Елена Исаева, Елена Шустрова; операторы: Елена Иванова {2}, Игорь Якимов, Андрей Герасимчик; композиторы: Александр Пантыкин {10}, Алексей Шелыгин {1}; художники-постановщики: Юлия Тютнева {2}, Илья Маланов.

20) Всё по-честному (2007)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {5}, Александр Васильков {5}; сценарист: Олег Данилов {17}; оператор-постановщик: Владимир Спорышков {1}; композитор: Евгений Олейник; художник-постановщик: Юлия Тютнева {3}.

21) Дело было в Гавриловке (2007)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {6}, Александр Васильков {6}, Павел Бабин, Михаил Чурбанов, Елена Флягина; сценарист: Сергей Сейранян; операторы: Геннадий Трубников, Вячеслав Петухов; композитор: Александр Пантыкин {11}; художник-постановщик: Валерий Можаяев.

22) На свете живут добрые и хорошие люди (2008)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {7}, Александр Васильков {7}; сценарист: Олег Данилов {18}; операторы-постановщики: Владимир Спорышков {2}, Алексей Убейволк; композитор: Измаил Капланов; художник-постановщик: Игорь Щелоков {4}.

23) Ночной таверны огонёк (2011)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {8}, Александр Васильков {8}; сценарист: Олег Данилов {19}; оператор-постановщик: Максим Жуков; композитор: Алексей Шелыгин {2}; художник-постановщик: Юрий Зеленев {4}.

24) Золотая страна (2011)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсер: Евгений Зобов {2}; сценаристы: Олег Данилов {20}, Марина Романова {2}; оператор-постановщик: Даниил Хайтин; композитор: Алексей Шелыгин {3}; художник-постановщик: Юрий Зеленев {5}.

25) Деточки (2012)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {9}, Александр Васильков {9}, Диана Гнездилова; сценарист: Олег Данилов {21}; оператор-постановщик: Сергей Юдаев {1}; композитор: Глеб Белкин {1}; художник-постановщик: Юрий Зеленев {6}.

26) Любовь без правил (2016)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {10}, Александр Васильков {10}, Виктория Шамликашвили, Юлиан Орлов, Андрей Рост; сценарист: Олег Данилов {22}; оператор-постановщик: Сергей Юдаев {2}; композитор: Глеб Белкин {2}; художник-постановщик: Александр Каменец {1}.

27) Игра (2018)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {11}, Александр Васильков {11}, Полина Арустамова; сценарист: Олег Данилов {23}; оператор-постановщик: Андрей Майка; композитор: Глеб Белкин {3}; художник-постановщик: Александр Каменец {2}.

28) Жизнь после жизни (2019)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {12}, Владимир Карачевский {1}, Игорь Поршневу; сценарист: Олег Данилов {24}; оператор-постановщик: Сергей Дышук; композитор: Глеб Белкин {4}; художник-постановщик: Александр Каменец {3}.

29) Судьба диверсанта (2020)

Режиссер-постановщик: Дмитрий Астрахан; продюсеры: Дмитрий Астрахан {13}, Владимир Карачевский {2}; сценарист: Павел Могилин; оператор-постановщик: Александр Рудь {3}; композитор: Глеб Белкин {5}; художники-постановщики: Александр Каменец {4}, Владимир Близняк.

На основе полученного анализа составим сводную таблицу профессий основного творческого коллектива и их фамилий с указанием количества совместных работ с режиссером. Отсортируем графы таблицы относительно количества работ в порядке убывания. Укажем лишь те фамилии, которые встречаются в титрах фильмов Дмитрия Астрахана больше одного раза:

Таблица 1. Основной творческий коллектив Дмитрия Астрахана

Продюсер	Автор сценария	Оператор-постановщик	Композитор	Художник-постановщик
Дмитрий Астрахан {13}	Олег Данилов {24}	Юрий Воронцов {6}	Александр Пантыкин {11}	Юрий Зеленов {6}
Александр Васильков {11}	Дмитрий Астрахан {4}	Александр Рудь {3}	Алексей Григорьев {5}	Мария Петрова {4}
Артур Браунер {4}	Артур Браунер {2}	Ежи Гошик {3}	Глеб Белкин {5}	Игорь Щелоков {4}
Владимир Храпунов {3}	Карстен Ласке {2}	А.Ф. Руд {2}	Алексей Шелыгин {3}	Александр Каменец {4}
Аркадий Цимблер {2}	Марина Романова {2}	Владимир Спорышков {2}	Пауль Вуте {2}	Сергей Коковкин {3}
Валерий Тодоровский {2}	Матиас Клашка {2}	Елена Иванова {2}	-	Юлия Тютнева {3}
Владимир Карачевский {2}	-	Сергей Юдаев {2}	-	-
Евгений Зобов {2}	-	-	-	-
Илья Неретин {2}	-	-	-	-

Из таблицы видно, что больше всего Дмитрий Астрахан за весь (прим. на момент написания статьи) творческий период (1991-2020) сотрудничал со сценаристом Олегом Даниловым – 24 совместных фильма и композитором Александром Пантыкиным – 11 совместных фильмов.

По мнению Астрахана: «Режиссёр должен заставить людей делать то, что ему надо. Причём как? Добровольно! Поэтому нужно увлечь человека, а он должен поверить, что ты имеешь право им руководить. Неважно, молодой ты режиссёр или известный, всё равно каждый раз приходишь к ним и доказываешь им это» [\[18\]](#).

Дмитрий Хананович очень тепло всегда отзываясь о сценаристе Олеге Данилове. Он всегда ему благодарен за его «гениальные сценарии». По его мнению, «Олег Данилов – это половина фильма. Другая половина – оставшийся коллектив». «Олег Данилов –

прекрасный драматург! Один из лучших ныне живущих советских и российских драматургов» [\[12\]](#).

Часто Астрахан уповает на то, что он снимает авторское кино и ни от кого не зависит. «Мы с Даниловым всегда делали то, что считали нужным. Поэтому я всегда сам был продюсером своих картин. Не то чтобы я так люблю доставать деньги, но приходится делать это – чтобы ни от кого не зависеть» [\[19\]](#).

При этом не бывает без курьезных ситуаций. К таковым относится скандал вокруг премьеры фильма «Подари мне лунный свет», в титрах которого из-за творческих разногласий с продюсером отсутствуют фамилии режиссера Дмитрий Астрахана и автора сценария Олега Данилова. Зато стоит фамилия продюсера Игоря Толстунова, перемонтировавшего ленту на свой вкус [\[20\]](#).

С композитором Александром Пантыкиным Астрахан начал работать еще до карьеры в кино. Тогда еще режиссер Свердловского ТЮЗа обратился к участнику группы «Урфин Джюс» и попросил написать звуковое оформление к спектаклю. После этого они практически не расставались – ни в театре, ни в кино. Одиннадцать совместных фильмов тому доказательство. «Почему я с ним работаю? Потому что он талантлив, никаких других причин у меня для этого нет. Я работаю с теми, кто талантлив. По-другому не бывает» - отвечает Дмитрий Астрахан [\[12\]](#).

Заключение исследования. Творческий союз Дмитрия Астрахана с Олегом Даниловым и Александром Пантыкиным как залог успеха

По результатам проведенного исследования мы можем сформулировать некоторые выводы. Творческий тандем характеризуется следующими чертами: сотрудничество режиссера с членами творческого коллектива, основанное на их взаимопонимании, общем мировоззрении и взгляде на творческий процесс. Такое сотрудничество может длиться на протяжении всего периода творчества, либо в конкретный период творчества и совместной работы над фильмом. Особенность творческих союзов – образование общих стилевых черт и взаимосвязей, позволяющих создавать фильмы с уникальным авторским почерком.

Такой непростой творческий процесс между двумя художниками находит свое выражение в создании кинокартин, не теряющих актуальности на протяжении длительного времени и представляющих интерес для современного исследователя в сфере аудиовизуальных искусств [\[21\]](#), [\[22\]](#).

Творческие тандемы Дмитрия Астрахана складывались уже на первых его фильмах, а некоторых участников коллектива и, как выяснилось в результате исследования, Дмитрий Хананович сумел воодушевить на совместный творческий процесс еще при работе над театральными постановками в регионе. Драматург Олег Данилов и композитор Александр Пантыкин являются не просто участниками творческого коллектива – они полноправные соавторы фильмов Дмитрия Астрахана – каждый в своей области. И можно смело утверждать – не объединившись бы они в свое время в дружный союз - фильмы Дмитрия Ханановича не нашли бы такого эмоционального и воодушевляющего отклика в умах и сердцах зрителей.

Когда несколько талантливых людей совместно работают над одним и тем же проектом, результат получается органичным и неделимым: музыку, песни, цитаты, операторские приемы или костюмы сложно представить отдельно от фильма. Вероятно, именно поэтому

эти фильмы любят уже несколько поколений наших зрителей. Сочетание имен режиссера Астрахана и вышеперечисленных участников кинопроцесса стало гарантией успеха для их фильмов.

Библиография

1. Лисса З. Эстетика киномузыки. М.: ЁЁ Медиа, 2012.
2. Козырев А.О. О некоторых творческих тандемах выдающихся кинокомпозиторов и кинорежиссеров XX века // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2021. №5 (76).
3. Лаврова С.В. Новая музыка и экспериментальное кино: творчество Бернхарда Ланга в контексте New Media Art // Проблемы синтеза в современной музыкальной культуре: сб. трудов междунаро. конф. 11-15 апреля 2019 г. Т.1. Ростов-на-дону: Изд-во РГУ им. С.В. Рахманинова, 2019. С. 32-44.
4. Шумов М.В. Творческие союзы Л. Гайдая // Гармония. Альманах по искусству / Сост. Т.И. Чупахина, Н.И. Быкова. – Омск: ЛИТЕРА, 2018. С. 49-52.
5. Шумов М.В. Актерский состав в режиссерской фильмографии Леонида Гайдая // Гармония. Альманах по искусству / Сост. Т.И. Чупахина, Н.И. Быкова. – Омск: ЛИТЕРА, 2018. С. 41-46.
6. Шумов М.В. Своеобразие актерского состава в режиссерском кинотворчестве Никиты Михалкова // Культурное пространство Русского мира. 2019. №1(9). С. 102-110.
7. Шумов М.В. Творческие союзы Эльдара Рязанова // Культурное пространство Русского мира. 2018. №3(7). С. 136-144.
8. Шумов М.В. Творческие союзы Георгия Данелия // Культурное пространство Русского мира. 2019. №1(9). С. 110-117.
9. Шумов М.В. Своеобразие актерского состава в фильмах режиссера Георгия Данелия // Культурное пространство Русского мира. 2018. №3(7). С. 126-136.
10. Ли Цзянь, Медведева Н.В. Композитор и режиссер: о творческом методе создания киномузыки // Вестник музыкальной науки. 2024. №1.
11. Лисицына Анастасия. На всех ножичков хватит // Газета.ру.-2013.-11 апреля. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/04/11/a_5251765.shtml (дата обращения 07.05.2024)
12. Суриков Вячеслав. Дмитрий Астрахан: «Не иди на компромиссы, отстаивай свою точку зрения». URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/dmitrij-astrahan-ne-idi-na-kompromissy-otstaivaj-svou-tocku-zrenia> (дата обращения 08.05.2024)
13. Венгерова Светлана. «Ты у меня одна»: как Дмитрий Астрахан снимал свой самый известный фильм, и что случилось с его актерами. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/170317/33841/> (дата обращения 01.05.2024)
14. Светачева Ульяна. Сериалу «Зал ожидания» – 25 лет: Как удалось собрать столько звезд в одном проекте: Тихонов, Боярский, Ульянов, Усатова и другие. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/interesno/serialu-zal-ozhidaniya-25-let/> (дата обращения 02.05.2024)
15. Номинанты Национальной кинематографической премии «НИКА» за 2011 год. URL: <http://kino-nika.com/page89337.html> (дата обращения 07.05.2024)
16. Смирнова С. С. Творческий коллектив: понятие, классификация, структура // МНКО. 2014. №4 (47).
17. Смирнов В.И. Общая педагогика: учебн. пособ. – М.: Логос, 2011.
18. Никончук Дарья. Вечные ценности Дмитрия Астрахана // Сельская праўда. – 2017. – 18 дек. URL: <http://www.zhabinka.by/?p=27940> (дата обращения 07.05.2024)
19. Краснова Анна. Дмитрий Астрахан: «Евреи не только молятся, иногда они дерутся». URL: <https://jewish.ru/ru/interviews/articles/175555/> (дата обращения 04.05.2024)
20. Сёмина Н. М. Взаимоотношения главных фигур в организации кинопроцесса:

продюсер-режиссер // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2013. №2-4 (11).

21. Шак Т.Ф., Замиховская В.А. Сотворчество режиссера и композитора в аспекте стиля киномузыки // Культурная жизнь Юга России. 2019. №1 (72).

22. Новоселова М.А. Специфика взаимодействия музыки и кино // Общество: философия, история, культура. 2019. №2 (58).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования автор представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статьи под заголовком «Творческие союзы Дмитрия Астрахана» выделяет структурно и определяет в подзаголовке одного из разделов повествования, им является, по словам автора, «Основной творческий коллектив Дмитрия Астрахана». Так же структурно выделен и объект исследования — «Творческий союз как способ организации кинопроцесса». Благодаря авторским разъяснениям объекта исследования, становится ясно, что под кинопроцессом автор понимает не в целом процесс взаимодействия социальных субъектов посредством кинематографа как часть художественной жизни, а его некоторый значительный сегмент — творческий процесс создания фильмов. Именно в таком ракурсе систематический характер организации творческих коллективов, который в советском и российском кинематографе традиционно обусловлен художественным замыслом кинорежиссера (как, в принципе, чаще всего и в европейском кино в целом), позволяет в сложной совокупности образующихся при создании фильмов коллективов выделить основной творческий коллектив конкретного кинорежиссера, в частности как в представленной статье, — Дмитрия Астрахана. Безусловно следует разграничивать режиссерское кино, сложившееся, прежде всего, в Европе, и американскую индустриальную модель производства фильмов, где корпорация (кинокомпания) и не художественные, а экономические цели предопределяют состав творческих коллективов. В частности, в творческой судьбе Дмитрия Астрахана одним из эпизодов стал шумевший конфликт вокруг премьеры фильма «Подари мне лунный свет», продемонстрировавший существующие противоречия между режиссерским и индустриальным кино. Тем не менее, автор путем количественных замеров фильмографии проследил ведущую роль именно кинорежиссера Д. Астрахана в формировании основного творческого коллектива (кинорежиссер Дмитрий Астрахан, киносценарист Олег Данилов и композитор Александр Пантыкин).

Таким образом, предмет исследования раскрыт автором на достаточном для публикации в научном журнале уровне: основной творческий коллектив в творчестве Д. Астрахана установлен.

Методология исследования основана на сочетании количественных замеров фильмографии Д. Астрахана с оценкой успешности фильмов. В целом комплекс количественных и качественных методов релевантен решаемым научно-познавательным задачам. Автор вполне обосновано приходит к выводу, что особенностью устойчивых творческих союзов является «образование общих стилевых черт и взаимосвязей, позволяющих создавать фильмы с уникальным авторским почерком». Это, по мысли автора, и обуславливает успешность кинофильма.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «вопрос творческого взаимодействия режиссера и других членов творческой команды при определенных обстоятельствах приведет к созданию гармоничного синтетического произведения, где

все его функции распределены в соответствии с художественной концепцией произведения и грамотно работают друг с другом».

Научная новизна исследования, состоящая в гармоничном синтезе качественных и количественных методов анализа эмпирического материала, не вызывает сомнений.

Стиль текста в целом автор выдержал научный, хотя рецензент рекомендует: 1) дополнительно вычитать текст (встречаются рассогласованные выражения: «Краткий обзорный экскурс кинорежиссерского творчества Дмитрий Астрахана»); 2) употреблять уважительную форму обращения к коллегам (не «Козырев А.О.» или «Лавровой С.В.», а А.О. Козырев и С.В. Лавровой); 3) использовать единый рекомендованный редакцией стиль оформления дат (см. https://nbpublish.com/fkmag/info_106.html).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография хорошо раскрывает проблемное поле исследования, оформлена без критических нарушений редакционных требований. Единственно, по мнению рецензента, многовато упоминаний работ одного ученого — М.В. Шумова (6 из 22 источников, т. е. 27 %), что выглядит избыточным и слабо обоснованным.

Апелляция к оппонентам в целом корректна и достаточна.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и после небольшой доработки может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Творческие союзы Дмитрия Астрахана», в которой проведено исследование творческих союзов как фактора организации успешного процесса создания произведения искусства.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что творческие тандемы Дмитрия Астрахана складывались уже на первых его фильмах, а некоторых участников коллектива и, как выясняет автор в результате исследования, Дмитрий Хананович сумел воодушевить на совместный творческий процесс еще при работе над театральными постановками в регионе. Драматург Олег Данилов и композитор Александр Пантыкин являются не просто участниками творческого коллектива – они полноправные соавторы фильмов Дмитрия Астрахана – каждый в своей области. И можно смело утверждать – не объединившись бы они в свое время в дружный союз – фильмы Дмитрия Ханановича не нашли бы такого эмоционального и воодушевляющего отклика в умах и сердцах зрителей.

Актуальность исследования обусловлена популярностью работ Дмитрия Астрахана как среди широкой публики, так и положительными отзывами отечественных кинокритиков. Данная работа является продолжением серии исследований автора, посвященным своеобразию творческих союзов известных отечественных режиссеров.

В ходе исследования автором применялись общенаучные методы анализа и синтеза, описания и классификации, а также биографический анализ. Теоретическим обоснованием послужили труды таких российских искусствоведов как Шумов М.В., Смирнова С.С., Сёмина Н.М., Шак Т.Ф. и др. Эмпирическим материалом явились работы Д.Х. Астрахана, созданные им совместно с известными композиторами и драматургами.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей творческих союзов как способа организации производства кинокартин.

Объектом исследования является творческий союз, предметом – творческий коллектив Дмитрия Астрахана.

Проведя анализ научной обоснованности проблематики, автор отмечает, что тема творческого тандема и специфики формирования творческих коллективов достаточно освещена в российском научном дискурсе. Научную новизну данного исследования составляет анализ творческих союзов непосредственно Дмитрия Астрахана.

Творческий тандем характеризуется автором следующими чертами: сотрудничество режиссера с членами творческого коллектива, основанное на их взаимопонимании, общем мировоззрении и взгляде на творческий процесс. Такое сотрудничество может длиться на протяжении всего периода творчества, либо в конкретный период творчества и совместной работы над фильмом. Особенность творческих союзов – образование общих стилевых черт и взаимосвязей, позволяющих создавать фильмы с уникальным авторским почерком.

На основе анализа творческой карьеры Д. Астраха автор приходит к заключению, что важным фактором создания кинорежиссером успешных фильмов и сериалов является его способность подбирать и формировать коллективы и актерские составы кинокартин. Автором проведен детальный анализ фильмографии Дмитрия Астрахана, состоящей из 29 фильмов и сериалов и классификация работ режиссера на основании сформированных им творческих коллективов. На основе полученного анализа автором составлена сводная таблица профессий основного творческого коллектива и их фамилий с указанием количества совместных работ с режиссером.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение особенностей и факторов создания успешной кинокартины представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 22 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Канькин С.В. Бегущий человек в зеркале философии (обзор коллективной монографии «Running & philosophy. A marathon for the mind») // Философия и культура. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.40854 EDN: EKOLX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40854

Бегущий человек в зеркале философии (обзор коллективной монографии «Running & philosophy. A marathon for the mind»)

Канькин Станислав Владимирович

кандидат философских наук

доцент, кафедра гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ "МИСиС"

309516, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, микр. Макаренко, 42

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Рецензии монографий"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.5.40854

EDN:

EKOLX

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2023

Аннотация: Представлен обзор не переведенной на русский язык и не введенной в сферу отечественных исследований философии спорта коллективной монографии «Running & philosophy. A marathon for the mind». Издание включает в себя 19 эссе, подготовленных философами, работающими в ведущих университетах США. Профессиональное изучение социокультурной детерминации и экзистенциальной значимости беговых практик авторами монографии эффективно сочетается с анализом личного опыта участия в стайерских забегах, что обеспечивает исповедальность и эмоциональность изложения, а также практическое подтверждение полученных результатов. Можно предположить, что содержание рассматриваемого сборника охватывает основной тематический репертуар и представляет исследовательские приемы формирующейся со второй половины XX века философии бега. Обозреваемая монография раскрывает гуманистический потенциал бега как фактора антропогенеза (Ш. Кэй), средства достижения «правильной» апатии (Р. Девитт) и высшего вида дружбы (М.

В. Остин). Р. А. Беллиотти рассматривает бег в качестве способа обретения сверхчеловеческих стояний, Х. Л. Рид и Р. С. Рид находят в нем воплощение ценностей экзистенциализма. В рамках решения проблем антропологического дуализма к беговой активности обращаются Дж. Дж. Висневски, М. Мейз, Ч. Талиаферро и Р. Траубер. К. Мартин и М. С. Нуссбаум рассматривают бег как среду порождения эстетического опыта, о типологии бегунов размышляют Р. Дж. ван Аррагон и К. Кингхорн. Д. П. Фрай и Дж. П. Морленд исследуют связь беговых и религиозных практик, Г. Башем, К. Келли, У. П. Кабасенч и Д. Р. Хохстетлер анализируют соотношения целей и средств беговой деятельности. Таким образом, в монографии обосновывается понимание бега как общедоступного и эффективного средства обретения физического, душевного и социального благополучия, что выражает гуманистическую сущность беговых практик и обосновывает философско-антропологическую значимость их исследований.

Ключевые слова:

бег, философия, выносливость, гуманизм, антропогенез, эстетический опыт, религиозные практики, экзистенция, ценности, праксеология

Философии постмодерна, как известно, присущ интерес не столько к вечным мировоззренческим проблемам, сколько к осмыслению различных практик повседневности, детерминированных многообразными обстоятельствами и условиями жизнедеятельности личности, а также природными и социальными процессами во множестве их переплетений. Важно отметить, что для современных мыслителей человек – это не воплощенный дух в сиянии чистого разума, а телесно-духовное существо, бытие которого, что стало особенно очевидно в драматичной ситуации недавней пандемии COVID-19, критически зависит не только от благополучия собственного тела, но и «коллективного тела» человечества в целом. Осмыслением телесности человека (от наращивания «телесного капитала» и новых гендерных форм до психологии спорта и феномена калокагатии) сегодня занимаются как отдельные науки, так и их междисциплинарные комплексы, что позволяет говорить об аксиологии тела, его социологии, онтологии, антропологии и т. п. Дискурс телесности становится мейнстримом современной культуры, которую иногда определяют как «телоцентричную», что связано с кризисом логоцентристских метанарраций, в которых «лого» следует понимать и как «слово», и как «разум». Как пишет Г. Л. Тульчинский, философский «телоцентризм» предполагает «невербальный ratio, осязательность и эротизм, sexus и сексизм как источники и исходные метафоры философствования, переход в базовых познавательных чувствах от зрения и слуха к осязанию, тактильности, возрождение на этой основе интереса к донаучным и венаучным формам осмысления действительности. Такой подход обладает несомненным колоссальным креативным потенциалом, дает мощный стимулирующий импульс интуиции, научному поиску, аргументации» [\[24\]](#).

Интенсивно развивающаяся несколько последних десятилетий индустрия тела в своем массовом сегменте породила такое явление, как любительские забеги на длинные дистанции (наиболее распространены полумарафоны и марафоны), участие в которых одновременно принимают десятки тысяч людей разного возраста, для которых бег становится как средством укрепления здоровья, так и инструментом личностного совершенствования. Сопрягая в стайерских беговых практиках развитие тела и души, любители бега иллюстрируют правоту локковского суждения о том, что «здоровый дух в здоровом теле – вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире»

[13, с. 411]. Массовость любительского бега обусловила рекламную популярность бегущего человека, как нельзя лучше выражающего динамичность и номадичность нашего времени; поджарое, «выбеганное» тело нередко воспринимается как эталон красоты; в любительских марафонах мирового уровня считают за честь принять участие лидеры общественного мнения; многие беговые проекты организуются с социально значимыми целями (экологическими, благотворительными, мемориальными и т. д.); интенсивно развивается беговой туризм; беговая метафорика является значимым компонентом дискурса современных СМИ («бег на месте», «бег по кругу», «бег с препятствиями» и пр.), но ценнее всего то, что массовый любительский бег обеспечивает потребность общества «в главном локомотиве развития – целеустремленной, физически и психически развитой, стремящейся к постоянному совершенствованию, «экологически нагруженной», гармонично сочетающей здоровый индивидуализм и коллективизм, доброжелательной, опирающейся на свои силы и ценящей справедливую конкуренцию личности» [8, с. 50]. Можно с полным основанием утверждать, что современность породила новый образ человека – *homo currens* («человека бегущего»), который приобретает концептуальную значимость для актуальных антропологических и социокультурных исследований.

Феномен «человека бегущего» активно осмысливается в современной англо-американской философии. Во многом это связано с тем, что джоггинг (бег трусцой) стал «...образом жизни, национальным хобби американцев, от колледжа до глубокой старости, евангелием, которое они несли в мир» [Медведев С. Человек бегущий. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 38. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7740/> (дата обращения: 23.04.2023)], недаром из шести наиболее массовых и престижных марафонов- «мейджоров» три (Бостонский, Чикагский, Нью-Йоркский) проводятся в США. Фундаментальным исследованием последних лет является коллективная монография «Бег и философия. Марафон для ума» (2007 г.) [3], вышедшая под редакцией Майкла Остина и включающая в себя 19 статей, касающихся различных философских аспектов любительских беговых практик. Ценность данной монографии заключается в достижении комплексности философского постижения беговой активности, осуществленного исследователями мировоззренческой проблематики, которые сами увлекаются бегом. Профессиональное изучение социокультурной детерминации деятельности *homo currens* здесь сочетается с анализом личного опыта участия в стайерских забегах и других беговых практиках, что обеспечивает исповедальность и эмоциональность изложения, зачастую приправленного самоиронией и специфическим юмором бегунов, а также экзистенциальную обоснованность авторских выводов. Указанная монография не переведена на русский язык, не доступна в электронном виде и, насколько нам известно, не введена в научный оборот в нашей стране, где в последнее время стремительно возрастает интерес к стайерскому любительскому бегу, что во многом обуславливает актуальность проведенного исследования.

Бег как фактор антропогенеза, или Счастливый муравей

Шэрон Кэй [12] актуализирует тему значимости учета наших природных предрасположенностей для обретения человеком счастливой жизни. Исследователь полагает, что исторически сложились два направления движения к счастью: религиозное (посвящение жизни Творцу) и культурологическое (интеллектуальное и нравственное совершенствование). Ш. Кэй считает возможным и третий путь – *биологический*, к которому бег имеет прямое отношение. Она исходит из своей убежденности в истинности современной теории эволюции, утверждая, что «теория естественного отбора Чарльза Дарвина, дополненная более поздними открытиями в

генетике, геологии и других областях, является единственно правильным описанием истории планеты Земля. Хотя каждый разумный человек принимает эту предпосылку, многие не в состоянии осознать ее далеко идущие последствия» [12, с. 162]. А эти последствия таковы: из 2,5 миллионов лет истории homo только примерно 10 000 последних лет мы существуем как оседлые земледельцы (это примерно пять минут на циферблате, круг которого символизирует протяженность истории нашего вида). Все остальное время мы были охотниками-собираателями, при этом «разница между охотником-собирателем и земледельцем так же глубока, как разница между муравьем и пауком. Муравьи всегда в движении; пауки плетут паутину и ждут. <...> Это означает, что современный образ жизни, который мы считаем «человеческим», вообще не является человеческим по большому счету» [12, с. 162]. Это связано с тем, что за примерно 500 поколений оседлости эволюция не могла «переформатировать» наш вид с высокоподвижного функционирования охотника на малоподвижный образ жизни человека цивилизации, ей нужно гораздо больше времени на накопление случайных мутаций. При этом биологически мы не только всё еще охотники-собиратели, но и бегуны. Только человек снабжен анатомо-физиологическими особенностями (прежде всего – потовыми железами, ахилловым сухожилием и мощными ягодичными мышцами), которые позволяют ему очень долго бежать, загоняя до усталостного обездвиживания любое животное, становящееся добычей бегунов-охотников. Используя спортивную терминологию, можно сказать, что мы проигрываем многим животным как спринтеры, но выигрываем у всех как стайеры, причем чем длиннее дистанция, тем выше наши шансы.

Это значит, полагает Ш. Кэй, что для достижения хорошей жизни нам требуется заново открыть для себя путь муравья: «чтобы обрести счастье, мы должны войти в контакт со своими внутренними охотниками-собираателями» [12, с. 163]. Многие наши физиологические и психологические проблемы обусловлены тем, что мы больше не делаем того, для чего созданы природой, ««все сводится к тому, что благодаря сельскохозяйственной революции мы больше не можем надеяться жить той жизнью, которой тайно жаждут наши тела. Итак, чтобы избежать саморазрушения, мы должны сделать следующее: втиснуть нашу охоту и собирательство в ту часть дня, которую мы называем «свободным временем»» [12, с. 164]. Ш. Кэй насчитывает примерно три часа досугового времени в сутки у среднестатистического человека. Поскольку мы в основном мало двигаемся на работе и в быту, то именно беговая активность в досуговое время – это самое доступное, безопасное (по сравнению, например, с велосипедной прогулкой) и эффективнее средство высвобождения «внутреннего охотника». При этом «чтобы войти в контакт со своим внутренним охотником-собирателем, вы просто должны признать, что вам придется потеть, и это должно быть тяжело и больно. Подумайте об этом так: ваша тренировка должна генерировать адреналин, вызванный стаей голодных волков на вашем хвосте. Вы можете сделать это безопасно и легко за два часа: быстро пробежать 10 км с разминкой и заминкой, затем немного силового тренинга или упражнений для пресса вместе с интенсивной растяжкой. Бег – это ваша основная потребность, осознаете вы это или нет» [12, с. 165]. Исследователь считает, что «биологический» путь к хорошей жизни является современной, «просвещенной» формой гедонизма. Высшее удовольствие – это чувство полноты жизненных сил в здоровом теле, что невозможно получить без систематических занятий физическими упражнениями, включая бег.

Далее Ш. Кэй убеждает читателей в том, что «биологический» путь к счастью вполне совместим с религиозными и культурологическими концепциями, рассмотренными ранее. Будучи атеисткой или по крайней мере агностиком, она полагает, что религиозные люди

должны признать, что Бог творил мир эволюционно и все мутации, которые материалистами трактуются как случайные, являются божественным промыслом. Отсюда следует, что Бог «мог бы спроектировать нас так, чтобы мы мало двигались, постоянно сидели на мягких диванах или стояли и болтали, поглощая дешевые пончики и кофе. Он явно этого не сделал. Люди, занимающиеся этим в свободное время, умирают от сердечных заболеваний, рака и диабета – всех современных недугов, совершенно неизвестных нашим предкам-«спортсменам». Если Бог существует, то кажется, мы должны делать то, для чего он нас создал, а именно жить «беговой» жизнью» [\[12, с. 165-166\]](#).

Сторонники «культурологического» пути к счастливой жизни зачастую пренебрежительно относятся к систематической физической активности, полагая ее уделом обделенных интеллектом, лишенных высоких запросов людей. Ошибка адептов культурологических концепций заключается в том, что они рассматривают науку, политику, искусство и т. п. как самоцель: «сказать, что что-то является самоцелью, значит сказать, что это величайшее благо, самая важная вещь из всех. Это означает, что вы должны пожертвовать своей жизнью ради этого. Вы бы пустили себе пулю в голову, чтобы спасти «Мону Лизу»? Я – нет. Все мы знаем истории о сумасшедших художниках, которые пожертвовали своей жизнью ради своего искусства. Но именно поэтому мы и называем их сумасшедшими» [\[12, с. 169\]](#). Значимость всех компонентов культуры в том, что они улучшают, поддерживают, украшают человеческую жизнь, которая и является высшей ценностью: «есть только одна вещь, ради которой стоит пожертвовать собственной жизнью, а именно – жизнь другого человека» [\[12, с. 169\]](#).

Оппоненты могут возразить, что последователи критикуемой Ш. Кэй «культурологической» позиции являются подлинными эволюционистами, поскольку живут в соответствии с достижениями интеллектуального прогресса человечества, которое потратило тысячелетия, чтобы вырваться из природной необходимости. В этой связи возврат к «примитивным» ценностям, присущим «беговой» жизни, кажется проявлением инволюции. На это у автора статьи есть два возражения: во-первых, у эволюции нет направленности, а во-вторых, у нас нет оснований абсолютизировать различия разума и тела. Неужели «разумной» является жизнь, когда достижения интеллекта вызывают болезни и пороки цивилизации, из-за которых «масса людей живет в тихом отчаянии» (Г. Д. Торо)? Напротив, следует гармонизировать отношения разума и тела: «нам не нужно возвращаться в пещеры. Вместо этого мы можем использовать наш интеллект для разработки очень сложного спортивного оборудования, такого как спортивные туфли с пузырьками воздуха в подошве, чтобы сделать наши упражнения более приятными» [\[12, с. 170\]](#).

Заключение автора статьи выражает приправленный иронией пафос обозреваемой монографии: «Я прихожу к выводу, что хорошая жизнь для человека заключается не в религиозных или культурных занятиях, а скорее в биологии и, в частности, в беге. Однако я должна отдать должное философии, отвечающей за раскрытие тайн бытия косвенным путем. Философия породила науку, позволившую Дарвину обосновать эволюцию, осмысление которой позволяет нам сегодня точно знать, как мы должны правильно проводить свое свободное время» [\[12, с. 170\]](#).

Hash, правильная апатия и совет Аристотеля бегунам

Ричард Девитт [\[6\]](#) исследует такую необычную форму коллективных забегов, которая

называется «hash running». Ее суть в том, что один бегун (именуемый «зайцем») стартует ранее группы бегунов (она называется «стая»), стремящейся вычислить его местоположение по оставляемым «зайцем» следам (которые иногда могут быть ложными, так как «заяц» должен быть хитер и уметь мастерски путать свои следы) в виде муки или белого стирального порошка, хорошо заметного на земле, а затем и догнать. Поскольку мука и порошок напоминают по консистенции и цвету гашиш (по-английски *hashish*, что созвучно слову *hash*, одно из значений которого – путаница), участники этой беговой игры называют себя «хэшерами», шутливо обыгрывая фонетическую схожесть указанных слов. Важно отметить, что «хэш-бег» – это в первую очередь не соревнование, а игра, при любом исходе заканчивающаяся дружеской вечеринкой приятных друг другу и сплоченных совместным бегом единомышленников. Ясно, что эта игра восходит к коллективной беговой охоте древних людей, о которой вела речь Ш. Кэй [\[12\]](#).

Р. Девитт подчеркивает, что главное свойство групп хэшеров – это своего рода беззаботность, что выражается ими во фразе, блокирующей всякое излишнее напряжение или негативные эмоции в беговой игре и отсылающей к наркотическим коннотациям – «бег – это хэш». Автор статьи ставит перед собой цель обосновать соответствие мироощущения хэшеров *апатии* как особого рода отношению к действительности, обоснованному античными философами эллинистического периода. Р. Девитт сразу предупреждает о неправомерности отождествления современного понимания слова «апатия» («подавленность эмоций») и его значения в период Античности. В буквальном переводе с греческого апатия – это бесстрастность, но не простая, а достигаемая лишь в ходе духовной эволюции: первоначально «...страстное изучение философии <...> приведет человека к беззаботному, спокойному состоянию ума. То есть страсть в конце концов приведет к бесстрастности, правильной апатии» [\[6, с. 75\]](#). Так, киники обретали апатию путем следования своим естественным побуждениям, обосновав сначала, что естественное не может быть плохим. Стоики, изучая бытие в рамках логики, физики и этики, пришли к выводу, что во вселенной существует всепроникающий рациональный порядок, или логос. Все в мире происходит в соответствии с ним, т. е. все обстоит так, как и должно быть, иное не возможно. Знание этого и обеспечивает нашу бесстрастность. Эпикурейцы искали апатию на пути свободного от страстей простого образа жизни (избегающего неприятных ощущений) и изучения философии, особенно физики. Знание физики, утверждали они, приводит к пониманию того, что в космосе нечего бояться: богам мы безразличны, а после смерти нас ждет такое же ничем не возмутимое состояние, которое было у нас и до рождения. Скептики обосновывали невозможность полностью определенного знания о чем-либо, предлагая действовать в соответствии с тем, что кажется наиболее естественным: «Не тратьте время на размышления о том, что вам больше по душе: медицинская школа или жизнь, связанная с благотворительностью. Отложите суждения, не беспокойтесь об этом и принимайте любой образ действий, который кажется наиболее естественным. Культивируя этот подход к жизни, вы ни о чем не будете беспокоиться. И это рецепт скептиков для душевного спокойствия, то есть для апатии» [\[6, с. 79\]](#).

Бегуны-хэшеры как бы синтезируют все способы достижения апатии, предложенные философскими школами Античности. От киников хэшеры берут убежденность в положительной значимости своего времяпрепровождения, что обусловлено естественностью для человека как самого бега, так и коллективной беговой охоты; от стоиков – спокойное отношение к любому исходу гонки; от эпикурейцев – бесстрашие в конфликтных ситуациях с полицией или другими людьми, порой возникающих в ходе их несколько эпатирующих городских забегов; от скептиков – отсутствие категоричности

при предъявлении своей позиции в ходе коллективного выбора направления поиска хитро петляющего «зайца». В заключение Р. Девитт отмечает, что «...хэшер склонен стремиться к тому, что было главной целью эллинистических школ, а именно к своего рода беззаботному, невозмутимому состоянию ума. <...>. Можно сказать, что для них вся жизнь – это хэш» [\[6, с. 79\]](#).

Майкл В. Остин [\[19\]](#) полагает, что главной целью беговой деятельности, как и всех прочих усилий человека, является достижение счастья. Американского исследователя привлекает аристотелевская трактовка счастья как деятельности души в соответствии с добродетелью. Если бег в своем физическом измерении обеспечивает здоровое тело, то есть ли метафизическое измерение беговой активности, обеспечивающее здоровье души, – таким вопросом задается автор. Вкратце его ответ можно представить так: «Аристотель утверждает, что для того, чтобы быть добродетельными, нам нужны дружеские отношения в нашей жизни. Но подойдет не любая дружба. Мы должны быть вовлечены в особый тип дружбы, дружбу, основанную на добродетели. Дружба бегунов часто иллюстрирует понимание Аристотелем этой высшей формы дружбы, а также дружбы в ее низших формах. И, как мы увидим, бег хорошо подходит для развития той дружбы, которая, по мнению Аристотеля, необходима для счастья» [\[19, с. 12\]](#).

Аристотель различает два вида дружбы: основанной на пользе (например, как источник каких-то материальных благ или услуг, а также приятных эмоций) и базирующейся на добродетели, когда друзья помогают друг другу быть хорошими и жить достойной жизнью даже при отсутствии какой-либо иной выгоды. Бегунам известны примеры обеих разновидностей дружбы. Так, некоторые тренируются в сильной группе спортсменов, чтобы подражать им и использовать в качестве пейсмекеров. В этом случае беговые партнеры представляют ценность не сами по себе, а как *средства* улучшения персональных беговых кондиций, и как только партнеры теряют это свое утилитарное свойство, «дружба» прекращается. Совсем другое дело – «высокая» дружба, основанная на добродетели и бескорыстном служении друг другу. Вот как описывает ее М. В. Остин: «Друзья должны глубоко доверять друг другу. Совершенная дружба требует времени, знакомства, взаимной доброй воли и взаимных жертв. Каждый друг искренне заботится о благополучии другого и заботится о другом из-за его или ее хорошего характера. Каждый помогает другому жить хорошей жизнью, жизнью добродетели и счастья. Поскольку мы часто склонны к самообману или, по крайней мере, к неточным оценкам собственного характера, нам нужны хорошие друзья, которые могут помочь нам увидеть себя такими, какие мы есть на самом деле, а затем помочь нам продвинуться к добродетели и счастью» [\[19, с. 15\]](#).

Автор убеждает нас в том, что длительный совместный бег является весьма подходящим контекстом для развития идеальной дружбы, поскольку он предполагает совместное преодоление трудностей, основанное на доверии, заботе и взаимном самопожертвовании, недаром Ф. Ницше писал, что усталость – кратчайший путь к равенству и братству. В изнуряющем длительном групповом беге абсолютно не важны ваш социальный статус, этническая и конфессиональная принадлежность, пол, возраст и былые заслуги – группа держится на ценности духовного единства в общем деле и взаимной поддержке: «... одна из причин, по которой многие бегуны бегут медленнее, заключается в том, что они хотят социального взаимодействия, которое обеспечивает бег. Они предпочли бы не бежать восемь миль, задыхаясь всю дорогу, <...> а использовать это время для установления дружеской связи с другим человеком» [\[19, с. 17\]](#). Ярким проявлением «высокой» дружбы бегунов являются многочисленные

благотворительные пробеги, особенно распространенные в США, участники которых, помогая друг другу преодолеть тяготы дистанции, собирают миллионы долларов. «Объединяя таким образом дружбу, бег и совместную работу на общее благо, мы можем лично испытать и помочь воспитать в других тип счастья, которое желательно для всех людей. Мы можем бежать за счастьем вместе» [19, с. 19]. И вполне можно согласиться с Майклом В. Остином в том, что Аристотель посоветовал бы нам выйти на пробежку, если нам это нравится, но непременно добавил бы: возьмите с собой хорошего друга.

Бегом по пути к сверхчеловеку

Осмысляя природу волевых усилий марафонцев, **Р. А. Беллиотти** [4] обращается к Ф. Ницше, акцентируя внимание на его убеждении в том, что мы живем в бессмысленном, хаотичном мире, чтобы ни говорила об этом религия. Достойное поведение человека в данной ситуации заключается в принятии этого несовершенного мира как единственной реальности (Ницше называет это *amor fati*) и формировании личных ценностей и смыслов, позволяющих успешно реализовать свой жизненный проект. При этом неизбежные страдания и невзгоды должны быть использованы для личностного развития, поскольку, как известно, «все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Яркий пример претворения страданий в силу воли дают бегуны, которым приходится бороться как с внутренними слабостями, так и с силами природы, а порой и непонимающим их социальным окружением. При этом главной преградой для бегуна является его собственный «внутренний карлик» как оппозиция вставшему на путь формирования сверхчеловека стайеру. Во «внутреннем карлике» слишком много нуждающегося в элиминации *человеческого*: он не любит преодолевать себя, потакая своим немочам в колесе «вечного возвращения», и утешается иллюзиями *иного* мира, где его слабости чудесным образом превратятся в силу. Победенных «внутренним карликом» Ф. Ницше называет «последними людьми», которых Р. А. Беллиотти описывает так: «Они находят утешение в узком эгалитаризме, который отделяет их от высших человеческих возможностей: сильной любви, грандиозного творчества, глубокой тоски, страстного напряжения и приключений в погоне за совершенством» [4, с. 7]. Бегун же вооружается дисциплиной, твердостью характера и готовностью идти на риск, что позволяет ему не только финишировать в труднейших забегах, но и улучшать личные результаты, постепенно продвигаясь к *сверхсостояниям*, казавшимся ранее совершенно недоступными. «Человек бегущий» дает яркий пример реализации *воли к власти*, а именно – власти над собой, заключающейся в преодолении своих ограничений, стоящих на пути максимальной личной реализации как в беге, так и в других проектах. При этом атлет осознает, что разнообразные вызовы бессмысленной вселенной будут сопровождать его всю жизнь, поэтому сегодняшний успех ничего не гарантирует завтра. А это значит, что формировать себя посредством беговых практик нужно постоянно: «Наша жизнь, учит Ницше, – это процессы, которые заканчиваются только со смертью или с того момента, когда мы теряем основные человеческие способности, необходимые для создания себя. До тех пор мы должны рассматривать себя как утонченных художников, чьи величайшие творения – это те личности, которые мы продолжаем совершенствовать» [4, с. 9]. Таким образом, стайерский бег рассматривается Р. А. Беллиотти сквозь призму философии Ф. Ницше как способ формирования «сверхчеловеческих» особенностей и обретения власти над собой, что противопоставляет бегуна «последнему человеку», побежденному «внутренним карликом» и воплощающему филистерство.

Бег и экзистенция, или Бегущие к себе

Плодотворным является обращение авторов монографии и к философии экзистенциализма. Так, **Хизер Л. Рид** [21] обосновывает описываемое многими стайерами-любителями чувство *свободы*, которое они испытывают при беге. Для иллюстрации своих рассуждений она использует рассказ Алана Силлитоу «Одиночество бегуна на длинные дистанции», главный герой которого, семнадцатилетний Колин Смит, находится в колонии для несовершеннолетних за кражу. При этом юноша необыкновенно одаренный бегун, который говорит о себе так: «Я пробегаю круг в пять миль быстрее всех, кого знаю» [Силлитоу А. Одиночество бегуна на длинные дистанции. М.: АСТ, 2016. URL: <https://www.rulit.me/books/odinochestvo-beguna-na-dlinnye-distancii-sbornik-read-433788-2.html> (дата обращения: 23.04.2023)]. Начальник колонии ставит перед Смитом цель победить в соревнованиях на всеанглийский кубок по бегу на длинные дистанции среди воспитанников исправительных учреждений для несовершеннолетних. Для этого он предоставляет юноше возможность тренироваться вне колонии, конечно, в сопровождении полицейских. Однако Смит, ненавидящий государственное насилие, социальную несправедливость, лживость и лицемерие, с большим отрывом побеждая в кубковом соревновании, специально останавливается перед самым финишем, долгое время ожидая, а затем и пропуская вперед других бегунов и тем самым выказывая протест против устоев «правильного» общества, в соответствии со стандартами которого его перевоспитывали в колонии. Бег для Смита – это воплощение честности жизни, оазис свободы, и использовать *так* переживаемый бег для прославления тюрьмы и ее тщеславного руководства Смит считает для себя невозможным.

Анализируя поведение литературного героя, Х. Л. Рид обращает внимание на то, что экзистенциальная философия делает упор на индивидуальность и отвергает социальное давление, направленное на подчинение. Ф. Ницше называл общество «стадом», замечая в «Ессе homo», что «когда стадное животное сияет в блеске самой чистой добродетели, тогда исключительный человек должен быть оценкой низведен на ступень злого» [17]. Истинная сущность человека, именуемая в экзистенциализме «аутентичностью», обретается только при бегстве из «стада». Жан-Поль Сартр связывает этот побег с приобщением человека к *игре*, нивелирующей серьезность как основу «стадной» жизни. Именно в игре человек обретает свободу: «Как только человек постигает себя в качестве свободного и хочет использовать свою свободу <...> его деятельность становится игрой; он в ней, по сути, первый принцип, он избегает естественной природы; он устанавливает сам ценность и правила своих действий, подчиняясь только установленным и определенным им самим правилам» [22, с. 420]. Колин Смит вполне может сбежать из колонии во время утренних пробежек, и даже думает об этом, но неожиданно для себя понимает, что его подлинная свобода – не в побеге, а в самом беге как процессе: «Иногда мне кажется, что я никогда не был так свободен, как в эти пару часов, когда я выбегаю из ворот на тропинку и сворачиваю у толстого дуба с голыми ветвями в конце дорожки» [Силлитоу А. Одиночество бегуна на длинные дистанции. М.: АСТ, 2016. URL: <https://www.rulit.me/books/odinochestvo-beguna-na-dlinnye-distancii-sbornik-read-433788-2.html> (дата обращения: 23.04.2023)]. Хизер Л. Рид полагает, что в каком-то смысле мы все заключенные, и многие из нас жаждут покинуть лишаящее нас свободы «стадо». Именно бег может обеспечить хотя бы временное освобождение, дистанцируя нас как физически от этого чрезмерно серьезного мира, так и, что более важно, удаляя нас из него мысленно. «Натянув шорты и завязав ботинки, мы надеваем не принятую на работе форму. Оставив портфель, мобильный телефон и ключи от машины, мы отрываемся от «реального мира» и попадаем в особое пространство и время <...>. Подобно полицейской машине, преследующей Смита во время его пробежки, требования жизни никогда не исчезают полностью. Но акт бега

может заставить их ускользнуть из виду – ровно настолько, чтобы мельком увидеть нас самих» [\[21, с. 118-119\]](#).

Хизер Л. Рид приходит к выводу, что наиболее полно исследовал понятие аутентичности М. Хайдеггер, полагавший, что подлинность является результатом *действия*, а не просто существования. Бегущий (т. е. действующий) человек не только обретает свободу, но и постигает собственные ограничения, одним из которых является наша смертность, недаром многие бегуны описывают состояния крайнего измождения как предсмертные, также известны случаи смерти любителей бега на стайерских соревнованиях. «Почувствовав» смерть, бегуны приобщаются к тревожной подлинности мира, к ответственности за отведенное время жизни, тем самым противостоя бездумному дрейфующему поведению, типичному для «стада». Также автор отмечает, что приводящий к аутентичности бег обязательно должен быть добровольным, это результат сознательного выбора. Именно *свободу* своего бега Смит отказывается приносить в жертву соревновательной победе. Нарочно проиграв гонку, «Смит выиграл битву за независимость от власти. Подобно Сизифу, он реализует свою свободу, выбирая то, что никто никогда не думал, что он сделает. Подобно Сизифу, он с радостью вынесет назначенное начальником колонии наказание в виде шести месяцев тяжелых работ, потому что это тоже было частью его дерзкого выбора» [\[21, с. 123\]](#).

Таким образом, Хизер Л. Рид полагает, что бег может дать каждому из нас те экзистенциальные преимущества, которые он даровал Колину Смит: избавление от давления повседневной жизни и искаженных ценностей «стада»; предоставление игрового пространства, которое уменьшает реальность чуждого мира и дает возможность осознать нашу свободу, ограничения и необходимость брать на себя ответственность за свои действия; также бег может научить нас свободе выбора: «Только активно выбирая быть теми, кто мы есть на самом деле, мы можем достичь подлинности. В идеале этот выбор будет выражаться в нашей жизни помимо бега, но первый выбор должен состоять в том, чтобы просто бежать» [\[21, с. 123\]](#).

Росс С. Рид [\[20\]](#) задается вопросами о смысле любительского бега и о решаемых при помощи этой активности вопросах и проблемах человеческой жизни, обращаясь к трудам С. Кьеркегора и Ж.-П. Сартра. Перечисляя важнейшие ценности экзистенциализма (свобода, самостоятельность, истина, игра), автор статьи исследует их выражение в стайерском беге.

Для начала Р. С. Рид определяют знание как статичный результат, представленный в устойчивых понятиях, а мышление – как процесс, поток, деятельность, что коррелирует с беговой активностью. Говоря об *экзистенциальной* истине, исследователь отмечает: «Мы понимаем, что эта истина выходит далеко за пределы познания, далеко за пределы статичности понятий, далеко за пределы заимствованного опыта других. Кажется даже, что некоторые люди воспринимают бег как свой первый реальный опыт, свой первый незаимствованный опыт или, вполне возможно, свой единственный реальный опыт. Ибо это наш опыт, рожденный страстями и страданиями, и это наша истина, пусть даже эфемерная. Истина, которая необъяснимым образом находится за пределами познания, хотя и смутно признается и уважается таковым. Мы бежим, чтобы увидеть вечную, универсальную (но открывающуюся только в частном), мистическую, но личную истину, чтобы вырваться из тюрьмы интеллекта» [\[20, с. 130\]](#). С. Кьеркегор называл эту истину «высшей», поскольку она находится за пределами рассудка, являясь своего рода «откровением», которое возникает только в опыте личностного существования, представленного во всей его онтологической полноте. Тем самым он, как и другие

экзистенциалисты, преодолевает декартовский дуализм, постулирующий независимость мышления от тела: истина рождается в сложном переплетении страсти, воли, тела и разума, что и интегрирует беговая активность. Ж.-П. Сартр писал о том, что истина есть результат полного «присутствия» в бытии, где мы не познаем вещи абстрактно, а «натываемся» на них: «наткнуться на вещь – это то, что бегун делает с каждым вдохом, с каждым шагом. И с этим знанием бегун превосходит обычные логические категории, он становится готов к ожидающему его мистическому приключению» [20, с. 131]. На беговой дистанции мы прежде всего сталкиваемся с правдой о себе (потому что, как писал С. Кьеркегор, страдание направляет человека внутрь себя), а потом со своей правдой о мире. Физический бег трансцендирует нас как целостного субъекта в метафизические измерения бытия, куда мы без него не смогли бы попасть.

Очевидно, что тяжелый длительный бег любителей-стайеров есть проявление торжества свободной воли над осторожным разумом. В своей работе «Болезнь к смерти» С. Кьеркегор так увязывает свободу, волю и самосознание: «Я – это свобода. <...> Чем больше сознания, тем больше Я; ибо чем более оно вырастает, тем более вырастает воля, а чем больше воли, тем больше Я. У человека без воли не существует и Я; однако чем больше воли, тем более он осознает самого себя» [11, с. 46]. Выбирая бег, мы позволяем фундаментальным силам бытия проявить себя через нас, не зная точно, к чему это приведет. Но мы надеемся, что именно эти силы смогут вынести нас к укорененным в бытии свободе, истине и самости, которые ускользают от ординарного человека, для которого главное – комфортность существования, то есть избегание настоящей жизни.

Р. С. Рид полагает, что бег – это прекрасная возможность для активизации спонтанного воображения, в ходе которого мы выходим за пределы того, кто мы есть, чтобы реализовать иные варианты жизни, предоставленные нам свободой: «Без воображения у нас нет личного будущего, настоящей надежды, трансцендентного «я»» [20, с. 134]. Воображение – это своего рода игра ума, которая активизируется игровой природой бега. Значимость игры как пути к самости подчеркивал Ж.-П. Сартр, определяя человека как «ничто», не имеющее неизменной, предзаданной сущности, чем обременено бытие, манифестируемое вещами. Как полагает Ж.-П. Сартр, люди в подавляющем большинстве не могут вынести бремени свободы и изо всех сил стараются стать чем-то, то есть, подобно вещам, обрести устойчивую сущность. Однако французский философ думает, что эти попытки тщетны, поскольку если бы свободное существо (ничто) могло стать чем-то, это означало бы, что человек может быть вещью (сущностью) и ничем (свободой) одновременно. «К сожалению, тот факт, что это невозможно, не останавливает нас. Мы продолжаем осуществлять наш безнадежный проект использования свободы, чтобы уйти от нее, чтобы стать чем-то, иметь сущность» [20, с. 136]. И конечно, на этом пути мы не добиваемся успеха. Как быть в этой ситуации? Сартр видит только один выход: реализовывать свою свободу в игре, избегая тем самым унылой серьезности бытия, обрекающей нас на мучения и бесконечную борьбу. Именно игровой по своей сути любительский бег возвращает человеку его самость, аутентичность. Это проявляется в том, что личность больше не пытается спрятаться от своей свободы, она становится способна противопоставить вещной реальности свой способ существования, и ключ к этой подлинности – в игре: «Чтобы быть настоящим человеком, игра так же необходима, как еда, питье и сон. Бег – это древняя и вневременная форма игры, игра, которая может быть одиночной или с другими, игра, которая почти не требует снаряжения или особых условий. Для бега не нужно ни богатства, ни ума, ни образования, и, как я давно убедился, побеждая в детстве на соревнованиях в моем маленьком городе, почти

никакого таланта. Это универсальная форма игры, признанная детьми всего мира» [\[20, с. 138\]](#).

Таким образом, ресурсы экзистенциализма позволяют Х. Л. Рид и Р. С. Рид описать бег как свободно избранную личностью деятельность, посредством которой она обретает истину о подлинно человеческом способе существования и реализует свой потенциал.

Забег вокруг антропологического дуализма

Дж. Дж. Висневски [\[5\]](#) использовал бег как экспериментальный фактор, зависимыми переменными которого являются восприятия мира. Целью этого философского эксперимента было опытное подтверждение идеи М. Мерло-Понти о том, что они обусловлены нашими телесными состояниями. Французский философ пришел к выводу, что человеческое тело не является чистым *объектом*, противостоящим духу – скорее, это способ выражения духа в мире. Дж. Висневски так формулирует свою двуединую цель: «Если бы я позволил своему телу научиться бегать, мир открылся бы мне по-другому» [\[5, с. 36\]](#), которая вводит его в дискурс феноменологических исследований. Результаты исследования не заставили себя ждать уже в начале систематических пробежек: «В дни, последовавшие за стартом моего бегового эксперимента, меня смущали (но не останавливали) боль в мышцах, волдыри, озлобленная собака, дождь и раздражающая медлительность тех, кто не бегают. Как я и предполагал, в первые недели мир действительно раскрылся по-другому, хотя и не так, как я ожидал» [\[5, с. 37\]](#). В восприятии мира начинающим бегуном Дж. Висневски выделяет два этапа. Начальный этап он характеризует с опорой на представления Платона и Аристотеля как *дуалистический*, предполагающий жесткое разграничение души и тела: душа жаждет беговой активности, но тело ей упорно (и зачастую безуспешно) сопротивляется. Платоновский аргумент в пользу этого разделения гласит: одно не может совершать два противоположных действия одновременно: «Как я мог думать об Аристотеле и одновременно бежать? Похоже, если Платон был прав, разные части меня должны были делать две разные вещи: мой разум думал, а тело бежало. Но если бы это было правдой, то воззрения Мерло-Понти оказались в серьезной беде. М. Мерло-Понти, в конце концов, утверждает, что мы – это разумные тела; мы не две разные вещи (разум и тело), которые каким-то образом причинно взаимодействуют. Я начал беспокоиться о своей диссертации, но продолжил бегать» [\[5, с. 39\]](#). Начиная бег, тщательно осмысляющий свои новые психические состояния, отметил, что когда он во время бега думал о механике беговых движений и порождаемых ими телесных процессах, то бежать ему было очень трудно. Однако при увеличении количества и длительности беговых занятий он стал фиксировать, что потребность в контроле тела возникает у него все реже, мысли уже не сосредотачиваются на движениях, времени и расстоянии, становясь свободными, а бежать становится значительно легче. Для него это стало знаком выхода на второй этап – *конвергентный*. Вновь обращаясь к М. Мерло-Понти, Дж. Висневски актуализирует его идею о том, что наше сознание является скорее продуктом того, что мы делаем, нежели того, что мы думаем, т. е. с улучшением наших двигательных способностей меняется и восприятие мира: «мы развиваем навыки, развивая наши тела, и эти воплощенные навыки позволяют нам видеть вещи, которые иначе мы не смогли бы увидеть» [\[5, с. 42\]](#). На этапе развитого бегового навыка тело перестало быть препятствием к достижению целей души, можно сказать, что инструмент (тело) и мастер (душа) синхронизировались в развитой, оптимально осуществляемой *деятельности*, при этом не сливаясь в одно целое. Дж. Висневски отмечает, что эту гармонию души и тела в беге он ощущает только *иногда*, поскольку пока еще он не достиг бегового мастерства:

«Хотя я еще не продвинутый бегун (кончится ли когда-нибудь эксперимент?), я иногда вижу проблески того, что значит быть бегуном, и эти проблески длиннее, чем раньше. И то, что я вижу в эти мгновения, – это мир, которого я раньше не знал, через тело, которого у меня раньше не было» [5, с. 43]. Таким образом, Дж. Висневски экспериментально подтверждает идею о том, что развитое, высокоавтоматизированное беговое действие создает своего собственного субъекта, производя специфические структуры сознания наподобие широко известных в спортивной психологии динамических медитаций и «потока» (которые, естественно, оказывают обратное влияние на тело), что и является *культурным* содержанием беговых практик.

Осмыслению влияния метафизических компонентов на беговую активность посвящена статья **Мишель Мейз** [15]. Для этого исследователь осуществляет мысленный эксперимент: она воображает своего полнейшего по физиологическим параметрам близнеца (называя его «зомби»), начисто лишенного феноменологического опыта и абсолютно чуждого всякой метафизике, и ставит вопрос: смог бы этот «близнец-зомби» исключительно за счет своей физиологии преодолеть марафонскую дистанцию? Размышления на эту тему приводят к отрицательному ответу, что, как полагает М. Мейз, важно для развития философии сознания в следующем аспекте: «...являются ли чувства радости и гордости марафонца, когда он осознает, что установил личный рекорд, просто вопросом нейрофизиологии или же это нечто большее, чем состояния мозга?» [15, с. 194]. Обратим внимание, что воображаемый «зомби» с точностью до молекулы копирует тело марафонца, включая мозг, но при этом начисто лишен феноменологического опыта – уникального характера, детерминированного жизненным опытом и связанного с пережитыми эмоциями, чувствами и прочими психическими состояниями, иногда именуемыми метафизическими, поскольку «феноменальное сознание существа – это нечто, бытийствующее сверх его физической структуры» [15, с. 195]. М. Мейз полагает, что находясь в одной и той же ситуации с существом, наделенным «метафизическим компонентом», его «близнец-зомби» вел бы себя совершенно иначе, иллюстрируя это различие беговыми практиками. Ее позиция такова: «Поскольку феноменальное сознание обладает огромной мотивационной силой, зомби не смог бы пробежать марафон. На самом деле, я думаю, можно было бы сделать еще более сильное заявление о том, что зомби неспособны к подлинной свободе воли, потому что им не хватает необходимой страсти и мотивации» [15, с. 196].

Причинную силу феноменального сознания М. Мейз рассматривает на примере влияния эмоций на марафонцев. Известно, что новички часто совершают ошибку на начальном этапе марафонского бега, когда под воздействием возбуждаемых болельщиками, антуражем и соперниками эмоций преодолевают несколько первых километров намного быстрее запланированного времени, что закономерно негативно сказывается на дальнейшем движении по дистанции. Зачастую быстрее среднего темпа преодолевают и последние километры уже лишенные сил марафонцы, двигаясь по коридору активно поддерживающих их зрителей и предвкушая скорую радость освобождения от страданий на финише. Точно также бегуны ищут дополнительную мотивацию в том случае, если им не хочется выходить на тренировочную пробежку: они представляют, насколько энергичны и счастливы они будут после нее. Нельзя не согласиться с тем, что «действие в значительной степени зависит от воли и желания, и то, что кажется приятным в физиологическом и эмоциональном смысле, сильно влияет на то, к чему мы стремимся и чего хотим» [15, с. 199]. При достижении марафонцем примерно на 30-35 километре гипогликемии («стены» на жаргоне бегунов), лишаящей мозг и мышцы питания за счет глюкозы, растворенной в крови, его «зомби»-аналог, скорее всего, остановится, потому

что такой приказ телу даст центральная нервная система, а противостоять этому приказу может только что-то внетелесное, метафизическое, от чего, как мы помним, «зомби» избавлен. Более того, лишенный эмоции и чувственного опыта «зомби» не будет эффективен при выполнении тренировочных действий, которые многими бегунами воспринимаются как угнетающе монотонные или очень тяжелые. Поясняя это суждение, М. Мейз воображает ситуацию, когда ее молекулярный двойник, имеющий, как и «оригинал», проблемы с коленями, будет продолжать бег в гору несмотря на *особые* ощущения, которые сразу заставят остановиться человека, имеющего память о негативных последствиях, к которыми приводило их игнорирование. Тем самым феноменальное сознание спасает человека от опасных, а порой и непоправимых ситуаций, а его отсутствие может навсегда прекратить беговую активность действующего исключительно на основе мозговых механизмов и износившего свои суставы «зомби». К тому же, «у существа, лишенного страсти <...>, нет причин пытаться стать лучшим бегуном, установить личный рекорд или даже встать с дивана» [\[15, с. 201\]](#). Итоговый вывод автора статьи таков: «Любая адекватная теория сознания должна объяснять метафизическую и причинную связь между феноменальным сознанием, желанием и действием. Я считаю, что марафонский бег со всеми его умственными и физическими требованиями служит ярким примером таких связей, требующих дальнейшего объяснения» [\[15, с. 205\]](#).

Чарльз Талиаферро и Рэйчел Траубер [\[23\]](#) используют анализ беговых практик для рассуждений о двух антропологических моделях, имеющих многовековые традиции обоснования в рамках философского дискурса, – холизме и дуализме. Цель их исследования такова: «...мы рассмотрим аргументы за и против дуалистического взгляда на бег и на человеческую природу в целом. Мы предполагаем, что, хотя крайняя форма дуализма несостоятельна, также несостоятельно и полное игнорирование различия между разумом и телом. Наше эссе, таким образом, представляет собой скромную защиту греко-римской философской традиции, утверждающей, что душа или разум отличны от тела. Но хотя они и разные, они при этом глубоко переплетены. <...> Наши аргументы в пользу защищаемой позиции будут частично основаны на беговом опыте» [\[23, с. 206\]](#). Антропологический дуализм авторы понимают как точку зрения, согласно которой психическое в человеке (желания, мысли, эмоции и т. п.) имеет иную природу в сравнении с физическим в человеке (тело в целом и его части). Термин «холизм» они используют для обозначения представления о том, что человек есть его тело, «с этой точки зрения душа есть тело» [\[23, с. 206\]](#). При этом исследователи отвергают крайние выражения дуализма (тело как средство передвижения души) и холизма (вульгарный материализм), пытаясь найти на примере беге точки соприкосновения «здоровых» версий этих философских концепций.

Ч. Талиаферро и Р. Траубер для обоснования своей позиции предлагают ответить на такие вопросы: бегут только ноги или люди как целое? Чем восхищаются зрители, когда наблюдают превосходного бегуна? Очевидно, что они восхищаются публичным выступлением *целостного человека*, видимым исполнением доведенной до совершенства беговой локомоции, мастерским проявлением умения. Грациозный, изящный, экономичный бег есть телесное (и только телесное!) выражение как физической стороны бега, так и психических состояний бегуна (например, знания им теории оптимального бегового движения), нам недоступен нетелесно (в широком смысле этого слова) выраженный дух. Однако эта холистическая позиция не противоречит умеренному дуализму, полагающему, что «хотя существует подлинное различие между ментальным и физическим, они могут быть настолько связаны друг с другом, что функционируют как

единое целое» [\[23, с. 212\]](#). Авторы полагают очевидным, что бег включает в себя нечто большее, чем мышцы, кости, мозг, кровь, сердце и пот: «в дополнение к физическим измерениям бега существует ментальный мир намерений, решений, ощущений, планов и так далее» [\[23, с. 213\]](#). Личный беговой опыт подсказывает Ч. Талиаферро и Р. Траубер, что, с одной стороны, дуализм должен приспосабливаться к холистическому тезису о том, что мы в любом своем действии являемся цельными существами, а с другой стороны, холизму необходимо уделять больше внимания субъективному (т. е. духовному) опыту. Таким образом, объединяя телесное и ментальное, их не следует отождествлять: «Бег не имеет смысла, если понимать его преимущественно как психическое, но он также не имеет смысла, если думать о нем как о преимущественно физическом. Боль и возбуждение имеют физиологическую основу, но это не то же самое, что физиология; чтобы справиться с болью и возбуждением, нам нужно выйти за пределы физиологии и включить психологию. Это сочетание целостного и дуалистического понимания мы называем холистическим дуализмом» [\[23, с. 218\]](#). Совершенствование человека во всех сферах деятельности, включая бег, авторы усматривают в достижении максимальной координации, гармонии души и тела, ментального и физического. Обоснованность позиции «холистического дуализма» иллюстрируется, по мнению исследователей, способностью бегуна перед стартом сосредотачиваться на своих планах и переживаниях («бытие в духе»), достигать состояния «безмыслия» в отрешенном, медитативном высокоавтоматизированном беге («бытие в теле»), а также целенаправленно, акцентировано сопрягать дух и тело, например, в рамках тренировочного процесса при обучении специальным беговым упражнениям: «холизм, как и дуализм, подтверждается многомерным ментальным/физическим взаимодействием как в интеграции, так и в разбивке» [\[23, с. 219\]](#). В итоге своих размышлений Ч. Талиаферро и Р. Траубер приходят к выводу, что «холистический дуализм позволяет понять, что в этой жизни мы функционируем как интеграция разума и тела, а также понять, что Платон в своем диалоге о Федоне может, в конце концов, быть прав в отношении жизни и смерти. Возможно, что смерть тела не обязательно является концом пути для души бегуна» [\[23, с. 219\]](#).

Бег – это прекрасно!

Кристофер Мартин [\[14\]](#) рассматривает беговую активность в аспекте порождения ею эстетического опыта. Для обоснования своей позиции он обращается к труду виднейшего представителя прагматизма Джона Дьюи «Искусство как опыт» (1934). Согласно Д. Дьюи, традиционная философия считает эстетически значимым нечто идеальное, оторванное от повседневного опыта, это своего рода убежище от несовершенства мира обыденности, различных изъянов и нестроений вещей и тел. Дьюи объясняет отделение эстетического от повседневной жизни тем, что современное ему общество ценит интеллектуальную деятельность больше физического труда, следствием чего является пренебрежительное отношение к телу. В этом контексте эстетичность бега проявляется в совершенной форме движений гармонично сложенного бегуна, который тем самым превращается в живую скульптуру. Возможно, какие-то бегуны и близки к этому идеалу, но означает ли это, что миллионы обычных людей, увлеченных бегом и далеких от описанных совершенств, в своей беговой деятельности находятся вне ее эстетического измерения? К. Мартин полагает, что Д. Дьюи определенно ответил бы нет, поскольку он обосновал связь между эстетическим и повседневным опытом, компонентом которого является любительский бег. Чувства, относящиеся к эстетическим, возникают у человека тогда, когда он достигает равновесия, баланса, гармонического соотношения с окружающей средой: «Для Дьюи эта борьба за достижение равновесия между собой и

окружающей средой о определяет суть эстетического опыта. <...> Подумайте о широком спектре эмоциональных состояний, через которые мы проходим, сталкиваясь с ситуациями в нашей повседневной жизни, как хорошими, так и плохими. Жизненный опыт становится источником тех выразительных и эмоциональных моментов, которые позволяют нам не только опознавать, но и создавать искусство» [\[14, с. 174\]](#).

В этой связи проясняется эстетическое содержание беговых практик, которое заключается в том, что бег (за исключением использования беговых тренажеров) – это опыт приспособления тела к окружающей среде в ее широком понимании: погоде, трассе, различным объектам, которые бегущий встречает на своем пути, и т.п. К. Мартин отмечает, что отношения между окружающей средой и организмом при беге более разнообразны и глубоки, чем во многих других видах деятельности, что обеспечивает ему «интенсивную жизненную силу» как основу эстетического опыта, согласно Д. Дьюи. Эта интенсивность обусловлена постоянным чередованием «беспорядка и равновесия» отношений с окружающей средой, что и вызывает глубокий эмоциональный отклик как важнейшее условие эстетического. Действительно, в беге сочетаются моменты комфорта, когда мы бежим по знакомой, ровной, безопасной местности как бы автоматически, медитируя и «выпадая» из реальности, и элементы напряженной работы, связанной, к примеру, с соревновательным бегом, с бегом в гору, бегом по песку, снегу, льду, против сильного ветра. В то же время многие другие виды деятельности не дают нам такого полного опыта соприкосновения с миром, поскольку протекают в зоне максимального комфорта, они эргономичны, рутинны, скучны, отсюда и вывод о том, что от эстетического нас отделяет «современный образ жизни, который значительно сокращает практики, необходимые для возникновения эстетического опыта» [\[14, с. 177\]](#).

К. Мартину важно подчеркнуть значимую для прагматизма *деятельную* природу эстетического опыта бегуна, который является не пассивным созерцателем прекрасного, а творцом своего отношения к миру, наподобие художника, создающего картину: атлет лично организует свой бег, эмоционально переживает его перипетии и достигает самостоятельно установленной конечной точки. Таким образом, «...все существо бегуна вовлечено в создание эстетического опыта» [\[14, с. 179\]](#), эксплицируемого с использованием ресурсов философии прагматизма.

Марта С. Нуссбаум [\[18\]](#), размышляя в рамках аналитической философии, исследует проблему соотношения эмоций и языка на примере музыки в следующей формулировке: можно ли считать, что музыка выражает эмоции своеобразными динамическими и ритмическими средствами, представленными вне языкового оформления? Иными словами: можно ли полагать, что все мысли (если допускать, что эмоции их содержат) существуют только в оболочках естественных языков? «Настоящая проблема здесь заключается в том, что я могла бы назвать языковым империализмом, который состоит в полагании того, что весь интеллект по своей сути лингвистичен» [\[18, с. 187\]](#). Это, конечно, не значит, что танец, изобразительное искусство, музыка и т. п. имеют языковую природу, но это предполагает, что для их осмысления они нуждаются в перекодировке в знаки естественных языков, хотя это и связано с издержками перевода. Для решения данной проблемы М. С. Нуссбаум обращается к личному беговому опыту: «... бегуны знают, что не все эмоции словесны или легко озвучиваемы. У тела есть свои способы восприятия мира, которые часто берут верх над языком, когда человек входит в ритм. Радость – это способ видения мира, в котором все тело, кажется, устремляется вперед к тому, что глаза видят как хорошее. Примером страстного желания является напряжение мышц и сухожилий для достижения предполагаемой цели» [\[18, с. 188\]](#). Подобно *телесно*

фиксируемым беговым эмоциям, которые нельзя адекватно представить словами, минуя физический опыт их переживания, музыка также выходит за пределы словесных фиксаций: вряд ли возможно пересказать, к примеру, эмоции, воплощенные в симфонии Баха. Музыка способна передавать их тончайшие оттенки и контаминации, для которых у нас просто нет слов, подобно тому, как нет слов и для точной передачи специфических состояний и переживаний бегуна, опыт которого и позволяет М. С. Нуссбаум противостоять «языковому империализму».

Кто эти люди и зачем они куда-то бегут?

Раймонд Дж. ван Аррагон ^[1] размышляет о различиях между бегуном (имеется в виду любитель спорта, много тренирующийся и участвующий в соревнованиях) и джоггером, который бежит только для здоровья. При этом «существенными для джоггеров и бегунов являются их мотивы, фундаментальные причины, по которым они регулярно выходят из дома и бегают, а не лежат на диване и смотрят телевизор. Бегун и джоггер бегают, преследуя разные цели, и именно это делает их такими, какие они есть» ^[1, с. 46]. Автор статьи обращает внимание на то, что многие бегуны снисходительно относятся к джоггерам, считая их «вторым сортом» любителей бега, и видит свою задачу в апологии последних. Для этого исследователь анализирует цели, мотивации и риски двух указанных видов любителей бега.

Обращаясь к бегунам, Р. Дж. ван Аррагон различает два их типа, которые называет «бегуны-призеры» и «бегуны-испытатели» (challenge runners). Как ясно из названий, первые бегают ради наград, они мотивированы «главным образом соблазном медалей, трофеев и, возможно, денег, а также восхищением и славой, которые приходят с победой или высоким местом в гонках» ^[1, с. 47]. При этом многие спортсмены этого типа заканчивают беговые занятия, когда осознают, что их надежды на награды становятся беспочвенны. Особенно часто это касается юных бегунов, которые уверенно побеждали на школьных соревнованиях, а затем, поступив в университет, поняли, что в среде студенческого спорта они неконкурентоспособны. Точно также университетские звезды оказываются несостоятельными в забегах с профессионалами. «Если человека мотивируют только призы, он может бросить бегать задолго до того, как его остановит его тело, и при этом отказаться от всех других преимуществ, которые может дать регулярный бег на протяжении всей жизни» ^[1, с. 49]. Также к рискам бегунов-призеров автор статьи относит *гордыню* как скрытое желание постоянно испытывать превосходство над другими и приемлемость *нечестных* способов ведения борьбы (например, употребление допинга) ради достижения победы.

Второй вид бегунов («испытатели») участвует в соревновании не ради наград, а ради победы над самим собой, их цель – установить личный рекорд или занять более высокое место в абсолютном зачете или в своей возрастной группе, нежели, к примеру, в этом же забеге в прошлом году. «Люди, не занимающиеся бегом, как правило, смотрят на бегунов-испытателей, особенно на тех, кто бежит довольно медленно и тяжело, со смесью восхищения и недоумения: восхищения из-за потрясающей самомотивации, которую они демонстрируют, и недоумения из-за того, как много страданий они себе причиняют, желая получить то, что кажется таким незначительным вознаграждением» ^[1, с. 48]. Рисками этого вида бегунов являются, во-первых, разочарования в себе в случае недостижения опрометчиво поставленных слишком высоких целей. Отсюда следует, что бегунам-испытателям «...нужно выдерживать сложный баланс между своими целями: они должны быть достаточно высокими, чтобы мотивировать, но при этом их высота не

должна быть чрезмерной, чтобы эти цели были реалистичными» [1, с. 51]. Во-вторых (и эта проблема является общей для обоих видов бегунов) – склонность к перетренированности, когда высокомотивированные бегуны-любители наивно предполагают наличие прямой зависимости между тяжестью тренировок и беговым результатом, тем самым выходя за пределы возможностей своего тела и иногда подрывая здоровье. Третья проблема – *одержимость* бегом, когда человек приносит ему в жертву экзистенциально значимые составляющие жизни, такие как семья, карьера или учеба.

Как полагает Р. Дж. ван Аррагон, джоггеров, в отличие от бегунов, «регулярно бегать мотивирует желание развивать добродетельные привычки и укреплять собственное психическое и физическое здоровье. И они делают это, потому что здоровье и добродетель, достижению которых способствует бег, помогают им хорошо выполнять свою работу и приносить пользу тем, с кем они общаются» [1, с. 53]. Однако и у такого вида бега есть проблемы, которые связаны со стимулами. Гораздо легче быть мотивированным конкретными целями, которые преследует бегун, нежели абстрактными ценностями здоровья и добродетели. Бег в соответствии с ценностями джоггера требует развитой силы воли и строгой дисциплины, что не всем доступно. Недаром многие успешные стайеры после завершения спортивной карьеры так и не могут стать джоггерами, поскольку разделяют не всегда коррелирующие с добродетелью ценности, а также имеют слабо развитую волю к самоопределению в связи с многолетней необходимостью жестко подчиняться планам тренера. Р. Дж. ван Аррагон, как бывший спортсмен, очень надеется, что ему со временем удастся «перековать» себя на джоггера, полагая это «поистине великолепным достижением» [1, с. 55], не хуже побед в престижных гонках. Вывод автора статьи можно представить такой сентенцией: «Короче говоря, джоггеры бегают потому, что бег помогает им жить хорошей жизнью, и я не могу придумать лучшей причины для бега, чем эта» [1, с. 53].

Кевин Кингхорн [10] задается вопросом о том, что мотивирует многих людей на ранние утренние пробежки. Личная проблема автора статьи заключается в том, что он не может выдержать больше недели такого бега, в то время как его жена, тоже любитель спорта, не пропускает ни одной из них, постоянно подшучивая над часто находящим «веские» причины не бегать по утрам мужем. Размышления над мотивацией к утреннему бегу привели К. Кингхорна к разделению бегунов на три группы: «Во-первых, есть такие люди, как я, которые, вставая рано утром, на каждом шагу борются с искушением прекратить то, что они делают, и вернуться в постель. Во-вторых, есть такие люди, как мой дядя, которые просыпаются и решают, стоит ли бежать, но как только они примут свое решение, они легко и без колебаний следуют ему. В-третьих, есть такие люди, как моя жена, для которых весь процесс происходит по привычке и без какой-либо мысли о том, что они могут решить не бегать в этот день» [10, с. 82]. Автор статьи полагает, что с философской точки зрения эти три типа бегунов интересны тем, что позволяют осознать разницу между спонтанными решениями и преднамеренными действиями.

Первую группу бегунов, к которой К. Кингхорн относит себя, он называет «постоянными борцами», которые перед каждым, даже самым незначительным, действием обдумывают все альтернативы. Вторая группа – это «лица, принимающие единственное решение»: все варианты обдумываются только один раз, перед самым совершением действия, после чего формируется окончательное решение и все дальнейшие поступки осуществляются в его русле, поэтому «философы, анализирующие человеческие действия, обычно называют эти последующие шаги «преднамеренными действиями»» [10, с. 84]. Третья

группа бегунов – это «бегуны по привычке», которые *достаточно давно* пришли к мысли систематически бегать и теперь делают это как бы автоматически, не принимая ежедневных решений бежать им сегодня или нет.

Далее К. Кингхорн размышляет над установками сознания, благодаря которым бегуны распределяются по этим трем группам, особое внимание уделяя вожакам для себя третьей группе, представители которой бегают по утрам чаще двух других. Как же попасть в эту третью группу и тем самым избежать насмешек супруги? Первый способ – через привычку, недаром Аристотель полагал, что состояние характера возникает в результате повторения сходных действий: «Мы становимся справедливыми, совершая правильные действия, сдержанными, совершая умеренные действия, храбрыми, совершая смелые поступки» [\[10, с. 87\]](#). Для тех, у кого не хватает силы воли довольно долго вырабатывать привычку, есть еще один путь: глубокое переживание. К. Кингхорн приводит некоторые примеры подобных переживаний. Так, кардиолог может сказать человеку, что, если он не будет заниматься ежедневными физическими упражнениями, то не проживет больше шести месяцев. Или юноша может быть настолько воодушевлен просмотром драматического забега на Олимпийских играх, что решит и сам когда-нибудь стать бегуном-олимпийцем. Однако в итоге своих размышлений автор приходит к выводу, что первоначально глубокие переживания со временем неизбежно теряют свою остроту, поэтому более надежен аристотелевский путь вырабатывания привычки. К. Кингхорн завершает свою статью обещанием: «Итак, сегодня я торжественно заявляю о своем решении каждый день присоединяться к жене на утренней пробежке! Это сразу станет привычкой, от которой я даже не собираюсь отказываться! (Но пожелайте мне удачи. Моя жена, которая хорошо меня знает, уже хихикает, читая это)» [\[10, с. 88\]](#).

Наш бог – бег?

Джеффри П. Фрай [\[25\]](#) начинает свое эссе такими словами: «Я отношусь к бегу как к религиозной практике. На момент написания этой главы я только что преодолел рубеж четырехлетнего бега без единого пропущенного дня» [\[25, с. 57\]](#). В этой связи понятны вопросы, на которые ищет ответы автор исследования: «В каком смысле уместно говорить о религиозном беге? Является ли бег религией? Каковы религиозные качества и в чем заключается религиозное использование бега? Наконец, могут ли страдания, которые часто сопровождают бег, свидетельствовать об интригующей связи между религией и бегом?» [\[25, с. 58\]](#).

Давать ответы эти вопросы Д. П. Фрай начинает с указания на разноречивость определений религии и спорта, отсутствие их общего понимания научным сообществом. В этой связи он предлагает выделить некоторые парадигматические элементы спорта и религии и искать их структурные и функциональные параллели на примере соотношения бега и религиозной деятельности.

Так, религиозным традициям присущи ритуалы, мифы и прославления героев (в том числе святых) или Бога (богов). Американский философ предлагает рассматривать бег как спортивный ритуал, который характеризуется (особенно в ситуации престижных массовых пробежек) такой же пышностью и помпезностью, как праздничные службы в храмах, сопровождаясь традиционными действиями бегунов, имеющими для них символическую значимость (например, порядок надевания элементов беговой экипировки). У бегунов есть своя мифология (в частности, якобы обязательность статической растяжки перед бегом), есть легендарные личности («герои»), чьи достижения кажутся почти сверхъестественными, есть «святые» наподобие мест

выдающихся беговых побед, а спортивный дневник может быть уподоблен литургическому календарю.

Функции религии весьма многообразны и варьируются от поддержания порядка в космосе до привлечения помощи сверхъестественных сил для обеспечения защиты, успешности деятельности и спасения души человека. Религиозная практика может также вызывать измененные состояния сознания (например, молитвенный экстаз), благодаря которым верующий оказывается вне времени и пространства своего земного «я». Очевидно, что систематические беговые занятия также делают человека дисциплинированнее, что позволяет ему навести порядок в своей жизни, бегуны способны впасть с состояние динамической медитации, некоторые стайеры рассказывают о посещающих их только во время бега инсайтах, позволяющих найти решение сложных проблем. Не следует забывать, что на первых Олимпийских играх Античности, посвященных Зевсу, бег был единственным видом состязаний (т. е. ритуалом), также известны японские «монахи-марафонцы», исповедующие буддизм и использующие бег для достижения просветления через преодоление страданий, порождаемых многодневными длительными беговыми практиками (ритуал "сеннити кайхогё") .

С давних времен в рамках теодицеи религия стремится оправдать страдания и придать им сакральную положительную значимость. С одной стороны, страдание есть последствие грехопадения, это наказание (Августин Блаженный), но с другой – это возможность искупления греха, страдание дает возможность проявить и развить положительные черты характера, следовательно, страдание может стать поводом для «созидания души» (св. Ириней). В спорте страдание также нередко оценивается положительно, поскольку расхожей является фраза: «нет боли – нет результата». Связь беговой активности со страданием является очевидной, недаром некоторые тренеры с воспитательными целями «назначают бег карательными дозами» [\[25, с. 67\]](#). Однако для миллионов любителей физической активности бег – это *добровольная* форма страдания, которая, подобно религиозным практикам, используется для достижения не только телесного, но и духовного благополучия. Хорошо понимающие на личном примере что такое боль, бегуны становятся особенно отзывчивыми к страданиям других людей, прилагая все силы к их облегчению, например в форме организации благотворительных забегов, что, конечно же, коррелирует с благотворительной деятельностью религиозных структур. В итоге своих размышлений Д. П. Фрай приходит к следующему выводу: «Таким образом, даже если бег не является по своей сути религиозной практикой, он все может быть наполнен религиозным смыслом и целями» [\[25, с. 68\]](#).

Дж. П. Морленд – философ и теолог, имевший на момент выхода коллективной монографии 35-летний стаж любительского бега, посвящает свое исследование [\[16\]](#) определению разновекторного влияния беговой активности на духовное развитие личности. По его мнению, Zeitgeist современного Запада определяет борьба этического монотеизма (прежде всего – христианства), научного натурализма и постмодернизма. Вполне естественно, что будучи христианским теологом, Дж. П. Морленд негативно относится к двум последним направлениям философской мысли, упрекая натуралистов в сциентизме, а постмодернистов – в крайнем релятивизме, вследствие чего «повсеместное отрицание натуралистами и постмодернистами истины и рациональности за пределами точных наук лишило многих людей надежды на то, что можно открыть истинные, рационально обоснованные формы мудрости, которые помогут им в процветающей жизни. В результате люди обратились к эмоциям и удовлетворению желаний как к решающим факторам принятия мировоззрения и подхода к жизни. Такой

подход к жизни создал условия для появления нового типа личности, который, как утверждают психологи, в масштабах эпидемии присутствует в американском обществе. Этот тип личности называется *пустым я* (the empty self)» [16, с. 152-153]. К основным чертам этой личности автор статьи относит, во-первых, индивидуализм (а зачастую – эгоизм) и нарциссизм, а во-вторых – постоянное стремление к «чувству приятного удовлетворения», которое отождествляется со счастьем. Связь двух этих особенностей определяется следующим образом: «Если счастье – это внутреннее чувство веселья или приятного удовлетворения, и если это наша главная цель, то на что люди будут направлять свое внимание каждый день? Очевидно – только на себя, результатом чего будет культура людей, которые не могут жить ради чего-то большего, чем они есть» [16, с. 154]. Именно в рамках такого понимания счастья и центрирования своих усилий многие люди занимаются любительским бегом, ставя перед собой цели поддержания здоровья и сексуальной привлекательности, то есть удовлетворяя исключительно телесные желания: «не случайно возникновение пустого «я» и чрезмерная озабоченность физическими упражнениями и бегом трусцой совпадают (по времени появления – С.К.) [16, с. 154]».

Считая рассмотренную выше мотивацию к беговым занятиям следствием деградации личности, Дж. П. Морленд предлагает вернуться к «классическому» определению счастья: «Со времен Моисея, Соломона, греческих философов Платона и Аристотеля, отцов церкви, таких как Августин, через Реформацию и примерно до 1700-х годов в Британии почти все соглашались в том, что счастье – жизнь в мудрости и добродетели. <...> чтобы добиться прогресса в счастье, понимаемом таким образом, необходимо знать о неэмпирической природе ценностей, добродетелей, телеологических целей и природы объективного знания» [16, с. 153]. Опираясь на личный беговой опыт, автор статьи полагает, что любительский бег может быть способом приобщения человека к духовным дисциплинам, средством воспитания мудрых и добродетельных людей. Для обоснования своей позиции Дж. П. Морленд раскрывает значение четырех слов, нередко встречающихся в Библии:

- привычка: укоренившаяся склонность действовать определенным образом;
- характер: сумма привычек, причем как хороших, так и плохих;
- тело (soma): физическое выражение человека;
- плоть (sarx): греховные склонности (привычки), которые обитают в теле и природа которых противоположна природе Царства Божьего.

В аспекте любительского бега их применение выглядит следующим образом: «Когда человек занимается бегом, у него появляется «беговой характер», то есть сумма полезных и вредных привычек, релевантных бегу. «Плоть» для бега трусцой – это сумма вредных привычек, связанных с бегом. Где живут эти вредные привычки? Они обитают как укоренившиеся склонности в определенных частях тела, в его отдельных членах. Способности к бегу могут быть ослаблены вредными привычками в ногах, плечах или где-то еще» [16, с. 157].

Чтобы развить хороший беговой характер, который станет ступенькой к правильно понимаемому счастью, мало читать новости из мира бега или слушать мотивирующую беговую музыку. Человек должен предоставить свое тело тренеру либо довериться упражнениям из авторитетных беговых книг, чтобы с их помощью на основе

долговременных практик устранить вредоносную плоть из формируемого тела бегуна. «Параллели с достижением успеха в жизни должны быть очевидны. Когда кто-либо представляет свое тело Богу в жертву живую (Рим. 12:1), это включает в себя не только разовое посвящение, но и привычное, повторяющееся телесное упражнение (1 Тим. 4:7-8; 1 Кор. 9:24-7) с участием определенных частей тела (Рим. 6:12-13,19), что приводит к уничтожению вредных привычек (Кол. 3:5), т. е. удалению плоти, которая находится в этих частях тела, и замене ее праведностью, обитающей в членах тела» [\[16, с. 158\]](#).

В этой связи развитие беговых способностей с *правильной целью* может стать базой и для духовного совершенствования. Дж. П. Морленд проводит такую аналогию: как плоть бега трусцой обитает, например, в неправильном положении верхней части корпуса («в плечах»), так и греховные привычки часто обитают в определенных частях тела, например гнев – в области сердца, сплетни – в области языка и рта, похоть – в глазах и т. п. И избавляться от греховной плоти нужно также, как это делают бегуны, – при помощи долговременно осуществляемых *духовных упражнений*, к которым относятся дисциплины воздержания (уединение, безмолвие, пост, бережливость, целомудрие, скрытность, жертвенность) и дисциплины участия (изучение, поклонение, празднование, служение, молитва, общение, исповедь, подчинение). Теолог неоднократно подчеркивает важность именно *телесных* практик для формирования хорошего характера, поскольку они позволяют душе человека подчинить себе тело, преодолеть силой воли его сопротивление (в этом смысле бег выступает как элемент дисциплины воздержания), а также способствуют физической крепости для более длительного и менее утомительного практикования дисциплин участия, подобно тому, как навык уединения способствует большей духовной «эффективности» поста.

Вывод исследователя таков: «Есть хорошие и плохие новости о беге трусцой. Как выражение пустого «я», он порабощает людей, упорствующих в неправильном подходе к жизни. Это равносильно бегу на месте <...> Но как часть жизни, направленная на достижение добродетелей, он может стать полезным для достижения очень высоких целей. Такой бег я называю бегом к правильному месту» [\[16, с. 160\]](#).

Беговой инструментарий: цели и средства

Грегори Башем в своей статье [\[2\]](#) соотносит со стайерскими беговыми практиками концепцию «Семь составляющих успеха», разработанную американским философом Томасом В. Моррисом. Особенностью отношения к философии Т. В. Морриса является разочарование в ее аналитической традиции как оторванной от жизни и стремление раскрыть *практическую* значимость философского знания. Г. Башем так объясняет главную задачу своего исследования: «В этом эссе я объясню, как «Семь основных принципов успеха» Морриса могут помочь любому бегуну достичь своей физической формы и соревновательных целей» [\[2, с. 22\]](#).

1. Первый принцип: *четкое представление своей цели*. Когда бег не доставляет удовольствия, например из-за слишком большой усталости или плохой погоды, то именно главная цель беговой активности мотивирует и дисциплинирует атлета, максимизирует его потенциал.

2. Второй принцип: *уверенность в возможности достижения своей цели*. Победителями во всех сферах жизни становятся те, кто верит в себя. «Сколько раз вы видели, как кто-то терпит неудачу из-за того, что он был полон неуверенности в себе? Что потом говорят? «Я так и знал»» [\[2, с. 24\]](#). Г. Башем приводит примеры бегунов, которые не

прогрессировали в своих результатах только потому, что считали достижение следующего уровня бегового мастерства невозможным для их скромных способностей. Однако после применения тренером различных способов воодушевления, убеждения их в обратном бегуны без изменения методики тренировки добивались высоких показателей, подтверждая тем самым максимум Марка Аврелия, гласящую, что наша жизнь такова, какой ее делают наши мысли.

3. Третий принцип: *концентрация на том, что нужно для достижения цели*. Распыляющий свои силы во все стороны человек подобен автомобилю, который пытается одновременно ехать по всем направлениям, в итоге не двигаясь с места. «Цена потери концентрации может быть слишком высокой, что понял австралийский бегун Рон Кларк на Олимпийских играх 1964 года в Токио. Кларк, обладатель мирового рекорда на девяти дистанциях, был абсолютным фаворитом в беге на 10 000 метров. За три дня до финала он выбежал на дорожку, чтобы провести легкую тренировку. Поймав вдохновение, он начал бежать все быстрее и быстрее <...>, его время на четырех милях было неофициальным мировым рекордом. Полмили спустя, уступив мольбам других австралийских бегунов, Кларк сбавил скорость и закончил тренировку. Однако ущерб себе уже был нанесен. В финале он занял разочаровывающее третье место. Потеря концентрации означала для него поражение в соревновании» [\[2, с. 25\]](#).

4. Четвертый принцип: *решительность и настойчивость для достижения цели*. Упорство – это главная «фишка» атлета, в финальных забегах крупнейших соревнований бегут спортсмены экстра-класса, чьи результаты относятся к одному уровню, и побеждает в итоге самый упорный. История спортивного бега полна примеров того, как упавшие или вынужденные кратковременно перейти на шаг из-за внезапной острой боли стайеры (не говоря уже о случаях крайней усталости) находили в себе силы не просто закончить дистанцию, но иногда и выиграть соревнование. При этом Г. Башем предупреждает от *неразумного* упорства, которое приводит бегуна к перетренированности во всем многообразии ее негативных эффектов.

5. Пятый принцип: *эмоциональная поддержка своего движения к цели*. Г. Гегель писал о том, что ничто великое в мире не совершалось без страсти. Однако возникает проблема долговременного поддержания этого эмоционального запала, который нередко гасится монотонностью беговой локомоции. Г. Башем предлагает два способа возобновления бегового энтузиазма: воображение будущей радости от достигнутого результата и азарт от постановки для себя все более высоких целей.

6. Шестой принцип: *хороший характер, удерживающий нас на правильном пути*. Т. В. Моррис отметил две важные связи между добродетелью и успехом: во-первых, хороший характер может и не быть необходимым для утилитарных достижений или успеха, лишенного этической составляющей, но он необходим для того, что Т. В. Моррис (вслед за Аристотелем) называет «истинным успехом», который приносит глубокое удовлетворение, включает в себя максимальное использование нашего потенциала, способствует здоровью и проявлению высших ценностей. Во-вторых, в большинстве случаев хороший характер либо необходим, либо по крайней мере полезен для достижения *долгосрочного* успеха. «Определенные качества характера абсолютно необходимы для успеха в беге. Без таких добродетелей, как целеустремленность, мужество, самодисциплина, настойчивость, надежность, последовательность <...>, никто не может реализовать свой потенциал в качестве бегуна. Благодаря практике и привычке бег может помочь нам развить эти добродетели» [\[2, с. 30\]](#), которые, безусловно, будут важны для побед и в других сферах жизни. Добродетельный человек

привлекателен своей честностью и надежностью, он может рассчитывать на коллаборации с другими такими же людьми, что является важным условием правильного образа жизни и жизненного успеха в целом. Это обеспечивает особенное отношение общества к людям, доказавшим силу своего характера в честном преодолении стайерских дистанций.

7 . Седьмой принцип: *наличие способности получать удовольствие от процесса на протяжении всего пути к цели.* Большинство бегунов бегают не для того, чтобы похудеть, а потому, что им это нравится, учитывая продуцируемые во время бега организмом эндорфины, иначе называемые «гормонами счастья». Бегуны ярко демонстрируют так называемый гедонистический парадокс, согласно которому самые счастливые люди те, кто не стремится к счастью, делая его своей целью, а испытывает счастье как «побочный продукт» своей обычной деятельности. Действительно, любители бега «... находят счастье через пот, жертвы и борьбу. Для большинства небегунов это полная загадка. Машина обгоняет одинокую бегунью на пустынной дороге – легкие горят, колени болят – и пассажиры качают головами. Зачем кому-то это делать, удивляются они. Бегунья, в свою очередь, едва замечает машину. Для нее реальность – эта дорога, этот момент, это чувство. Скоро она вернется в мир дедлайнов, занятий на фортепиано и бесконечных стирок. Но на данный момент нет ничего, кроме этой дороги, этого чувства целостности, этого дзенского непринужденного усилия. Для нее путешествие и пункт назначения слились воедино. Счастье сейчас» [2, с. 32]. Г. Башем заканчивает свою статью примером успешного применения «Семи составляющих успеха» в личном опыте марафонского бега, подтверждая тем самым эффективность рекомендаций Т. В. Морриса.

Крис Келли [9] осмысляет феномен *беговой боли*, с которой у многих людей в первую очередь ассоциируется бег. Цель исследователя нетривиальна – обосновать ее положительную значимость для любителей бега. Автор статьи начинает с разграничения инструментальных и внутренних ценностей, полагая под первыми ценности-средства (скажем, беговая обувь), а под вторыми – ценности-цели (к примеру, личный рекорд на марафоне). Наиболее известная теория внутренних ценностей – это гедонизм. «Гедонисты утверждают, что только удовольствие по своей сути хорошо, и только боль по своей сути плохо. <...> Почти никто не ненавидит удовольствия; почти никто не любит боль. Подобного единодушия нет в отношении большинства ценностей» [9, с. 92]. Гедонисты полагают, что заниматься нужно тем, что доставляет наибольшее удовольствие, избегая того, что причиняет боль и страдания. При этом они различают временное, частичное удовольствие (например, опьянение) и долговременное удовольствие (здоровье).

С позиций гедонизма сопряженный с физическими страданиями бег следует рассматривать как *инструмент* достижения долговременных удовольствий. Мудрый гедонист использует сократовское «искусство измерения», чтобы сделать правильный выбор. «Искусство измерения – это способность видеть вещи по их реальной ценности, независимой от их текущей видимости. Судя по внешнему виду, полная Луна на небе представляет собой гораздо больший объект, чем любая из звезд; но астрономы, специалисты в области астрономических измерений, говорят нам, что Луна меньше каждой звезды, которую мы можем увидеть невооруженным глазом. Искусство измерения. Что значит небольшая боль, если я, претерпевая ее, буду жить на пять лет дольше и получу разных удовольствий еще на пять лет? Что такое небольшая боль, если я тем самым избегаю большой боли сердечного приступа? Что такое небольшая боль сейчас, если позже я получу огромное удовольствие от победы в гонке? Искусство измерения» [9, с. 93-94].

Однако часто люди бегают не только ради славы или пользы для здоровья. Для многих главная причина – получение удовольствия от бега. Они полагают, что итоговое удовольствие перевешивает беговые страдания. При этом важно помнить, что иногда сама боль имеет инструментальную ценность. «Спросите себя: если бы бег всегда был легким занятием, был бы он так же ценен для вас?» [\[9, с. 95\]](#). К. Келли полагает, что трудность бега, причиняемая им боль являются частью его ценности, поскольку тем самым бег закаляет характер, и сам процесс этой закалки через преодоление боли доставляет удовольствие. Сверх того, иногда боль для бегуна может быть приятной и даже желанной, поскольку она свидетельствует о развитии его мышечной системы. Тем самым бегуны, как и другие спортсмены, полностью изменяют эволюционное значение *некоторых видов* боли: она не всегда знак угрозы для организма, иногда это симптом его совершенствования. Таким образом, заключает Крис Келли, сопряженный с физическими страданиями бег вполне совместим с гедонизмом, а боль бегуна в оптике «искусства измерения» имеет положительную значимость как для физического, так и для духовного развития атлета.

Уильям П. Кабасенч [\[7\]](#) пишет свою статью как развернутый ответ на вопрос своего друга Франклина. Суть вопроса такова: согласился ли бы ты использовать эритропоэтин (сокращенно ЕРО, улучшает доставку кислорода к мышцам, тем самым повышая выносливость, является допингом), если бы его признали законным и безопасным для здоровья, чтобы кардинально повысить свои беговые результаты и испытать, что такое, к примеру, пробежать две мили близко к мировому рекорду – быстрее восьми минут?

Для формулировки своего ответа У. П. Кабасенч обращается к идеям одного из самых известных представителей философского коммунитаризма А. Ч. Макинтайра, касающимся его понимания практики, а также внутренних и внешних благ. Практику А. Ч. Макинтайр трактует как сложную форму социальной деятельности наподобие игры в футбол, рисования или сельского хозяйства. Сложность здесь проявляется в довольно длительном обучении этим видам активности и бесконечных возможностях их совершенствования. Практики обладают внешними (престиж, деньги, статус – их можно достичь в разных практиках, они неспецифичны) и внутренними (своеобразное для каждой практики *мастерство* ее осуществления, развитие своих разнообразных способностей в ее рамках) благами: «Разница между теми, кто бежит просто за деньгами, и тем, кто бежит ради удовольствия от достижения PR (личного рекорда), иллюстрирует различие, о котором упоминает Макинтайр» [\[7, с. 106\]](#). При этом внутренние блага делятся на «продукты» (вещно или невящно выраженные артефакты как результат применения мастерства, например портрет, исполнение музыки или рекорд) и «образ жизни» – т. е. изменение человека под влиянием этих практик. А. Ч. Макинтайр обращает внимание на то, что внешние блага дефицитны и становятся объектами конкуренции, в отличие от внутренних, которые могут разделять все участники определенной практики. Например, победитель с мировым рекордом в забеге может быть только один, а радость от установленного им достижения способны разделить все причастные к бегу, к тому же многие люди могут установить личные рекорды в этом же соревновании.

У. П. Кабасенч полагает, что *соревновательный* (т. е. осуществляемый социальными институтами по определенным правилам и регламентам, а также требующий довольно длительной подготовки) бег вполне может считаться социальной практикой, способной предоставить бегуну все виды ранее указанных благ. Возвращаясь к вопросу своего друга, автор статьи отмечает, что желательные для него внутренние блага он может

получить от бега вне зависимости от того, за сколько он пробежит две мили, при условии максимальной самореализации. Очевидно, что использование ЕРО направлено на достижение внешних благ. У. П. Кабасенч считает, что победа с использованием допинга закрывает путь бегуну ко внутренним благам, а в случае выявления мошенничества лишает и внешних благ, тем более что дисквалификации и скандалы по этому поводу уже стали неотъемлемой частью профессионального спорта.

Проясним начальную часть этого суждения. Первый вид внутренних благ – «продукт» деятельности (в нашем случае – результат забега) – не будет в полной мере проявлением *мастерства* как высокоуровневой реализации своих способностей, поскольку их явно не хватало для достижения *этого* результата. Второй вид внутренних благ – формирование личностных особенностей бегуна – также отказывается под вопросом: бегуны ценят результат на соревнованиях, рассматривая его как следствие длительной и тяжелой работы на тренировках, что закаляет их характер в целом: «Они знают, что умение справляться с болью и невзгодами на тренировках научит их справляться с ними в более широком масштабе, когда они попытаются двигаться быстрее, чем когда-либо прежде. Кажется, это важный компонент формирования бегуна как личности» [7, с. 111]. Также соревновательный бег позволяет определить пределы своего тела (что является элементом самопознания) и корректировать работу над их расширением. Ясно, что любой допинг блокирует обретение указанных благ.

Но как же быть с зачастую мотивированными исключительно внешними благами профессиональными бегунами, способными ради денег и славы пускаться во все тяжкие? У. П. Кабасенч пишет об этом так: «... если бы им можно было напомнить о том, что побудило их начать бегать – при условии, что они не начинали исключительно с надеждой стать успешными и, следовательно, богатыми – а это удовольствие как внутреннее благо, связанное с совершенствованием себя на беговом поприще, возможно, их можно было бы убедить не жульничать. Им следует убедительно показать, что только внутренние блага, предоставляемые бегом, оправдывают затраченные усилия» [7, с. 111-112].

Вперед к природе, или Топология бега

Дуглас Р. Хохстетлер [26] посвящает свое исследование сравнению опыта бега в помещении с использованием кардиотренажера («беговая дорожка», treadmill) и «обычного» бега в таких локациях, как стадион, улица, парк, горная местность и т. п. Проблему своего исследования автор статьи формулирует так: «Движение обладает потенциалом для формирования нашей жизни средствами, выходящими за рамки физиологических. Наши повседневные действия, даже кажущиеся незначительными, оказывают серьезное влияние на способ нашего существования и мировосприятия. <...> Тот, кто бежит постоянно и с полной отдачей, начинает определять себя как бегуна. Что произойдет, если мы начнем определять себя как «бегуна на беговой дорожке»? Можно ли считать бег на беговой дорожке столь же значимым для формирования личности, как и «обычный» бег?» [26, с. 140].

Обращаясь к философской традиции, Д. Р. Хохстетлер актуализирует идеи Г. Д. Торо и У. Джеймса, размышлявших о собственном опыте постижения влияния *места* на образ жизни и формирование ее целей и смыслов: если Г. Д. Торо для успешной работы и оптимистического мироощущения было необходимо спокойствие и уединение, чего он и достиг, построив для себя крохотную хижину рядом с озером, то У. Джеймсу для творчества и чувства полноты своего существования была важна причастность к

стремительности, азарту, борьбе, риску и опасности жизни, что он находил на центральных улицах мегаполиса. Таким образом, «стремление к осмысленной (significant) жизни требует обдуманного выбора своих локаций, как предполагали и Торо, и Джеймс. Это относится к движению и, конечно же, к местам, где мы бегаем» [\[26, с. 142\]](#).

Автор проясняет достоинства и недостатки бега с использованием тренажера, относя к первым комфорт как независимость от погоды и уличных помех; безопасность, что особенно важно для женщин; экономию времени за счет того, что можно бегать дома, а не добираться куда-либо; возможность четко задавать параметры бега (скорость и расстояние) и полностью сосредотачиваться на локомоции, не отвлекаясь на внешние раздражители. Отдавая должное достоинствам беговой дорожки, Д. Р. Хохстетлер отмечает: «Действительно, есть люди, которые, если бы у них не было спортивного оборудования, вообще не двигались бы – по крайней мере, в аэробном смысле» [\[26, с. 139\]](#).

Однако большее внимание автора привлекает опыт бегуна,двигающегося без использования тренажера. Прежде всего, это эстетически сложный опыт, включающий в себя элементы спонтанности и игры, противоборство с природными явлениями, приспособление к различным типам поверхности, общение с другими бегунами или просто встречающимися людьми, в нем есть некоторый риск – и все это, конечно же, находит эмоциональный отклик, порождая чувство удовольствия от бега. Естественный бег развивает сенсорный опыт: «Даже пятимильный круговой забег каждый день в течение года меняется с точки зрения пейзажа – с вариациями в течение сезона – что побуждает к наблюдению. Довольно часто эти вариации незаметны и медленны, и для их обнаружения требуется большое количество навыков восприятия» [\[26, с. 146\]](#), этот вид бега способствует самопознанию и постижению мира на основе анализа запомнившихся беговых событий – а что можно запомнить, бегая на тренажере? Опираясь на примеры из своей жизни, Д. Р. Хохстетлер отмечает, что полнота «естественного» бегового опыта быстрее развивает и прочнее закрепляет те личностные качества, которые человек хотел бы сформировать у себя при помощи беговых практик. Своей непредсказуемостью обычный бег дает нам шанс совершить что-то героическое или же он может создать ситуацию, которая существенно изменит нашу жизнь: «Бег позволяет нам заново открыть для себя то, что мы знали в детстве: быть в безопасности все время не очень интересно. В наших беговых шортах нет подушек безопасности. Мы уязвимы перед прихотью судьбы и слепотой фортуны. Но мы не заложники страха. Мы смело идем туда, где, как мы знаем, мы должны быть. Веселье на краю неизвестного» [\[26, с. 149\]](#).

Итожа свои размышления, автор статьи пишет о том, что бег на тренажере сводит эту практику исключительно к инструментальной функции (например, похудение), но для увлеченных бегунов сама по себе беговая деятельность является ценной, поскольку открывает для них полноту жизни, проявляющуюся в предоставляемой бегом *свободе*: «бег на свежем воздухе дает мне возможность быть тем человеком, которым я хочу быть – независимым, свободно перемещающимся и самостоятельно принимающим решения о направлении своего пути (а не только о скорости или наклоне) – и это лучшее место для бега» [\[26, с. 149\]](#).

Заключение

«Телоцентризм» современной культуры находит свое яркое выражение в массовом увлечении стайерским бегом, осмысление гуманистического потенциала которого

является актуальной философской задачей. Обозреваемая коллективная монография «Бег и философия. Марафон для ума» является уникальным изданием, поскольку включает в себя работы, подготовленные увлеченными бегом американскими философами, доказывающими, что бег – это не только вид физической активности, но и среда плодотворной рефлексии.

Так, Ш. Кэй бег понимается как один из значимых факторов антропогенеза, способ достижения счастливой жизни на основе высвобождения «внутреннего охотника», угнетенность которого в рамках идеологии седентаризма порождает патологические физиологические и психологические состояния.

Обращение к античной философии позволило прояснить истоки своеобразной апатии любителей «хэш» - гонок (Р. Девитт), а также обосновать значимость совместного бега для формирования высшего вида дружбы, описанного Аристотелем (М. В. Остин).

Стайерский бег рассматривается Р. А. Беллиотти сквозь призму философии Ф. Ницше как способ формирования направленных к его идеалу «сверхчеловеческих» особенностей и обретения власти над собой, что противопоставляет бегуна «последнему человеку», воплощающему филистерство «внутреннего карлика».

Х. Л. Рид и Р. С. Рид рассматривают беговые практики как способы достижения ценностей экзистенциализма (свобода, аутентичность, истина, игра), обращаясь к наследию С. Кьеркегора, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра.

В рамках решения проблем антропологического дуализма к беговой активности обращаются Дж. Дж. Висневски, М. Мейз, Ч. Талиаферро и Р. Траубер. Их общим убеждением, подкрепленным беговыми экспериментами, является обоснование конвергенции тела и сознания в деятельности атлета, порождающей специфического субъекта и обеспечивающей культурное содержание бега как социальной практики.

К. Мартин и М. С. Нуссбаум рассматривает беговую активность в аспекте порождения ею эстетического опыта, связанного с особой полнотой и насыщенностью телесно-духовных переживаний мира при беге, не всегда находящих адекватное словесное выражение. При этом авторы апеллируют как к философии прагматизма, так и аналитической традиции.

О типологии бегунов с точки зрения их мотивации размышляют Р. Дж. ван Аррагон и К. Кингхорн, приходя к выводу, что лучшая мотивация к бегу, вырабатываемая долговременной привычкой любителей-джоггеров, это не призы и личные рекорды, а улучшение качества своей жизни, реализация телесно-духовного потенциала.

Д. П. Фрай и Дж. П. Морленд исследуют связь беговых и религиозных практик, полагая что для многих верующих стайеров бег наполняется религиозным смыслом и целями. Религиозный дискурс позволяет рассматривать бег как вид используемых христианами «дисциплин воздержания», способствующих духовной и физической крепости для более длительного и менее утомительного практикования «дисциплин участия».

Г. Башем, К. Келли и У. П. Кабасенч посвятили свои работы анализу соотношения целей и средств беговой деятельности. Отметим, что все эти исследователи полагают любительский бег средством достижения в первую очередь внутренних благ, что обуславливает положительную оценку исследователями страданий и боли бегунов как средств формирования характера, а также неприемлемость нечестных способов достижения беговых результатов, нивелирующих внутренние блага бега.

Д. Р. Хохстетлер посвящает свое исследование сравнению опыта бега в помещении с использованием кардиотренажера («беговая дорожка») и обычного бега вне помещений. В своих выводах он указывает, что естественный бег дает нам более значимый для жизни опыт, заключающийся в эстетической сложности, большей непредсказуемости и максимальной свободе бегущего человека.

Обобщая результаты обзора, отметим, что профессиональное изучение социокультурной детерминации деятельности homo currens авторами коллективной монографии «Бег и философия. Марафон для ума» эффективно сочетается ими с анализом личного опыта участия в стайерских забегах и других беговых практиках, что обеспечивает исповедальность и эмоциональность изложения, а также экзистенциальную обоснованность и практическую подтвержденность авторских выводов. Можно предположить, что содержание указанной монографии охватывает основной тематический репертуар и представляет исследовательские приемы формирующейся со второй половины XX века до наших дней *философии бега*.

Библиография

1. VanArragon R. J. In praise of the jogger // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 45-55.
2. Bassham G. Running with the seven Cs of success // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 21-34.
3. Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. 226 p.
4. Belliotti R. A. Long-distance running and the will to power // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 1-9.
5. Wisniewski J. J. The phenomenology of becoming a runner // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 35-43.
6. DeWitt R. Hash runners and hellenistic philosophers // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 71-80.
7. Kabasenche W. P. Performance-enhancement and the pursuit of excellence // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 103-113.
8. Канькин С.В. Культурное содержание личностносозидающих беговых практик // Философская мысль. 2022. №9. С. 44-63. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.9.38779
9. Kelly C. A runner's pain // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 89-101.
10. Kinghorn K. What motivates an early morning runner? // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 81-88.
11. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2014.
12. Kaye Sh. The running life: getting in touch with your inner hunter gatherer // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 161-170.
13. Локк Дж. Сочинения в трех томах: т. 3. М.: Мысль, 1988.
14. Martin Ch. John Dewey and the beautiful stride: running as aesthetic experience // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 171-179.

15. Maiese M. The power of passion on Heartbreak Hill // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 193-203.
16. Moreland J. P. Running in place or running in its proper place // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 151-160.
17. Ницше Ф. Ecce homo. URL: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_1888_ecce_homo.shtml (дата обращения: 15.05.2023).
18. Nussbaum M. C. «Where the dark feelings hold sway»: running to music // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 181-191.
19. Austin M. W. Chasing happiness together: running and Aristotle's philosophy of friendship // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 11-19.
20. Reed R. C. Existential running // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 125-138.
21. Reid H. L. The freedom of the long-distance runner // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 115-123.
22. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
23. Taliaferro Ch. & Traughber R. The soul of the runner // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 205-219.
24. Тульчинский Г. Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 62-90. URL: <http://hpsy.ru/public/x3084.htm> (дата обращения: 28.05.2023).
25. Fry J. P. Running religiously // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 57-69.
26. Hochstetler D. R. Can we experience significance on a treadmill? // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 139-149.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Бегущий человек в зеркале философии (обзор коллективной монографии «Running & philosophy. A marathon for the mind»)» выступает монография американских авторов, не переведенная на русский язык и отсутствующая в свободном доступе в интернете.

Методология исследования – реферирование монографии. Автор делает корректный и подробный пересказ названной книги.

Актуальность связана с двумя факторами. Во-первых, с очевидной тенденцией, присутствующей в современной философии, к осмыслению различных практик повседневности, в том числе телесности человека. Во-вторых, с обращением современной англо-американской философии к осмыслению феноменов «человека бегущего», как образа жизни, имеющего распространение в современной культуре.

Научная новизна связана с тем, что автор статьи знакомит читателя с книгой, полностью

незнакомой и практически не доступной русскоязычному читателю. Как следует из реферативного обзора, книга эта могла бы быть интересна не только философам, изучающим беговые практики, но и всем интересующимся современной философией, поскольку осмысление бега, в ней, введено в широкий философский контекст.

Стиль статьи научный, однако автор не злоупотребляет специальной терминологией, что делает текст доступным и интересным для широкого читателя.

Структура статьи воспроизводит логику анализируемой монографии, изложение которой автор статьи предваряет введением, объясняющим актуальность осмысления беговых практик.

Содержание статьи – это реферативное изложение работы «Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007.». 19 эссе, составляющих книгу, разделены автором на 10 тематических частей. В первой части: «Бег как фактор антропогенеза, или Счастливый муравей» излагается позиция Шэрон Кэй, отмечающей значимости учета наших природных предрасположенностей для обретения человеком счастливой жизни. Исходя из того, что человек эволюционно сформирован как бегун-охотник, делается вывод, что для позитивного самоощущения современному человеку не хватает физической активности, в частности, бега. Во второй части: «Hash, правильная апатия и совет Аристотеля бегунам» речь идет об эссе Ричарда Девитта, описывающего бег-игру, в которой первый бегун, имея временные преимущества, «убегает» от «преследователей». В этой же части рассматривается текст Майкла В. Остина, видящего в беге попытку достижения счастья. Привлекая концепцию двух видов дружбы Аристотеля, Остин проводит параллель между дружбой, основанной на пользе и взаимной поддержке в беге, а также бескорыстной дружбе, базирующейся на добродетели, и соответствующих установках в беге. В третьей части «Бегом по пути к сверхчеловеку» автор анализирует эссе Р. А. Беллиотти, обращающегося к Ф. Ницше, и лозунгу: «все, что нас не убивает, делает нас сильнее». С этой позиции «человек бегущий» дает яркий пример реализации воли к власти. В части четыре: «Бег и экзистенция, или Бегущие к себе» автор обращается к текстам Хизер Л. Рид и Росс С. Рид проводящими параллели между размышлениями С. Кьеркегора, и Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и других представителей экзистенциализма и самоосуществлением бегуна в процессе тренировки. Бег в их трактовке выступает свободно избранной личностной деятельностью, посредством которой личность реализует свой потенциал. В пятой части: «Забег вокруг антропологического дуализма» речь идет о концепции Дж. Дж. Висневски, который с отсылкой к идеям М. Мерло-Понти, говорит о человеке как способе выражения духа в мире, видит в беге актуализацию телесности человека и тем самым актуализацию его духовной составляющей. Второе эссе этого блока принадлежит Мишель Мейз, которая с помощью мыслительного эксперимента доказывает, что победа в марафоне, во многом зависит от феноменологического опыта. В шестой части: «Бег – это прекрасно!» автор пересказывает размышления Кристофера Мартина, рассматривающего беговую активность в аспекте порождения ею эстетического опыта, с привлечением идей Джона Дьюи. Здесь же автор знакомит нас с трактовкой бега Марта С. Нуссбаума, исследующего проблему соотношения эмоций и языка на примере музыки, а так же Чарльза Талиаферро и Рэйчела Трауберго анализирующих беговые практики для рассуждений о холизме и дуализме. В седьмой части: «Кто эти люди и зачем они куда-то бегут?» мы знакомимся с репродукцией взглядов Раймонд Дж. ван Аррагон сравнивающего мотивы и самореализацию любителей бега, нацеленных на участие и победу в соревнованиях и любителей бега только для здоровья, а также Кевина Кингхорна, изучающего мотивы людей, выходящих на ранние утренние пробежки. В восьмой части: «Наш бог – бег?» анализируются эссе Джеффри П. Фрая и Дж. П. Морленда, проводящих параллели между бегом и религиозными практиками. В девятой

части статьи: «Беговой инструментарий: цели и средства» автор обращается к размышлениям Грегори Башема, соотносящего беговые практики с концепцией Т.В. Морриса «Семь составляющих успеха». Здесь же присутствует разбор статьи Крис Келли, посвященной осмыслению феномена беговой боли, как позитивной практики. Рассматривая эссе Уильям П. Кабасенч, посвященное решению дилеммы использования эритропоэтин для улучшения беговых показателей. В последней, десятой части: «Вперед к природе, или Топология бега» рассматривается исследование Дугласа Р. Хохстетлера, посвященное сравнению опыта бега в помещении с использованием кардиотренажера и «обычного» бега в природных локациях в пользу последнего.

Библиография статьи представлена анализируемым коллективным трудом, который автор для удобства читателей в ссылках разделяет на отдельные статьи, а также русскоязычным переводами работ философов, к которым обращаются авторы монографии.

Апелляция к оппонентам составляет существо анализируемой статьи.

Благодаря достаточно подробному изложению основных идей книги, статья будет интересна русскоязычному читателю, занимающемуся изучением осмысления бега и спортивных занятий в целом, а так же всем, интересующимся современной американской философией.

Англоязычные метаданные

The philosophy of symbiosis in the reception of the dragon image in Chinese culture

Wang Xiaoyu

Postgraduate student, Department of Theory and History of Culture of Arts and Design, Transbaikal State University

672039, Russia, Zabaikalsky Krai, Chita, Alexandro-Zavodskaya str., 30

✉ wxy42081@163.com

Abstract. The article analyzes the role of the dragon culture for the preservation of national unity and spiritual strength of the Chinese people. The author raises the question of the reasons why the dragon culture remains in demand in the modern rational world, in the age of science and technology development. The answer to this question is the thesis about the uniqueness of Chinese culture, which lies in the philosophy of symbiosis, when the mythological culture of the dragon and scientific rationalism coexist and successfully develop. The dragon is depicted as a powerful being with infinite strength and courage, acting as a talisman, a symbol of protecting people from disasters. Therefore, the dragon culture reflects the veneration of strength, courage, and confidence in Chinese traditional values. The dragon is often seen as a symbol of harmony in Chinese traditional culture, embodying the idea of the unity of heaven and man.

The article uses general scientific and special research methods, including document analysis, historical research, classification, comparative research method and semiotic analysis. The novelty of the research lies in the analysis of the reception of the image of the dragon in Chinese culture in the aspect of the philosophy of symbiosis. The author's special contribution to the research of the topic is to analyze the status, role and evolution of dragon culture in Chinese traditional culture from antiquity to the present day, as well as to identify the modern significance and role of dragon culture in modern society. The main conclusion of the study is that the image of the dragon provides a symbiotic relationship between the scientific, rational thinking of modern man and the mythological archetypes preserved in the collective consciousness. Dragon culture reflects the importance of traditional cultural values, national spirit and national identity in China.

Keywords: Chinese people, China, image of the dragon, Chinese culture, philosophy of symbiosis, dragon culture, Dragon, reception of the image of the dragon, totem sign, dragon symbol

References (transliterated)

1. Zabulionite, A. K. I. Chelovek i kul'tura v prirodnoi srede: dinamika vzaimosvyazi (kul'turfilosofskii aspekt) / A. K. I. Zabulionite // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. – 2019. – № 3(33). – S. 133-173. – DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-133-173. – EDN GIXPXS.
2. Lugutsenko, T. V. Dinamika razvitiya sovremennogo dukhovnogo krizisa v usloviyakh transformiruyushchegosya obshchestva / T. V. Lugutsenko, O. M. Shevchenko // Gumanitarii Yuga Rossii. – 2024. – T. 13, № 2. – S. 26-35. – DOI: 10.18522/2227-8656.2024.2.2. – EDN XMENHA.
3. 闻一多. 闻一多全集. 湖北人民出版社. 1994年. 320页 = Ven' Ido. Polnoe sobranie sochinenii

- Ven' Ido. Ukhan': Narodnoe izdatel'stvo Khubei. 1994. 320 s.
4. 王小盾. 龙的实质和龙文化的起源. 寻根, 2003(9). = Van Syaodun'. Sushchnost' drakona i proiskhozhdenie kul'tury drakona. // V poiskakh kornei, 2003. – № 9.
 5. 王大有主编. 中华龙种文化. 北京: 中国社会出版社, 2000. = Van Dayu. Kitaiskaya kul'tura drakonov. – Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo obshchestva, 2000. 350 s.
 6. 武文. 龙神·龙人·龙文化. 西北师大学报, 1998(1). = Vu Ven'. Bog drakona. Chelovek drakona. Kul'tura drakona // Zhurnal Severo-Zapadnogo pedagogicheskogo universiteta, 1998. – № 1.
 7. Van' Lin. Istoriya kitaiskikh prazdnikov (Istoricheskie besedy). Per. s kit. Kochminoi S.A. M.: OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 2019. – 223 s.
 8. Garrido, V. V. Mifologicheskii simvol drakona v genezise kitaiskoi filosofii / V. V. Garrido // Chelovek i kul'tura Vostoka. Issledovaniya i perevody. – 2023. – T. 1, № 11. – S. 87-102. – DOI: 10.48647/ICCA.2023.69.96.007. – EDN CPWTAM.
 9. Zhamsaranova, R. G. Lingvokul'turnyi znak «drakon» kak propozitsional'nyi znak / R. G. Zhamsaranova, E. A. Plyaskina // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. – 2021. – № 5(85). – S. 55-65. – DOI: 10.25587/r1735-5125-3749-q. – EDN MEQWTH.
 10. Koroleva, A. S. Obraz drakona v kitaiskikh mifakh i obryadakh / A. S. Koroleva, R. R. Mukhametzyanov, N. A. Somkina // Rossiya – Kitai: istoriya i kul'tura: sbornik statei i dokladov uchastnikov XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 08–10 oktyabrya 2020 goda. – Kazan': Izd-vo «Fen» Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2020. – S. 57-62. – EDN UFPZXX.
 11. Ranjan, D.K.S. and Zhou, C.C. (2010). The Chinese Dragon Concept as a Spiritual Force of the Masses. Sabaragamuwa University Journal, 9 (1), p. 65-80. Available at: <https://doi.org/10.4038/suslj.v9i1.3735>.
 12. 刘志琴. 龙文化的现代价值. 濮阳教育学院学报, 2001(3) = Lyu Chzhitsin'. Sovremennaya tsennost' kul'tury drakonov. // Zhurnal Puyanskogo instituta obrazovaniya, 2001. – № 3.
 13. 庞进. 龙的精神及当代意义. 唐都学刊, 2004(2) = Pan Chzhin. Dukh drakona i ego sovremennoe znachenie // Zhurnal «Tandu», 2004. – №2.
 14. Yuan, Lina & Sun, Yunling. (2021). A Comparative Study Between Chinese and Western Dragon Culture in Cross-Cultural Communication. 10.2991/assehr.k.210121.015.
 15. Dynyak, E. S. Obraz drakona: dual'nost' v sisteme kitaiskoi i indoevropeiskoi kul'tury / E. S. Dynyak, E. S. Zadornaya // Innovatsii. Intellect. Kul'tura : materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 435-letiyu osnovaniya g. Tobol'ska, godu Danily Chulkova v g. Tobol'ske, Tobol'sk, 22 aprelya 2022 goda. – Tyumen': Tyumenskii industrial'nyi universitet, 2022. – S. 271-277. – EDN JPGYTH.
 16. Sytnik, V. M. Filosofiya simbioza v proektakh sovremennykh yaponskikh zodchikh (Kurokava Kise, Tadao Ando) / V. M. Sytnik // Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie. Trudy MARKhI: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sbornik statei, Moskva, 07–11 aprelya 2014 goda. – Moskva: Moskovskii arkhitekturnyi institut (gosudarstvennaya akademiya), 2014. – S. 134-137. – EDN TSTLXJ.
 17. 路易斯·亨利·摩尔根. 译者: 马雍. 古代社会. 商务印书馆. 2012. 585页 = L'yuis Genri Morgan. Perevodchik: Ma Iong. Drevnee obshchestvo. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo. 2012. 585 s.

18. 魏文华. 董仲舒传. 北京: 新华出版社. 2003 年. 482 页 = Vei Ven'khua. Biografiya Dun Chzhunshu. – Pekin: Agentstvo Sin'khua Press. 2003. 482 s.
19. 杨慎(1488年-1559年)二十一史弹词. 中华书局出版. 1938年. 723页 = Yan Shen (1488-1559). Dvadtsat' odna istoriya Tanchi. Izdatel'stvo Chzhunkhua, 1938. 723 s.
20. 陈天然写《岳阳楼记》作者: 范仲淹. 出版社. 海燕出版社. 2004. 63页 = Fan' Chzhun'yan'. Chen' Tyan'zhan' napisal «Istoriyu bashni Yueyan». Chzhenchzhou. Izdatel'stvo «Khaiyan». 2004. 63 s.
21. 诗经. 孔子. 编订. 北京出版社. 2006. 363页 = Konfutsii. Kniga pesen i gimnov. Pekin: Pekinskoe izdatel'stvo. 2006. 363 s.
22. 刘国斌修 刘锦堂纂. 掖县志. 山东莱州. 1935 年. 990 页 = Lyu Gobin, Lyu Tszin'tan. Okrzhnye arkhivy. Laichzhou, Shan'dun: b/i, 1935. 990 s.
23. 章行. 尚书: 原始的史册. 上海古籍出版社. 1997 年. 194 页 = Chzhan Sin. Shan Shu. Podlinnye annaly istorii. – Shankhai: Izdatel'stvo starinnykh knig. 1997. 194 s.
24. 黄寿祺; 张善文. 周易译注. 上海古籍出版社. 2007年. 486页 = Khuan Shoutsu; Chzhan Shan'ven'. Perevod i kommentarii Chzhou I. Shankhai: Izdatel'stvo starinnykh knig. 2007 g. 486 s.
25. 孔子. 论语. 蓝天出版社. 2006年. 396页 = Konfutsii. Besedy i suzhdeniya. Pekin: Izdatel'stvo «Goluboe nebo». 2006 g. 396 s.

Art in the system of traditional values (based on the materials of the World Values Survey)

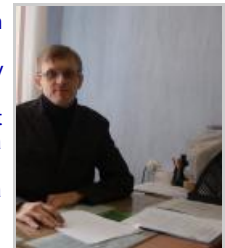
Popov Evgeniy Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor of the Department of Sociology and Conflictology of Altai State University; Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

66 Dimitrova str., office 513A, Barnaul, 656049, Russia

✉ popov.eug@yandex.ru

Abstract. In the article, the subject of the study is art. Some problematic points in the conceptualization of this phenomenon in modern science are considered, the available empirical research is evaluated, as well as the interdisciplinary perspective of the study of the phenomenon of art. The problem discussed in the article is the objectification of art as an independent phenomenon, and not only as a "form of social consciousness". The possibilities of such objectification can bring scientists closer to understanding the importance of art for self-expression, human improvement, and survival in a modern post-industrial society. To solve this problem, some results of the well-known monitoring of changes in value structures are used – the World Values Survey, which contains data on value transformations in cross-country comparison. This study has been conducted for about 30 years and provides a broad understanding of the relevant changes. The research methodology is based on interdisciplinary, axiological and systemic approaches, the concept of "centralization" of values is used as a new perspective of the study. The scientific novelty of the study in general and its main provisions in particular boils down to the following: (1) the need to understand art from the point of view of not a form of public consciousness, but as a value included in various value systems is shown the structure of human existence; (2) based on the materials of the World Values Survey, the position of the value of art in the system of values of self-expression and values of self-survival is analyzed (according to R. Inglehart); (3) from the point of view of value transformations or changes occurring in the hierarchies of values, the

"position" of art has been revealed, consisting in balancing (harmonizing) "intellectual values", which include art. The main result is as follows: art as a value is not subject to transformation and crisis, according to the results of the World Values Survey

Keywords: the axiological approach, cultural traditions, methodological approaches, theoretical approaches, methodology, values and norms, spiritual culture, art, World Values Survey, values of self-expression

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
2. Bembel' I. V poiskakh metoda. K voprosu krizisa arkhitekturovedeniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. 2020. T. 10. № 2 (2020). S. 323-339. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2020.208>
3. Burd'e P. Universitetskaya doksa i tvorchestvo: protiv skholasticheskikh delenii // Socio-Logos'96. Al'manakh Rossiisko-Frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy Instituta sotsiologii RAN. M.: Socio-Logos, 1996. S. 8-31. URL:<http://bourdieu.name/content/universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (data obrashcheniya 23.04.2024).
4. Veber M. Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 707-735.
5. Volkov A. D., Aver'yanov A. O., Roslyakova N. A., Tishkov S. V. Izmerenie sotsiokul'turnykh kharakteristik po shesti pokazatelyam modeli Khofstede: aprobatsiya instrumentariya dlya rascheta znachenii na individual'nom urovne // Vestnik Instituta sotsiologii. 2024. T. 15. № 1. S. 43-69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4
6. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 s.
7. Lola G.N., Aleksandrova T.I. Kod vremeni v sovremennom iskusstve: diskursivnyi analiz temporal'nykh art-proektov // Vestnik SPbGU. Iskusstvovedenie. 2021. T. 11. Vyp. 1. S. 150-166. DOI: 10.21638/spbu15.2021.109
8. Popov E. A. Kak zainteresovat' sotsiologa izucheniem iskusstva i dukhovnoi zhizni? // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 6. S. 143-149.
9. Popov E.A. Opyt intentsional'nogo i ivent-issledovaniya v sovremennoi zarubezhnoi sotsiologii iskusstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2022. № 69. S. 126-141.
10. Rassadina T.A. Transformatsiya traditsionnykh russkikh tsennostei v нравstvennykh orientatsiyakh rossiyan. Avtoref. diss. d-ra sotsiol. n.: 22.00.06. M.: Mos. ped. gos. un-t, 2005. 46 s.
11. Rozov N.S. Antroprostasiya (zashchita cheloveka) – eticheskoe yadro gumanizma // Eticheskaya mysl'. 2019. T. 19. № 1. S. 141-156. DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-1-141-156
12. Tenyakov A.V. Dialektika traditsii i innovatsii v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennogo rossiiskogo obshchestva: Avtoref. diss. kand. filos. n.: 5.7.7. Novochebassk: Yuzhno-Rossiiskii gos. politekh. un-t, 2023. 24 s.
13. Chan T.W., Goldthorpe J.H. Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England // Poetics. 2007. Vol. 35. № 2-3. P. 168-190.
14. DiMaggio P. Classification in Art // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. № 4. P. 440-455.

15. Dobewall N., Tormos R., Vauclair S. Normative Value Change Across the Human Life Cycle: Similarities and Differences Across Europe // Journal of Adult Development. 2017. № 24(4). R. 263-276. DOI:10.1007/s10804-017-9264-y
16. Goffman E. Symbols of Class Status // British Journal of Sociology. 1951. Vol. 2. № 4. P. 294-304.
17. Hagen A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals // Krisis. 2019. № 1. R. 2-14.
18. Holden J. Cultural Value and the Crisis of Legitimacy Why culture needs a democratic mandate. London: Demos, 2006. 69 r.
19. Jing W. On the Relationship between Content and Form in Art Works Take Xin Dongwang's Oil Paintings of Figures as an Example // Talent and Wisdom. 2019. Vol. 30. Rp. 218-222.
20. Kun S.L. The form and characteristics of formal beauty // New Art. 1984. Vol. 4. R. 71-75.
21. Marschallek B., Weiler S., Jorg M. Make It Special! Negative Correlations Between the Need for Uniqueness and Visual Aesthetic Sensitivity // Empirical Studies of The Arts. 2021. Vol. 39. Iss. 1. R. 17-39. <https://doi.org/10.1177/0276237419880298>
22. Smith P.B. Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. № 35. R. 6-12.
23. Takšić V., Arar L., Molander B. Measuring Emotional Intelligence: Perception of Affective Content in Art // Studia Psychologica. 2004. № 46(3). R. 4-20.
24. Wolf S. Global Civilization and Local Culture // International Sociology. 2020. Vol. 16. Issue 3. R. 305-306.

Ontological foundations of motherhood

Mordas Ekaterina Sergeevna

PhD in Psychology

Associate Professor at Moscow Institute of Psychoanalysis

121170, Russia, g. Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, d.34, str.14

✉ morkaty@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is motherhood. The work is based on N.S. Rozov's model of the sphere of socio-historical existence. The biotechnosphere is about reproductive health and the possibility (not the possibility) of a woman becoming a mother. The psychosphere represents aspects of the mother's activity, motives and values, acceptance and rejection of motherhood, the choice of the form of motherhood. Culture and reproductive culture in the experience of motherhood is a direction that arouses interest and reflection (culture sphere). The problems of reproductive status and marital gender, reproductive behavior in the context of the problems of motherhood (sociosphere) remain open for research. Modern realities lead to the need to rethink the experience and understanding of motherhood at all levels of socio-historical existence. The main conclusions are: the biotechnosphere includes a woman's reproductive ability to become a mother, physical health, the ability to bear, give birth and raise a child.

The psychosphere includes aspects of the mother's activity (motivational and activity sphere and subject interaction, motivation for the birth of a child), the mother's personality (satisfaction with motherhood and readiness for motherhood; mother-child relations, the

problems of family relations. The role of a man in a woman's life and vice versa and the birth of a child is an area of possible research. And the question remains open for research – parenthood and gender in modern conditions.

A model of the spheres of socio-historical existence of the phenomenon of motherhood is presented.

Keywords: renunciation of motherhood, gender, society, culture, mother's image, infertility, being, pregnancy, motherhood, reproductive health

References (transliterated)

1. Bibring G. et al. A Study of the Psychological Processes in Pregnancy and of the Earliest Mother-Child Relationship-I. Some Propositions and Comments // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 9-24.
2. Bibring G. et al. A Study of the Psychological Processes of the earliest mother-child relationship-II. Methodological Considerations // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 25-72.
3. Deutsch H. The psychology of women in relation to the functions of reproduction // Int. J. Psycho-Anal. 1925. Vol. 6. P. 405-418.
4. Kestenberg J. Regression and reintegration in pregnancy // J. Amer. Psychoanal. Assn. 1976. Vol. 24. P. 213-250.
5. Brutman V. I. Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya zhenshchin vo vremya beremennosti i posle rodov // Voprosy psikhologii. 2002. № 1. S. 59-68.
6. Brutman V. I., Varga A. Ya., Khamitova I. Yu. Vliyanie semeinykh faktorov na formirovanie deviantnogo povedeniya materi // Psikhologicheskii zhurnal. 2000. T. 21. № 2. S. 79–87.
7. Filippova G. G. Psikhologiya materinstva: Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo instituta psikhoterapii, 2002. 240 s.
8. Zakharova E. I. Otnosheniya docheri s mater'yu kak faktor osvoeniya eyu sobstvennogo materinstva // Mir psikhologii. M: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi universitet. 2018. № 1(93). S. 134-143.
9. Painz D. Bessoznatel'noe ispol'zovanie svoego tela zhenshchinoi (psikhoanaliticheskii podkhod). SPb: sovmestnoe izdanie Vostochno-Evropeiskogo instituta psikhoanaliza i B.S.K, 1997. 193 s.
10. Kon I. S. Rebenok i obshchestvo [Tekst]. M.: Pedagogika, 1988.
11. Zakharova E. I., Kalacheva N. Yu. Usloviya udovletvorennosti materinstvom zhenshchin, imeyushchikh detei rannego i doskol'nogo vozrasta // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. 2012. № 28. S. 1226-1233.
12. Meshcheryakova S. Yu. Psikhologicheskaya gotovnost' k materinstvu // Voprosy psikhologii. 2010. № 5. S. 18-27.
13. Baranovskaya T. I. Razvitie bazovykh kachestv materi i psikhicheskoe razvitie mladentsa v vozraste 3–4 i 7–8 mesyatsev (longityudnoe issledovanie): dis. ... kand. psikhol. nauk. Ivanovo, 2003. 324 s.
14. Ovcharova R. V. Psikhologiya roditel'stva: ucheb. posobie dlya studentov vysshiikh uchebnykh zavedenii [Tekst]. M.: Akademiya, 2005. 362 s.
15. Karabanova O. A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. M.: Gardariki, 2008. 310 s.
16. Filippova G. G. Materinstvo: sravnitel'no psikhologicheskii podkhod // Psikhologicheskii

- zhurnal. 1999. Tom 20. № 5. S. 81-88.
17. Filippova G. G. Motivatsionnaya osnova materinskogo povedeniya: filogeneticheskii aspekt // Sotsiokognitivnoe razvitie rebenka v rannem detstve. M., 1995.
 18. Baz L. A. Izmenenie v potrebnostno-motivatsionnoi sfere zhenshchiny vo vremya beremennosti / Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva: Materialy 3-go s'ezda psikhologov. 25-28 iyunya 2003 goda: T. 1. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. S. 268-270.
 19. Kashapova S. O. Psikhoemotsional'nye i lichnostnye osobennosti u devushek-podrostkov, ozhidayushchikh rebenka // Materialy VIII Mezhdunarodnoi konferentsii studentov i aspirantov po fundamental'nym naukam «Lomonosov». M. 2011. S. 18-20.
 20. Zakharov A. I. Rebenok do rozhdeniya i psikhoterapiya posledstviu psikhicheskikh travm. SPb., 2008. 144 s.
 21. Skoblo G. V., Dubovik O. Yu. Sistema «mat'-ditya» v rannem vozraste kak ob'ekt psikhoprofilaktiki // Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya. 1992. № 2. S. 75-78.
 22. Borovikova N. V. Psikhologicheskaya pomoshch' beremennym zhenshchinam / Psikhologicheskaya pomoshch' i konsul'tatsiya. SPb, 2008. S. 188-191.
 23. Brutman V. I. Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya zhenshchin vo vremya beremennosti i posle rodov // Voprosy psikhologii. 2002. № 1. S. 59-68.
 24. Vinnikott D. V. Malen'kie deti i ikh materi. M.: 1998. 234 s.
 25. Minyurova S. A., Teterleva E. A. Dialogicheskii podkhod k analizu smyslovogo perezhivaniya materinstva // Voprosy psikhologii. 2013. № 4. S. 63-75.
 26. Kashapova S. O. Psikhoemotsional'nye i lichnostnye osobennosti u devushek-podrostkov, ozhidayushchikh rebenka // Materialy VIII Mezhdunarodnoi konferentsii studentov i aspirantov po fundamental'nym naukam «Lomonosov». M. 2011. S. 18-20.
 27. Brutman V. I., Radionova M. S. Formirovanie privyazannosti materi k rebenku v period beremennosti // Voprosy psikhologii. 2007. № 6. S. 38-47.
 28. Chodorou N. Vosproizvodstvo materinstva: Psikhoanaliz i sotsiologiya gendera. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006. 496 s.
 29. Mordas E. S. Psikhogenez zhenskogo psikhogennogo besplodiya: psikhoanaliticheskii vzglyad / Keis-stadi v psikhoterapii i psikhologicheskom konsul'tirovanii. Sbornik tezisov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg: Akademiya integral'noi psikhodinamicheskoi psikhoterapii, 2022. S. 22-31.
 30. Mots A. Psikhologiya zhenskogo nasiliya. Prestuplenie protiv tela. M.: Kogito-Tsentr, 2021. 590 s.
 31. Belinskaya D. V. Sotsial'nyi portret chaildfri // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2018. T. 4. № 13. S. 12-19.
 32. Golubova T. N. Analiz zhiznennykh predstavlenii techeniya childfree (chaildfri) // Innovatsiya v nauke. 2016. № 11. S. 14-19.
 33. Polutova M. A., Zhanbaz O. O. Tsennostnye i motivatsionnye ustanovki soobshchestva «Chaildfri» s pozitsii postmodernizma // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (116). S. 89-100.
 34. Mid M. Kul'tura i mir detstva. M.: Nauka, 1989. 285 s.
 35. Vasyagina N. N. Sub'ektnoe stanovlenie materi v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve Rossii [Tekst]: monografiya / N.N. Vasyagina; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg: [b.i.], 2013. 364 s.
 36. P'yankova, L. A., Khomicheva, V. E. Psikhologicheskii kontekst fenomena materinstva // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2017. № 3. S. 40-44.

37. Freid Z. Totem i tabu / Freid Z. Ya i Ono: sochineniya. M.: Izd-vo EKSMO-Press; Khar'kov: Izd-vo «Folio», 2002. S. 363-529.
38. Daly C.D. Der Menstruationskomplex. // Imago. 1928. Bd. 14. S. 11-75.
39. Frezer Dzh.Dzh. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / Per. s angl.-M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 2003. 781 s.
40. Litovka V. A. Traditsionnye i innovatsionnye strategii reproduktivnogo povedeniya (regional'nyi aspekt): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. Krasnodar, 2015.
41. Batuev A. S. Psikhofiziologicheskaya priroda dominanty materinstva // Psikhologiya segodnya. Ezhegodnik Ros. psikh. Obshch. T. 2. Vyp. 4. 1996. 6970 s.
42. Mukhamedrakhimov R. Zh. Mat' i mladenets: psikhologicheskoe vzaimodeistvie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. 288 s.
43. Eidemiller E. G. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. SPb: Piter, 1999. 651 s.
44. Shuttsenberger A. A. Sindrom predkov: transgeneratsionnye svyazi, semeinye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy. M: Izd-vo In-ta psikhoterapii, 2005. 252 s.
45. Khellinger B. Poryadki lyubvi: Razreshenie semeinykh sistem, konfliktov i protivorechii. Moskva: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2001. 395 s.
46. Lebovisi C. Fantaziinoe vzaimodeistvie i transgeneratsionnaya peredacha / Uroki frantsuzskogo psikhoanaliza: Desyat' let franko-russkikh klinicheskikh kollokviumov po psikhoanalizu. M.: Kogito-Tsent, 2007. S. 241-256.
47. Antologiya gendernoi teorii / Sost. E. I. Gapova, A. R. Usmanova. Minsk: Propilei, 2001. 384 s.
48. Litovka V. A. Teoreticheskie osnovy analiza reproduktivnogo povedeniya // Obshchestvo i pravo. 2012. no 5 (42). S. 286-290.
49. Antonov A. I. Problems of the sociological study of reproductive behavior of the family // Theory and methods of social research. M., 1974.
50. Borisov V.A. Prospects of fertility. M.: Statistics, 1976. 248 p.
51. Health and trust: a gender perspective in reproductive medicine: a collection of articles / Ed. E. Zdravomyslov, A. Temkina. SPb.: Publisher of the European University in SPb. 2009. 430 p.
52. Vorontsov D. V. Gendernaya psikhologiya obshcheniya. Rostov n/Donu: Izd-vo YuFU, 2008. 208 s.
53. Aratskova I. K. Vliyanie sotsiuma na formirovanie polovoi identichnosti gendera // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. 2008. № 1. S. 336-339.
54. Bendas T. V. Gendernaya psikhologiya: Ucheb. posobie. SPb.: Piter, 2006. 431 s.
55. Blokhina N. A. Ponyatie gendera: stanovlenie, osnovnye kontseptsii i predstavleniya // Obshchestvo i gender. Ryazan'. 1-12 iyulya, 2003. S. 7-40.
56. Trukhmanova E.N., Yashina K.O. Razvitie gendernykh issledovaniy v zarubezhnoi psikhologii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2015. № 4. Ch. 5 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/51509>
57. Papuchon A. Social roles of men and women. The enduring idea of a maternal vocation for women despite the decline in adherence to gender stereotypes [Elektronnyi resurs] // Insee. Statistics and studies: Men and women: equality under the microscope <https://www.insee.fr/en/statistiques/2660836?sommaire=2661803>

58. Jepsen B. Janet and Ron had twin boys. As an experiment, doctors convinced them to raise one as a girl [Elektronnyi resurs] // Mamamia.com: Real Life-Rezhim dostupa: <https://www.mamamia.com.au/david-reimer-john-joan-case/>
59. Mikhailova N. N. Gendernaya stratifikatsionnaya sistema v politicheskom aspekte sotsiuma // Vestn. DITI. 2016. № 2. S. 121-129.
60. Frolova L. N. Status zhenshchiny v islame // Vestn. Adygeiskogo gos. un-ta. 2009. № 2. S. 148-154.
61. Rostova A. V. Kategorii «pol» i «gender» kak kategorii analiza gendernykh otnoshenii // Vestn. SamGU. 2007. № 3 (53). S. 185-191.
62. Dubrovskaya E. A. Konstruirovaniye i reprezentatsii seksual'nosti muzhchin i zhenshchin // Diskussiya: zhurnal nauchnykh publikatsii. 2012. № 1 (19). S. 135-139.
63. Petrenko L. A. Kontsepty maskulinnosti i feminnosti kak predposylki vozniknoveniya zavisimosti i nasiliya v gendernykh otnosheniyakh // Molodoi uchenyi. 2015. № 2 (82). S. 435-438.
64. Rostova A. V. Metodologiya izucheniya gendernykh otnoshenii // Vestnik SamGU. 2008. № 4 (63). S. 221-226.
65. Isaev D. D. Sistemnyi podkhod k probleme gendernoi identichnosti // Pediatr. 2012. T. III. № 4. S. 37-40.
66. Carpenter M. The "Normalization" of Intersex Bodies and "Othering" of Intersex Identities in Australia / Morgan Carpenter // Journal of Bioethical Inquiry. 2018. Vol.15. pp. 487-495.
67. Koh J. The history of the concept of gender identity disorder // Psychiatria et Neurologia Japonica. 2012. 114 (6). pp. 673-80.
68. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: NORINT, 2000. 1536 s.
69. Shaffer Zh. Psikhooanaliz zhenskogo [Elektronnyi resurs] // Zhurnal klinicheskogo i prikladnogo psikhooanaliza NIU VShE. 2022. Tom III. – № 1. S.38-65. <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
70. Mokhun' I. V. Problemy besplodiya i reproduktivnaya kul'tura na sovremennom etape razvitiya Rossii // Innovatsionnaya nauka. 2020. № 6. S. 145-147.

The main features of the culture of political relations between the USSR and the People's Republic of China

Wang Jiehan

PhD in Cultural Studies

Postgraduate student, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ wjie8160@gmail.com

Abstract. The main subject of the article is a comparative analysis of the cultures of political relations between the Soviet Union (USSR) and the People's Republic of China (PRC) in the middle of the twentieth century. The author examines in detail such aspects of the topic as ideologization and authoritarianism, centralization of power, control over society and the phenomena of political cults. The article analyzes the key principles and values underlying the political systems of both countries, as well as the strategic goals and methodologies used to implement them. The author explores how ideological principles, power hierarchies and

nuances of the political process influenced the formation of civic consciousness and behavioral paradigms of citizens. The article also examines the historical, cultural and geopolitical determinants that determine the similarities and differences in the political cultures of the USSR and the People's Republic of China, and their impact on the domestic and foreign policies of these states. The research methodology includes a comparative analysis of historical sources and scientific works devoted to the political cultures of the USSR and the People's Republic of China, with an emphasis on the study of ideological, structural and socio-political aspects that shaped their development. The scientific novelty of the article lies in a comprehensive comparative analysis of the cultures of the political relations between the USSR and the People's Republic of China, which reveals both common features and unique features of each of them. For the first time, detailed parallels and differences between the two countries are considered in the context of ideologization, centralization of power and mechanisms of control over society. The findings of the study show that despite the common communist heritage, the political cultures of the USSR and the People's Republic of China developed along different trajectories due to national characteristics, historical events and internal political processes. The author argues that these differences have had a significant impact on the international positions and domestic policies of States. As a result, the article contributes to a deeper understanding of the processes of formation and evolution of the political systems of communist regimes, which is important for historians and political scientists studying the history and politics of socialist countries.

Keywords: Communist ideology, Political cults, Control over society, Centralization of power, Authoritarianism, Ideologization, People's Republic of China, Soviet Union, Political cultures, Comparative analysis

References (transliterated)

1. Alekseeva T. A., Burlatskii F.M., Vorob'ev D.M. i dr. Politicheskaya nauka v Rossii: vchera, segodnya, zavtra. Materialy nauchnogo seminara // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 141–156.
2. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura. Podkhod k izucheniyu kul'tury politicheskikh vzaimootnoshenii // Politiya. 2010. № 2. S. 131–132.
3. Astaf'eva O. A. Orientiry kul'turnoi politiki na rubezhe vekov // Rossiya XXI v.: Politika. Ekonomika. Kul'tura / pod red. L.E. Il'ichevoi, V.S. Komarovskogo. M.: Analitik, 2012. S. 287.
4. Baranov N. A. Politicheskaya kul'tura Rossii: traditsii i sovremennost' // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2015. № 470.
5. Batalov E. Politicheskaya kul'tura Rossii cherez prizmu civic culture. Pro et Contra. T. 7. 2002. S. 10.
6. Burenko V. I. O nachalakh i istokakh sovremennoi rossiiskoi politologii // PolitBook, 2019. № 3. S. 164–179.
7. Veber M. O burzhuaznoi demokratii v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1992. № 3.
8. Galkin A. A. U istokov vrozozhdeniya politicheskoi nauki v Rossii (1960–1985 gg.): sub"ektivnye zametki // Politiya, 2010. № 3–4. S. 257–269.
9. Guanchin S. Pod'em setevoi politiki Kitaya i izmeneniya politicheskie kul'tury // Sotsial'nye nauki. 2012. № 1.
10. Efimenko, N. A. Rossiiskaya istoriya v zerkale politicheskoi situatsii v Kitae v 50-kh gg. XX veka (na materiale shkol'nykh uchebnikov po istorii) / N. A. Efimenko // Istoricheskii

zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2023. № 3. S. 151-164.

11. Il'in M. V. Otechestvennaya politologiya: osmyslenie traditsii // Politicheskaya nauka. 2001. № 1. S. 5–21.
12. Kapitsa M. S. Sovetsko-kitaiskie otnosheniya. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1958. 424 s.
13. Medovarov M. V. Politicheskaya kul'tura Rossii i zarubezhnykh stran: istoriya i sovremennost'. Nizhnii Novgorod: Izd-vo NNGU, 2019. 32 s.
14. Min Ts. Kitaiskaya politicheskaya kul'tura: sotsial'nye i psikhologicheskie faktory, meshayushchie razvitiyu demokratii. Yun'nan'skoe Narodnoe Izdatel'stvo, 1989.
15. Men Ch. Politicheskaya nauka i reforma politicheskoi sistemy KNR // Problemy Dal'nego Vostoka. 2010. № 3. S. 72–77.
16. Perevezentsev S. V. Russkie smysly: dukhovno-politicheskie ucheniya Rossii X–XVII vv. v ikh istoricheskom razvitii. M.: Veche, 2019. 608 s.
17. Sobolev V. A. Burlatskii F.M. Stanovlenie politicheskoi nauki v SSSR. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. 224 s.
18. Tul'chinskii G. L. Politicheskaya kul'tura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy. SPb.: Aleteiya, 2018. 294 s.

Creative unions of Dmitry Astrakhan

Shumov Maksim Vladimirovich

Associate Professor, Department of Directing and Choreography, Dostoevsky Omsk State University

644043, Russia, Omsk region, Omsk, Krasny Put str., 36

✉ mvshumov@mail.ru

Abstract. Dmitry Astrakhan is a director who immensely "feels the time." His films of the 1990s are documentary films of their era, which are reflected in the works of modern directors. All this underlines and undoubtedly confirms the relevance of this study. Based on this, the author sets a goal to identify the features of Dmitry Astrakhan's creative unions. The set goal is solved by the following tasks: 1) to analyze the creative team of director Dmitry Astrakhan; 2) to identify the members of the creative team with whom the director worked more than with others; 3) to substantiate the role of the creative tandem in the filmmaking work of Dmitry Astrakhan. The object of the study is a creative tandem, and the subject of the study is the main creative tandems in the directorial filmmaking of Dmitry Astrakhan. Cultural-historical and art-historical research methods were chosen as the key methods of the current research. The theoretical and methodological basis for writing this work was the works of Russian researchers Z. Lissa, A.O. Kozyreva, M.A. Novoselova, S.V. Lavrova, Li Jian and N.V. Medvedeva. It is impossible not to mention the author's previous publications on the research topic, which served as material for the work. Also, journalistic articles were used in the arsenal of sources to reflect the opinions of film critics and moviegoers on research issues. The scientific novelty of the work lies in the actualization of the role of the creative tandem in relation to the work of domestic film directors and the justification of a clear analytical approach to identifying participants in the main creative team of film director Dmitry Astrakhan. As a result of the study, it was revealed that Dmitry Astrakhan collaborated most of all with screenwriter Oleg Danilov during the entire creative period (1991-2020) – 24 joint films and composer Alexander Pantykin – 11 joint films. This served as the formation of common stylistic features and relationships that allow you to create films with a unique

author's handwriting.

Keywords: Oleg Danilov, Alexander Pantykin, Dmitry Astrakhan, muse, author's style, director's style, creative process, creative team, creative union, creative tandem

References (transliterated)

1. Lissa Z. Estetika kinomuzyki. M.: EE Media, 2012.
2. Kozyrev A.O. O nekotorykh tvorcheskikh tandemakh vydayushchikhsya kinokompozitorov i kinorezhissеров XX veka // Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoi. 2021. №5 (76).
3. Lavrova S.V. Novaya muzyka i eksperimental'noe kino: tvorchestvo Bernkharda Langa v kontekste New Media Art // Problemy sinteza v sovremennoi muzykal'noi kul'ture: sb. trudov mezhdunarod. konf. 11-15 aprelya 2019 g. T.1. Rostov-na-donu: Izd-vo RGU im. S.V Rakhmaninova, 2019. S. 32-44.
4. Shumov M.V. Tvorcheskije soyuzy L. Gaidaya // Garmoniya. Al'manakh po iskusstvu / Sost. T.I. Chupakhina, N.I. Bykova. – Omsk: LITERA, 2018. S. 49-52.
5. Shumov M.V. Akterskii sostav v rezhisserskoi fil'mografii Leonida Gaidaya // Garmoniya. Al'manakh po iskusstvu / Sost. T.I. Chupakhina, N.I. Bykova. – Omsk: LITERA, 2018. S. 41-46.
6. Shumov M.V. Svoeobrazie akterskogo sostava v rezhisserskom kinotvorchestve Nikity Mikhalkova // Kul'turnoe prostranstvo Russkogo mira. 2019. №1(9). S. 102-110.
7. Shumov M.V. Tvorcheskije soyuzy El'dara Ryazanova // Kul'turnoe prostranstvo Russkogo mira. 2018. №3(7). S. 136-144.
8. Shumov M.V. Tvorcheskije soyuzy Georgiya Daneliya // Kul'turnoe prostranstvo Russkogo mira. 2019. №1(9). S. 110-117.
9. Shumov M.V. Svoeobrazie akterskogo sostava v fil'makh rezhissera Georgiya Daneliya // Kul'turnoe prostranstvo Russkogo mira. 2018. №3(7). S. 126-136.
10. Li Tszyan', Medvedeva N.V. Kompozitor i rezhisser: o tvorcheskom metode sozdaniya kinomuzyki // Vestnik muzykal'noi nauki. 2024. №1.
11. Lisitsyna Anastasiya. Na vsekh nozhichkov khvatit // Gazeta.ru.-2013.-11 aprelya. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/04/11/a_5251765.shtml (data obrashcheniya 07.05.2024)
12. Surikov Vyacheslav. Dmitrii Astrakhan: «Ne idi na kompromissy, otstaivai svoyu tochku zreniya». URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/dmitrij-astrahan-ne-idi-na-kompromissy-otstaivaj-svou-tocku-zrenia> (data obrashcheniya 08.05.2024)
13. Vengerova Svetlana. «Ty u menya odna»: kak Dmitrii Astrakhan snimal svoi samyi izvestnyi fil'm, i chto sluchilos' s ego akterami. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/170317/33841/> (data obrashcheniya 01.05.2024)
14. Svetacheva Ul'yana. Serialu «Zal ozhidaniya» – 25 let: Kak udalos' sobrat' stol'ko zvezd v odnom proekte: Tikhonov, Boyarskii, Ul'yanov, Usatova i drugie. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/interesno/serialu-zal-ozhidaniya-25-let/> (data obrashcheniya 02.05.2024)
15. Nominanty Natsional'noi kinematograficheskoi premii «NIKA» za 2011 god. URL: <http://kino-nika.com/page89337.html> (data obrashcheniya 07.05.2024)
16. Smirnova S. S. Tvorcheskii kollektiv: ponyatie, klassifikatsiya, struktura // MNKO. 2014. №4 (47).
17. Smirnov V.I. Obshchaya pedagogika: uchebn. posob. – M.: Logos, 2011.

18. Nikonchuk Dar'ya. Vechnye tsennosti Dmitriya Astrakhana // Sel'skaya pražda. – 2017. – 18 dek. URL: <http://www.zhabinka.by/?p=27940> (data obrashcheniya 07.05.2024)
19. Krasnova Anna. Dmitrii Astrakhan: «Evrei ne tol'ko molyatsya, inogda oni derutsya». URL: <https://jewish.ru/ru/interviews/articles/175555/> (data obrashcheniya 04.05.2024)
20. Semina N. M. Vzimootnosheniya glavnykh figur v organizatsii kinoprotsessa: prodyuser-rezhisser // Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyi zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. 2013. №2-4 (11).
21. Shak T.F., Zamikhovskaya V.A. Sotvorchestvo rezhissera i kompozitora v aspekte stilya kinomuzyki // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2019. №1 (72).
22. Novoselova M.A. Spetsifika vzaimodeistviya muzyki i kino // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2019. №2 (58).

The Running Man in the Mirror of Philosophy (review of the collective monograph "Running & philosophy. A marathon for the mind»)

Kannykin Stanislav Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate professor of the Department of Humanities at Sary Oskol Technological Institute named after A. Ugarov, branch of National University of Science and Technology "MSIS"

309516, Russia, Belgorod Region, Sary Oskol, micro district Makarenko, 42

✉ stvk2007@yandex.ru

Abstract. The review of the collective monograph "Running and Philosophy", which has not been introduced into the sphere of domestic research of philosophical aspects of physical culture and sports, is presented. Marathon for the Mind" (published in English in 2007). The publication includes 19 essays prepared by American philosophers. The professional study of the socio-cultural determination and the existential significance of running practices by the authors of the monograph is effectively combined with the analysis of personal experience of participating in stayer races, which provides a confessional and emotional presentation, as well as practical confirmation of the results obtained. It can be assumed that the content of the collection under consideration covers the main thematic repertoire and represents the research techniques of the philosophy of running that has been forming since the second half of the twentieth century. The reviewed monograph reveals the humanistic potential of running as a factor of anthropogenesis (Sh. Kay), a means of achieving "correct" apathy (R. Devitt) and the highest kind of friendship (M. V. Austin). R. A. Belliotti considers running as a way to gain superhuman standing, H. L. Reed and R. S. Reed find in it the embodiment of the values of existentialism. Within the framework of solving the problems of anthropological dualism, running activity is addressed by J. J. Wisniewski, M. Maze, C. Taliaferro and R. Trauber. K. Martin and M. S. Nussbaum consider running as a medium of aesthetic experience generation, R. J. van Arragon and K. Kinghorn reflect on the typology of runners. D. P. Fry and J. P. Moreland The connection between running and religious practices is investigated, G. Basham, K. Kelly, U. P. Kabasench and D. R. Hochstetler analyze the correlation of goals and means of running activity. Thus, the monograph substantiates the understanding of running as a publicly available and effective means of gaining physical, mental and social well-being, which expresses the humanistic essence of running practices and justifies the philosophical and anthropological significance of their research.

Keywords: values, praxeology, existence, religious practices, aesthetic experience,

anthropogenesis, humanism, endurance, philosophy, run

References (transliterated)

1. VanArragon R. J. In praise of the jogger // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 45-55.
2. Bassham G. Running with the seven Cs of success // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 21-34.
3. Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. 226 r.
4. Belliotti R. A. Long-distance running and the will to power // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 1-9.
5. Wisnewski J. J. The phenomenology of becoming a runner // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 35-43.
6. DeWitt R. Hash runners and hellenistic philosophers // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 71-80.
7. Kabasenche W. R. Performance-enhancement and the pursuit of excellence // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 103-113.
8. Kannykin S.V. Kul'turnoe sodержanie lichnostnosozidayushchikh begovykh praktik // Filosofskaya mysl'. 2022. №9. S. 44-63. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.9.38779
9. Kelly S. A runner's pain // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 89-101.
10. Kinghorn K. What motivates an early morning runner? // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 81-88.
11. K'erkegor S. Bolezn' k smerti. M.: Akademicheskii proekt, 2014.
12. Kaye Sh. The running life: getting in touch with your inner hunter gatherer // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 161-170.
13. Lokk Dzh. Sochineniya v trekh tomakh: t. 3. M.: Mysl', 1988.
14. Martin Ch. John Dewey and the beautiful stride: running as aesthetic experience // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 171-179.
15. Maiese M. The power of passion on Heartbreak Hill // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 193-203.
16. Moreland J. P. Running in place or running in its proper place // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 151-160.
17. Nitsshe F. Ecce homo. URL: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_1888_ecce_homo.shtml (data obrashcheniya: 15.05.2023).
18. Nussbaum M. C. «Where the dark feelings hold sway»: running to music // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell

Publishing Ltd, 2007. Pp. 181-191.

19. Austin M. W. Chasing happiness together: running and Aristotle's philosophy of friendship // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 11-19.
20. Reed R. C. Existential running // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 125-138.
21. Reid H. L. The freedom of the long-distance runner // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 115-123.
22. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: Respublika, 2000.
23. Taliaferro Ch. & Traughber R. The soul of the runner // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 205-219.
24. Tul'chinskii G. L. Nikolai i Mikhail Bakhtiny: konsonansy i kontrapunkty // Voprosy filosofii. 2000. № 7. S. 62-90. URL: <http://hpsy.ru/public/x3084.htm> (data obrashcheniya: 28.05.2023).
25. Fry J. P. Running religiously // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 57-69.
26. Hochstetler D. R. Can we experience significance on a treadmill? // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. S.I.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 139-149.